

Boxoft Image To PDF Demo. Purchase from
www.Boxoft.com to remove the watermark

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

ПОЗНАНИЕ И ОБЩЕНИЕ

ТЕОРИЯ, ЭКСПЕРИМЕНТ, ПРАКТИКА

Под редакцией
В. А. Барабанщикова
Е. С. Самойленко

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2009

УДК 159.9

ББК 88

П 47

Редакционная коллегия:

доктор психологических наук, член-корр. РАО В. А. Барабанщиков (отв. ред.)

кандидат психологических наук Е. С. Самойленко (отв. ред.)

доктор психологических наук В. Н. Носуленко

доктор психологических наук, проф. Н. Л. Карпова

доктор психологических наук Н. Д. Павлова

доктор психологических наук Д. В. Ушаков

кандидат психологических наук И. А. Зачесова

кандидат психологических наук Н. Г. Артемцева

кандидат психологических наук А. Н. Харитонов

П 47 Познание и общение: Теория, эксперимент, практика /
Под ред. В. А. Барабанщикова и Е. С. Самойленко. – М.: Изд-
во «Институт психологии РАН», 2008. – 235 с. (Интеграция
академической и университетской психологии)

ISBN 978-5-9270-0148-4

УДК 159.9

ББК 88

Во втором томе коллективного научного труда представлены материалы конференции «Познание в структуре общения», организованной и проведенной Институтом психологии Российской академии наук 13–14 ноября 2008 г. Конференция посвящена проблеме порождения, организации и функционирования психических процессов в ходе общения. Обсуждаются результаты современных исследований когнитивно-коммуникативных образований психики, особенностей дискурса в системе социально-психологических отношений, психологических характеристик коммуникации, опосредованной новыми технологиями, роли когнитивно-коммуникативных процессов в психотерапии и ряд других вопросов, раскрывающих своеобразие познавательных процессов в структуре общения.

Книга предназначена для специалистов в области общей, социальной и прикладной психологии, а также для работников сферы массовой коммуникации, образования, менеджмента, психотерапии.

*Подготовка и публикация труда осуществлена при поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ),
проект № 08-06-14045г.*

© Институт психологии Российской академии наук, 2008

ISBN 978-5-9270-0148-4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------	---

Раздел I Теория и методология

<i>В. А. Барабанищikov.</i> Познание и общение	11
<i>Н. И. Чулпrikова.</i> Единство проблем мышления и речи, общения и познания	20
<i>Н. Л. Карпова, М. М. Данина.</i> Познание и общение в логопсихотерапии	28
<i>В. П. Морозов, П. В. Морозов.</i> Психологические механизмы распознавания искренности-неискренности говорящего по особенностям его невербального поведения	36
<i>Е. А. Петрова.</i> Психосемиотический подход: перспективы развития проблем межличностного познания	50
<i>Т. И. Пащукова.</i> Сфокусированность личности на себе и особенности мышления как коммуникативно-когнитивное образование психики	58
<i>А. Н. Харитонов.</i> Коммуникативные структуры: у истоков	66
<i>В. А. Барабанищikov, Д. А. Дивеев.</i> Стратегии исследования восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по выражению его лица	75

РАЗДЕЛ II ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- В. А. Барабанщиков, К. И. Ананьева.* Локализация направления
взора при идентификации расового типа лица 85
- Н. Г. Артемцева.* Распознавание правдивых и ложных
сообщений по выражению лица говорящего в процессе
общения 90
- А. А. Демидов.* Возможности количественного
и качественного подходов в исследовании
восприятия психологических особенностей
человека по выражению его лица 98
- П. В. Морозов.* Гендерные различия в оценках психологических
свойств говорящего по невербальным особенностям его
речевого поведения 116
- Л. В. Кам.* Особенности отношения к собственному
внешнему облику у женщин с разным типом
гендерной идентичности 122
- Е. С. Самойленко, К. А. Денисова, В. М. Шнейдер.* Феномен
асимметрии в субъективной оценке сходства объектов
предметного и социального мира 136
- А. И. Виноградская.* Коммуникативно-когнитивная
прагматика в дискурсивных
взаимодействиях диалогов 149

РАЗДЕЛ III ПРАКТИЧЕСКИЕ ВНЕДРЕНИЯ

- Н. Л. Белопольская.* Когнитивные и аффективные
детерминанты решения задач на возрастную
идентификацию 159
- Т. В. Галкина.* Адекватная самооценка как регулятор
социального взаимодействия подростков:
миф или реальность? 170
- И. А. Галкина.* Исполнительская деятельность и самооценка
в контексте проблемы познания в структуре общения 182
- Н. Г. Артемцева.* Особенности общения родителей
и подростков: общие, типологические, индивидуальные 192

<i>Г. М. Головина, Т. Н. Савченко, Д. В. Сочивко. ОБЩЕНИЕ КАК СПОСОБ РАЗРАБОТКИ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК (НА ПРИМЕРЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ)</i>	201
<i>Ф. Е. Иванов, Е. И. Лопатина. ОСОБЕННОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ОБЩЕНИИ С КЛИЕНТАМИ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ КУЛЬТУРЫ</i>	208
<i>Н. Л. Нагибина, Н. Г. Артемцева. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ОБРАЗОВАНИИ</i>	217
<i>Е. Е. Петракова. «Значимый другой» в телевизионной коммуникации</i>	226
<i>Л. Ф. Мальгина, А. В. Мальгина. РАБОТА ПСИХОЛОГА ПО КОМАНДООБРАЗОВАНИЮ</i>	229

Предисловие

Предлагаемая вашему вниманию книга является вторым томом коллективного труда, посвященного закономерностям порождения, функционирования и развития познавательных процессов в общении. На сегодняшний день категориальный статус общения, его особая роль в психическом развитии человека общепризнанны. Широким фронтом ведутся эмпирические исследования общения, которые давно вышли за рамки и социальной и общей психологии. На новом витке развития науки эффективно решаются вопросы организации и функционирования психических процессов в условиях общения, механизмов регуляции и развития общения, соотношения вербальных и невербальных средств в процессе общения, природы дискурса, взаимосвязи и взаимопереходов общения и деятельности, способов включения личности в процессе общения и многое другое. Выявленные закономерности активно используются в общественной практике: педагогике, медицине, политологии, менеджменте, системах телекоммуникации и других сферах.

В данном издании представлены доклады участников Всероссийской конференции «Познание в структуре общения», организованной Институтом психологии РАН (13–14 ноября 2008 г., Москва).

Книга состоит из трех разделов.

В разделе 1 представлены работы, посвященные теоретическим и методологическим вопросам проблемы познания и общения. Анализируется природа единства проблем мышления и речи, общения и познания. Обсуждаются теоретико-методологические и эмпирические основания коммуникативного подхода к исследованию познавательных процессов, прежде всего той его версии, которая ассоциируется с именем Б. Ф. Ломова.

Раздел 2 включает экспериментальные исследования когнитивно-коммуникативных феноменов. Обсуждаются результаты работ, посвященных изучению восприятия выражения лица, индивидуально-психологических механизмов межэтнического восприятия, гендерных различий в восприятии и оценке человека, особенностей сравнения объектов предметного и социального мира и т. п.

Раздел 3 посвящен прикладным аспектам проблематики познания и общения. Представлены результаты разнообразных исследований, имеющих большое практическое значение при организации коррекции системы самооценок и общения родителей и подростков, реализации эффективного психотерапевтического взаимодействия, выявления роли новых коммуникационных технологий в жизни людей.

Представленные в книге статьи свидетельствуют о перспективности исследований в области познания и общения. Дальнейшая разработка проблемы связана с ее более глубокой теоретизацией и специализацией методического аппарата исследований. На сегодняшний день она выступает как междисциплинарная, образуя своеобразную точку роста научного знания, и требует для решения использования системных средств.

*В. А. Барабанщиков
Е. С. Самойленко*

Раздел I
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

ПОЗНАНИЕ И ОБЩЕНИЕ

В. А. Барабанщиков
Институт психологии РАН (Москва)

Статья, предлагаемая Вашему вниманию, посвящена характеристике коммуникативного подхода к исследованию познавательных процессов, вернее той его версии, которая ассоциируется с именем Б. Ф. Ломова. Она состоит из двух частей. В первой части будут рассмотрены теоретико-методологические и эмпирические основания оригинального подхода, во второй – особенности его развития на современном этапе научного знания. Хотелось бы сразу предупредить, что я не буду перечислять списки фамилий исследователей, работавших в данной области, поскольку они были бы очень длинными и, кроме того, они в достатке представлены в первой части книги. Я вижу свою задачу в том, чтобы рассмотреть основания и логику развития коммуникативного подхода в психологии.

Основная идея подхода, высказанная Ломовым в середине 70-х годов, формулируется так: протекание психических процессов, таких как восприятие, память, мышление, воображение, речь неразрывно связано с организацией общения людей; познание и общение образуют единство. Общение играет роль основания познавательных процессов, которые в свою очередь направляют и контролируют коммуникативный процесс.

Содержание подхода конкретизируется рядом теоретико-методологических положений и экспериментальных исследований.

Прежде всего, это принципы системного подхода, приложенные к изучению природы познавательных процессов. Последние понимаются как формы субъективного отражения действительности (Ломов, 1984; 2006), совокупность которых образует познавательную

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ), проект № 08–06–95072а/Чел.

сферу человека. Она рассматривается в виде многомерного, иерархически организованного, развивающегося целого, функциональные компоненты которого имеют общий корень и онтологически неразделимы. Течение познавательных процессов системно детерминировано, а сами они играют роль важнейших детерминант биологических и социальных процессов. Благодаря познавательной сфере осуществляется ориентировка человека в среде или мире и регуляция его активности.

Решающим шагом, ведущим к появлению коммуникативного подхода, стало расширение содержания и усиление эпистемологического статуса понятия общение. Согласно Ломову многомерны не только психические явления, но и их основания, роль которого, наряду с деятельностью, выполняет общение. Имеется ввиду взаимодействие людей, в ходе которого совершается обмен информацией, состояниями и действиями. По сравнению с актами отдельных участников общение обладает новым качеством. Это своеобразный интеграл «полифонии» (М. М. Бахтин) позиций, установок, мнений, планов, организованных в относительно самостоятельные циклы. Действия коммуникантов носят сопряженный характер, когда заданному вопросу соответствует ответ, побуждению к действию – его выполнение, а полученному сообщению – отношение к нему. Объединенные общим содержанием, или темой, они имеют иную, чем деятельность, логику функционирования и развития. Результатом общения становятся не преобразования среды или объекта, а установление или реализация конкретных отношений между людьми. В отличие от индивидуальной деятельности общение по-своему организует и направляет процессы восприятия, памяти, мышления, обеспечивая обмен продуктами познавательных процессов. Последние, в свою очередь, побуждают, регулируют, контролируют и корректируют общение и являются внутренними условиями его развития. Наряду с когнитивной и регулятивной Ломов выделяет коммуникативную функцию психики, наиболее полно раскрывающуюся в общении.

В итоге общение приобретает статус общепсихологической категории, разработка которой делает очевидным еще один принципиальный момент: ограниченность возможностей формирования и развития познавательных процессов в индивидуальной деятельности. Согласно исследованиям в большей степени этими качествами обладает совместная деятельность людей. Она опирается на те же психологические составляющие, что и индивидуальная, которые,

как правило, распределены между членами группы и выступают как их социальные функции. Совместная деятельность характеризуется общностью цели, принятия решения, плана, оценки результата, предполагает общий фонд информации, который формирует и которым пользуются каждый из членов группы. Соответственно, и образ действительности, и сам процесс ее познания выступают как социально-психологические феномены.

Существенно, что с усилением статуса категории общения деятельностная проблематика не только не уходит в тень, но и значительно расширяется. Открываются новые возможности анализа единиц, структуры, уровней развития деятельности; более глубоким становится понимание ее субъекта, объекта и средств (артефактов), в ином ракурсе выступают механизмы целеобразования и мотивации деятельности.

Эмпирическая база нового подхода состояла из исследований динамики формирования и развития познавательных процессов, выполненных, преимущественно, сотрудниками и аспирантами Института психологии АН СССР (В. Н. Носуленко, В. А. Кольцовой, В. А. Елисеевым, А. А. Грачевым, В. И. Максименко, Е. В. Цукановой и др.). Во всех этих работах сравнивались способы и эффективность выполнения испытуемыми познавательных задач в условиях индивидуальной деятельности и совместной, опосредованной общением. Было показано, что общение в диадах (лицом к лицу) значимо влияет на динамику и конечный результат переживаемых ощущений, поиск полезной информации, запоминание и воспроизведение материала, протекание воображения и мышления, т. е. охватывает все уровни и существенных измерения познавательной сферы человека. Это становится возможным благодаря наличию общего (надиндивидуального) фонда информации и использованию промежуточных продуктов индивидуальных познавательных процессов (образов, представлений, понятий) всеми участниками непосредственного общения. Взаимозависимость познания и общения, их внутреннее переплетение нашло отражение в понятии когнитивно-коммуникативный процесс, которое фиксирует основной феномен данного подхода.

Хотелось бы напомнить, что общение (как, впрочем, деятельность, сознание, личность) входит в предмет не только психологии, но и ряда общественных наук. Оно не принадлежит исключительно и социальной психологии, которая традиционно разрабатывает проблематику общения в плане межличностных отношений, восприятия

и понимания человека человеком, структуры и динамики малых групп, процессов массовой коммуникации и др. Версия коммуникативного подхода, предложенная Ломовым, затрагивает общепсихологический план проблемы, ассоциированный с индивидуальным уровнем общественного бытия человека. Главная задача исследований этого уровня заключается в том, чтобы раскрыть закономерности организации, функционирования и развития познавательных процессов отдельного человека в ходе его взаимодействия с другими людьми. В этом контексте особый интерес вызывают логика превращения (посредством общения) одних форм и уровней познания в другие, динамика соотношения осознаваемого и неосознаваемого содержания (в ходе общения), специфика переживания, выражения и восприятия эмоциональных состояний коммуникантов и другие феномены, играющие роль когнитивных механизмов общения.

Согласно Ломову изучение познавательной сферы человека в структуре общения является необходимым условием раскрытия системного строения и развития психики. Исследования этого типа играют роль магистрального пути реализации системного подхода в психологии.

Ситуация в российской психологии сегодня существенно отличается от ситуации 70–80-х годов.

За два десятилетия произошли серьезные подвижки в мировоззрении и стратегии научного познания, связанные с развитием неклассических форм системного подхода. В центре внимания оказываются процессы самоорганизации и саморазвития систем. Складывается синергетическая картина мира, в которой подчеркивается спонтанность возникновения порядка из хаоса, принципиальная непредсказуемость поведения систем в точках бифуркации, непрерывность пребывания сложных систем в переходном состоянии и т. п. (см. Барабанщиков, 2005). Смысл современного научного познания видится в анализе не столько устойчивых структур, сколько их становления. Речь идет о возникновении нового в режиме актуального времени «здесь и теперь». При этом исследовательский процесс представляется не безликим добыванием якобы объективной информации о мире, а живым диалогом человека с миром. В данном контексте классические описания субъект-объектного типа теряют универсальность и требуют дополненности описанием коммуникативного типа: субъект-субъект. Формируются синергетические когнитивно-коммуникативные стратегии научного познания, призванные раскрыть целостность мира, включающего в себя и человека,

во всей его сложности и разнообразии. В новой системе координат субъект как таковой лишается центрирующей позиции; появляется множество центров, так или иначе согласующихся друг с другом в процессе коммуникации, в ходе диалога.

Очевидно, что проникая в психологию, установки синергетического мышления усиливают позиции коммуникативного подхода к исследованию познавательных процессов индивида. Более того, они реструктурируют проблемное поле и методы получения знания в данной предметной области. Ключевую роль начинают играть способы порождения психических явлений, закономерности их трансформаций и взаимопереходов, соотношений актуального и потенциального в познавательном развитии и т. п. Значительное внимание привлекает психологическая природа дискурса и становление социального интеллекта.

Необходимо признать, однако, что обозначенные тенденции пока еще плохо сопрягаются с принятыми в психологии исследовательскими процедурами, которые в течение десятилетий разрабатывались для изучения результативных форм психических явлений. Структурные образующие познавательных процессов: субъект (или субъекты), объект познания, образы либо понятия изначально рассматриваются как уже данные, т. е. сложившиеся. Тем самым субъекты противопоставляются друг другу и познаваемому объекту, образ либо понятие отделяется от других модальностей психики и активности людей, а психический акт «вырезается» из контекста жизни человека и исследуется как бы с нуля, преимущественно в формально-динамическом плане. Даже тогда, когда исследователю удается выделить генетические характеристики процесса, они рассматриваются вне порождающего их основания, безотносительно к своим предпосылкам и последующей судьбе, как нечто, имеющее самостоятельное значение. Все это приводит к тому, что используемый в психологии понятийный аппарат не соответствует природе изучаемого явления, а исследователи фиксируют лишь поверхностный слой его организации.

Другая особенность развития коммуникативного подхода связана с разработкой понятия субъекта. Познавательные процессы (как и другие явления психики) не существуют сами по себе; они всегда чьи-то, кому-то принадлежат. Этим кто-то, собственником и распорядителем, и является субъект. В традициях школы С. Л. Рубинштейна (2003) субъект рассматривается онтологически, как структурный уровень бытия, «центр его перестройки».

На индивидуальном уровне это конкретная личность, которая разрешает противоречия между собственными притязаниями и способностями, с одной стороны, и требованиями и условиями выполняемых форм активности – с другой. Распоряжаясь личностными ресурсами человек получает возможность строить отношения с миром и в этом процессе формировать самого себя. Активность, саморегуляция, саморазвитие и самосовершенствование характеризуют ключевые свойства человека как субъекта жизни.

Субъект выполняет роль стержня, или интегрирующего звена, объединяющего различные проявления (компоненты, модальности) психики и уровни ее организации. Соответственно, анализ субъекта открывает возможность выявления механизмов порождения и развития целостных когнитивных образований или структур.

Все это означает, что изучение познавательных процессов, неважно, в деятельности или общении, не может пройти без учета психологического склада личности, закономерностей ее внутреннего мира. Наряду с индивидуально-психологическими особенностями личности (направленностью, темпераментом, характером, способностями) в центре внимания оказываются ее интегральные образования, такие как сенсорно-перцептивная организация, Я-концепция, интеллект, коммуникативная компетентность, защитные механизмы и прочее, которые определяют способ и стиль протекания познавательных процессов в общении. Через личность во взаимоотношения познания и общения втягиваются состояния, волевая сфера, сложнейшая система субъективных отношений человека.

По существу личность играет роль промежуточного звена или посредника между познанием и общением. С одной стороны, она формируется и проявляется в общении, конституируя сам этот процесс, с другой стороны, одновременно обуславливается течение различных форм субъективного отражения и пользуется их продуктами. Формула (или парадигма) коммуникативного подхода меняется. Она принимает вид *единства познания, личности и общения*.

В процессе общения личность оказывается не только субъектом, но и предметом познания. В этом случае познавательный процесс, в частности, восприятие, строится по логике общения, принципиально отличаясь от восприятия неживых объектов или геометрических фигур. Исследования показывают, что лицо человека интерпретируется наблюдателем в терминах внутреннего мира другого (веселый – грустный, умный – глупый, активный – пассивный и т.п.) и как поверхность оказывается прозрачной для наблюдения. Это

позволяет говорить о субъектности межличностного восприятия как свойстве такого же порядка, что и предметность, целостность или структурность, традиционно описываемые общей психологией.

Представления о личности как посреднике познания и общения не изменяют общепсихологического плана исследования. Благодаря этому плану открывается возможность развернуть те аспекты исследований, которые, например, в социальной психологии познания оказываются скрытыми. Так, в качестве механизмов межличностного восприятия полагаются проекция, атрибуция, стереотипизация и др. процессы, но сказать, как эти механизмы «работают» при восприятии коммуникантам друг друга, в масштабе каждой конкретной личности весьма затруднительно. В силу преобладающего в социально-психологических исследованиях диспозиционного либо ситуационного подходов, скрадывается и проблема адекватности познания личности – центральная с точки зрения общей психологии.

В этой связи нельзя не отметить, что характеристика познавательных процессов в терминах отражения, которая в советский период считалась основной, сохраняет актуальность и в современных работах, хотя нередко уходит на второй план. Необходимость отражения вытекает из необходимости активных форм приспособления индивида к среде, требующих непрерывной ориентировки и регуляции поведения. В процессе общения и деятельности образ, или продукт отражения, не просто формируется, но и развивается, а его основу составляет не только индивидуальное, но и родовое бытие субъекта. Поэтому конкретный результат отражения – продукт всей системы жизненных связей и отношений индивида со средой, человека с миром.

С онтологической точки зрения образ далек от копии или «ментальной картинки», возникающей в голове человека при раздражении органов чувств. Он представляет собой реконструкцию объекта, выполняемую субъектом с учетом его собственных свойств и возможностей, особенностей организации внутреннего мира. Это результат перехода вещей, людей и событий от «в себе» бытия к бытию для воспринимающего субъекта, необходимо связанном с изменением их содержания. Образ это «рефлектирование в другое» или явление другому (Рубинштейн, 2003, с. 328).

С развитием экологического и социокультурного подходов в психологии по-новому рассматривается и объект познания. В его содержание включается констелляция объективных событий, но взятая не сама по себе, а в отношении к субъектам познания и включающая

их в качестве своих компонентов. Взаимодействие людей в конкретных жизненных условиях описывается понятием коммуникативная ситуация. Она выражает способ объединения разноплановых сил в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит участникам общения. Это их ситуация, а не ситуация вообще. Осуществляя познавательный процесс каждый их субъектов конституирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему и бытию другого. Ситуация становится главной альтернативой отдельному человеку либо вещи, познание и оценку которых принято изучать. В отличие от объекта вещи объект – ситуация не дается заранее и до завершения познавательных актов участников общения остается недоопределенным. Коммуникативная ситуация зарождается, развивается и завершается в процессе общения.

Ситуация является источником содержания внутреннего мира коммуникантов и одновременно полем их отношений и активности. Она «предлагает» возможные цели, пути и способы поведения, как бы подталкивая участников к тому или иному решению. Однако принятие решения становится делом общего выбора.

Разнородные события, совершающиеся в ходе взаимодействия людей выполняет функции причин и следствий, внешних и внутренних условий, предпосылок и опосредующих звеньев, их отношения исключительно подвижны, а совместное движение носит направленный характер. Соответственно, главным в эмпирическом исследовании познания, личности и общения оказывается не влияние отдельных переменных, а динамическая структура детерминант (средовых, диспозиционных, интерактивных), порождающая совокупный познавательный процесс и так или иначе учитывающая его текущее состояние. Общение, деятельность, учение суть способы разрешения ситуации, которые не только стереотипно повторяются, следуя размеренному течению жизни, но и могут радикально меняться и требовать новых подходов и оригинальных решений. Перспектива анализа коммуникативной ситуации заключается в возможности сблизить организацию процедур лабораторного эксперимента с реальными способами жизни и деятельности человека не только в физическом, но и в экологическом, социальном и культурном отношениях.

Рассмотренные тенденции носят самый общий характер, и требуют более содержательной и детальной проработки. На сегодняшний день категориальный статус общения, его особая роль в психическом развитии человека общепризнанны. Широким

фронтом ведутся эмпирические исследования общения, которые давно вышли за рамки и социальной и общей психологии. На новом витке развития науки эффективно решаются вопросы организации и функционирования психических процессов в условиях общения, механизмов регуляции и развития общения, соотношения вербальных и не вербальных средств в процессе общения, природы дискурса, взаимосвязи и взаимопереходов общения и деятельности, способов включения личности в процесс общения и многое другое. Выявленные закономерности активно используются в общественной практике, педагогике, медицине, политологии, менеджменте, системах телекоммуникации и других сферах. Проблема общения выступит сегодня как комплексная, междисциплинарная и представляет собой одну из активных точек роста современной науки.

В этом контексте единство познания и общения представляется как очевидный факт, нуждающийся, с одной стороны, в масштабной конкретизации, с другой – в глубоких теоретических обобщениях, раскрывающих природу данного единства. Главной задачей исследований становится поиск механизмов когнитивно-коммуникативных процессов, протекающих в экологически, социально и профессионально валидных условиях жизни людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Барабанчиков В. А.* (Отв. ред.) *Идея системности в современной психологии.* М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Ломов Б. Ф.* *Методологические и теоретические проблемы психологии.* М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* *Психическая регуляция деятельности.* М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Рубинштейн С. Л.* *Бытие и сознание. Человек и мир.* СПб.: Питер, 2003.

ЕДИНСТВО ПРОБЛЕМ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ, ОБЩЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

Н. И. Чуприкова

Психологический институт РАО (Москва)

Старую традиционную психологию справедливо упрекали в функционализме. Но неверно было бы думать, что отдельных психических функций или процессов нет. Они, безусловно, есть. Их фактическое существование подтверждается всем ходом развития психологической науки, в которой, иногда лучше, иногда хуже, изучаются ощущение, восприятие и мышление, чувства и потребности, память и внимание, способности, характер и волевые качества личности.

Плохо то, что в теории науки, в теории психологии эти функции не образуют никакой целостной системы, выступают практически как независимые, перечисляются рядоположено.

Получается, что психика человека – это просто набор отдельных функций или процессов, это познание + эмоции + чувства + потребности + память + способности + воля и т. д. Слова о единстве, взаимопроникновении этих отдельных процессов или функций остаются, как правило, чистым вербальным приговариванием или иллюстрируются отдельными примерами. В большой мере это справедливо и по отношению к изучению процессов общения.

В этой связи первая проблема, которую я хочу кратко осветить, это – как теоретически рационально вписать процессы общения в целостную функциональную систему психики, чтобы они выступили в ней в качестве одной из обязательных и необходимых ее подсистем.

Проблема теоретического построения системы основных психологических понятий и системы психической регуляции поведения и деятельности обсуждалась в наших работах (Чуприкова, 2006; 2007а; 2008а, б). Целостная функциональная система психики в первом приближении может быть теоретически выстроена, если,

во-первых, взять за основу сложившееся в отечественной психологии понимание психики как отражения действительности и регуляции на этой основе поведения и деятельности, а, во-вторых, если задаться простым вопросом: что должно быть отражено в психике, что должно быть представлено в ней, чтобы поведение было адекватным внешним и внутренним условиям, а деятельность успешной?

В ответ на этот простой вопрос, который почему-то никогда не задавался, теоретическая система ведущих психологических понятий и целостная функциональная система основных психических процессов буквально выстраивается «сама собой».

Итак, что должно быть отражено в психике, что же должно быть представлено в ней, чтобы поведение и деятельность были успешными?

- 1 Должна быть отражена наличная предметная действительность, существующая в данном пространстве в данный момент времени.
- 2 Должны быть представлены события, могущие иметь место в будущем и имеющие место в пространстве за пределами его непосредственной данности.

1 и 2 – это познавательные процессы, которые образуют когнитивную подсистему психики, включающую ощущение и восприятие, опережающее отражение действительности (в форме разного рода антиципаций и экстраполяций), воображение, мышление.

- 3 Должны быть отражены нужды собственного организма и личности. Это потребностно-мотивационная подсистема психики.

Должно быть в прямой чувственной форме отражено значение для организма и личности (положительное и отрицательное) тех или иных внешних факторов, собственных внутренних состояний, а также результатов взаимодействия организма и личности со средой – природной и социальной.

Это эмоции и чувства, образующие эмоциональную подсистему психики.

- 4 Конечно, нужно учитывать весь прошлый опыт отражения и регуляции поведения.

Это подсистема памяти.

Но есть еще один очень важный класс сведений, которые обязательно должны быть представлены в психике каждого человека, чтобы его поведение и деятельность были успешными. Эти сведения

о том, как отражена действительность в психике других людей: что они ощущают и воспринимают в данный момент, что они знают и понимают, о чем думают, что и как предвидят, что чувствуют и помнят, каковы их потребности. Без постоянного учета этих сведений о содержании психики других людей (теоретически – всех, но в конкретных актах поведения и деятельности, конечно, только некоторых, в зависимости от обстоятельств) никакое адекватное внешним условиям поведение и никакая успешная деятельность просто невозможна.

Вместе с тем, каждый человек, если он хочет, чтобы поведение и деятельность других людей были как-то согласованы с его собственным видением мира, собственными чувствами и потребностями, должен передавать им данные содержания своей психики.

Так мы получили еще одну, 6-ую подсистему психики – подсистему передачи сведений о содержании и состояниях своей психики другим людям и приема соответствующих сведений с их стороны. Ее можно назвать коммуникативной подсистемой или подсистемой общения. Она включает в себя все вербально-речевые процессы и процессы невербальной коммуникации. Благодаря этой подсистеме каждому человеку становятся в большей или меньшей степени доступными результаты отражательной психической деятельности других людей.

Надо специально подчеркнуть, что в принципе, с теоретической точки зрения, человек должен иметь сведения о содержании всех подсистем психики других людей, а также сообщать им о содержании и состояниях всех без исключения собственных психологических подсистем. Таким образом, удается рационально теоретически непротиворечиво построить коммуникативные процессы общения, включая весь необходимый для этого инструментарий (невербальные средства, словесные и многие другие искусственные знаки) в общую целостную функциональную систему психического отражения и регуляции поведения и деятельности.

Как и все другие подсистемы, коммуникативная подсистема общения коренится в самих истоках жизни. Поскольку жизнь отдельных особей, как правило, протекает в составе их более или менее крупных популяций, обмен информацией между особями об их внутренних состояниях и о результатах встреч со средой составляет необходимое условие жизни популяции. Такой обмен информацией существует уже у простейших, не говоря уже о насекомых, птицах, приматах. При этом, чем сложнее становится психика и поведение,

тем более сложные формы приобретают коммуникативные процессы и их средства.

Чтобы картина стала законченной, к уже упомянутым 6-ти подсистемам функциональной системы психики надо добавить еще 2 необходимые подсистемы, содержание которых также должно становится предметом коммуникации.

Это 7-я, центральная, интеграционно-волевая подсистема, где интегрируются сведения, поступающие из всех 6-ти подсистем, где происходит синтез этих сведений, идут процессы принятия решений, происходит выработка целей и программ поведения.

Наконец, 8-я активационно-энергетическая подсистема, которая обеспечивает необходимый энергетико-активационный уровень работы всех других подсистем, включая интеграционно-волевою. При этом очень важное обстоятельство состоит в том, что чем с более трудными задачами и ситуациями сталкивается человек, чем больше требований предъявляется к целостной функциональной системе его психики, тем в большей степени (не обязательно линейно и, конечно, до определенного индивидуально обусловленного предела) включается ее активационно-энергетическая подсистема.

Таково первое положение моего сообщения.

Второе состоит в следующем. Во всякой функциональной системе, в понимании П. К. Анохина, работа отдельных подсистем не только интегрируется центральной подсистемой, а сами подсистемы не только взаимодействуют между собой, но взаимодействуют друг другу в достижении конечного приспособительного результата. Такое взаимодействие ярко выступает применительно к проблеме соотношения речи, языка и мышления, общения и познания.

Рассмотрим кратко проблему соотношения речи, языка и мышления. Сейчас общепризнано, что развитие высших форм мышления человека без языка и речи невозможно. Но почему? На этот вопрос в истории науки был предложен достаточно ясный ответ, состоящий в том, что слово как некий внешний знак, является единственным и незаменимым средством аналитического расчлененно-понятийного познания действительности (Чуприкова, 2004; 2007б). Так, еще В. Гумбольдт обращал внимание на способность слова как материального знака выделять некоторый «квант» мысли из ее целостного потока, тем самым отделить его от других «квантов» и сделать доступным как таковой и самому мыслящему индивиду, и восприятию других людей.

А. А. Потебня развивал взгляд, что подлинное развитие мысли начинается с разложения, раздробления чувственных образов на отдельные элементы, которое в сколько-нибудь развитой форме принципиально невозможно без связывания таких «дробных элементов» со специфическими словесными знаками.

Выразительные высказывания на этот счет находим у Л. С. Выготского. Так, например, он пишет: «Не мысля словами, ребенок видит целую картину, и мы имеем основания предполагать, что он видит жизненную ситуацию глобально, синкретически. Вспомним, насколько синкретично связаны все впечатления ребенка. Слово, которое отрывает один предмет от другого, является единственным средством для расчленения синкретичной связи... Слово – первое средство анализа; назвать предмет словом для ребенка, значит выделить из общей массы действующих предметов один».

Соответственно, назвать словом какой-либо признак предмета, его свойство, какое-либо отношение предметов – это значит выделить данный признак, свойство, отношение, отделить их от других признаков, свойств, отношений и, тем самым, сделать их независимыми предметами мысли. А это – необходимая предпосылка понятийного мышления. Л. С. Выготский писал, что понятие в его развитом виде предполагает не только обобщение конкретных элементов опыта, но также изоляцию отдельных элементов и умение рассматривать эти выделенные, отвлеченные элементы вне конкретной и фактической связи, в которой они даны в опыте. А функциональное употребление слова или другого знака является необходимым средством такого расчленения, выделения и абстрагирования признаков и свойств предметов и явлений.

Рассмотренный взгляд на значение языка для мышления можно назвать когнитивистским. В нем раскрывается, как и почему язык необходим для мышления. Но ведь язык, как принято считать, возник в человеческом обществе отнюдь не для целей мышления, а для целей коммуникации, для целей обмена информацией, мыслями, состояниями. Таким образом, получается, что у языка имеется две функции: функция служить средством коммуникации и функция служить средством мышления. Получается, что это как бы две рядоположные, разные функции. Между ними не просматривается какой-либо необходимой, глубинной фундаментальной связи. Между тем такая связь существует.

Суть в том, что без аналитического познания действительности при помощи слов языка никакая развитая коммуникация

в человеческом обществе невозможна. Богатейшее содержание психики каждого человека принципиально не может быть сообщено людям иначе, как посредством его аналитического членения при помощи языка.

Поясним это в краткой форме.

Дело в том, что наша психика всегда целостна. Наше отражение предметного мира, других людей и самих себя всегда целостно и бесконечно многообразно. Мы живем в мире бесконечного количества самых разных ситуаций и переживаний. Таких целостных конкретных ситуаций миллионы и миллиарды. Как же передать их содержание другим людям? Ведь невозможно же для каждой из этих ситуаций использовать свой собственный, отличный от всех других знак.

Но есть вполне понятный способ справиться с этой задачей. С разными знаками можно связать не разные ситуации, но разные входящие в них элементы (предметы, их свойства, отношения, эмоции, потребности, свойства других людей, характеристики движений и т. д., и т. п.), которые являются общими для множества ситуаций. А комбинируя различным образом такой относительно немногочисленный набор знаков, можно передать и получить с достаточно высокой точностью практически неограниченное количество сведений о мире, об его отражении в психике, о богатейшем содержании всей психики других людей. Означивание отдельных элементов отражательной психической деятельности – это единственно возможный способ передачи ее богатейшего и неисчерпаемого содержания.

Поясним это на примере.

Например, имеется 27 предметов трех различных форм, трех разных цветов и трех разных размеров. При посредстве всего 9 знаков (трех для формы, трех для цвета, трех для размеров), комбинируя их в разных сочетаниях, можно передать и получить информацию о каждом из 27 предметов. Если же имеется набор вещей (или образов, или переживаний), обладающих четырьмя различными признаками, каждый из которых принимает 4 значения, то посредством всего 16 знаков можно передать и получить информацию уже о 256 конкретных явлениях.

Близко к этому идеальному принципу построены все языки мира, в которых имеется множество слов для обозначения и сигнализации разных объектов, их свойств и отношений, различных эмоций и потребностей, разных намерений и т. д. Комбинируя эти слова, можно передать и получить информацию о множестве

самых разных внешних ситуаций и внутренних состояниях психики людей.

Таким образом, получается, что без языка и речи невозможно аналитическое познание действительности, а без такого аналитического познания невозможна никакая полноценная коммуникация в человеческом обществе. Получается, что две функции языка – служить средством мышления и служить средством коммуникации и общения – это не две разные функции. Это, скорее, две стороны одной и той же медали. Сказанное в полной мере справедливо не только для обмена информацией о внешнем мире, но и для передачи сведений о содержании внутреннего мира людей. Если я хочу, например, передать другим то, что я чувствую, я должна назвать это чувство, а для этого – выделить его как таковое, как достаточно определенный элемент моей эмоциональной сферы. Я должна также назвать словом модальность данного чувства, его интенсивность, некоторые оттенки, для чего необходимо также выделить и отделить от других все эти характеристики. Если чувство познано смутно, плохо отдифференцировано от других, то такой же смутной и неопределенной будет передача сведений о нем в языке другим людям.

В рассмотренный общий контекст взаимосвязи, единства и взаимодействия когнитивной и языко-речекommunikативной подсистем психики человека вписывается много более частных тем, которые обычно выступают как разные и не связанные между собой, но на самом деле принадлежат единой общей проблематике. Назовем некоторые из них. Это:

- 1 Известное положение Л. С. Выготского о филогенетически разных корнях мышления и речи, о том, что интеллект и речь впервые соединяются в процессе антропогенеза. Это положение и его справедливость рассматривается в нашей работе (Чуприкова, 2004).
- 2 Необходимость внутренней речи в виде скрытых речевых кинестезий для всех форм развитого мышления человека, в том числе наглядно-образного, что показала впоследствии А. Н. Соколова (Чуприкова, 2004).
- 3 Положение П. П. Блонского, что одной из важнейших задач начальной школы следует считать воспитание точности языка как умения точно называть впечатления и правильно пользоваться для этого формами речи.

- 4 Положение Л. Витгенштейна о необходимости выработки точного языка науки, что в высшей степени актуально для современного состояния психологии.
- 5 Значение для развития мышления и познания сократического диалога как особой целенаправленной формы общения.
- 6 Данные физиологии высшей нервной деятельности, что словесные обозначения сигнальных раздражителей и их признаков облегчают выработку дифференцировок (особенно в случае тонких дифференцировок) и переделку условных реакций.
- 7 Гипотеза Б. Уорфа о влиянии языка на мышление должна обсуждаться в более широком контексте влияния задач общения на нахождение наиболее оптимальных способов обмена людей содержанием своей психики и тем самым на формирование языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Чуприкова Н. И. Проблема соотношения мышления и речи. Экспериментальные исследования и некоторые вопросы теории // Московская психологическая школа. История и современность / Под ред. В. В. Рубцова. Т. 1. Кн. 1. Фундаментальные проблемы общей психологии. М., 2004. С. 279–292.
- Чуприкова Н. И. Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психол. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 174–192.
- Чуприкова Н. И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности // Вопр. психол. 2007. № 3. С. 3–15.
- Чуприкова Н. И. Как вывести психологию внимания из теоретического тупика // Вопр. психол. 2008. № 5 С. 13–30.
- Чуприкова Н. И. На пути к формированию единой теории психических процессов и личности // Теоретическое наследие Л. М. Веккера: На пути к единой теории психических процессов / Под ред. М. А. Холодной и М. В. Осориной. СПб.: Изд-во СПб. университета, 2008. С. 133–140.
- Чуприкова Н. И. Умственное развитие: принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.

ПОЗНАНИЕ И ОБЩЕНИЕ В ЛОГОПСИХОТЕРАПИИ

Н. Л. Карпова, М. М. Данина

Психологический институт РАО (Москва)

В опубликованных нами ранее работах были рассмотрены вопросы общения в процессе семейной групповой логопсихотерапии (Карпова, 2007), познания и самопознания в процессе библиотерапии (Карпова, Данина, 2008). Цель данной статьи – рассмотрение особенностей динамики познавательных процессов в ходе интенсивного и многопланового общения в системе семейной групповой логопсихотерапии в целом.

Заиканием – одной из сложных форм логоневроза – страдает 2,5–3% населения. Работы Н. И. Жинкина и его последователей в области изучения психофизиологии речи (Жинкин, 1958; Абелева, 1976) показывают, что заикание характеризуется нарушением коммуникативной функции речи и подтверждают, что данный недуг – это, прежде всего, нарушение системы общения, приводящее к изменениям личности. Вслед за Ю. Б. Некрасовой (1992) мы определяем заикание как сложное психофизиологическое состояние, которое выражается в нарушениях темпа, ритма, плавности и строения речи и проявляется в ситуациях значимого общения. Последствия длительных проявлений этого негативного состояния с неизбежностью приводят к деформации личности заикающегося и сказываются на его ближайшем окружении. У заикающихся искажено восприятие своего образа и образа собеседника как субъектов общения (компонент отражения), наблюдаются замкнутость и пассивность в ходе взаимодействия (компонент обращения), недоверие к собеседнику и эмоциональное напряжение в процессе общения (компонент отношения). Таким образом, данный вид логоневроза рассматривается нами как модель нарушенного речевого общения.

В качестве модели эффективного восстановления нарушенного речевого общения можно рассматривать групповую логопсихотерапию – систему психолого-педагогических воздействий, разработанную для лечения тяжелых случаев заикания у подростков и взрослых на основе эмоционально-стрессовой психотерапии К. М. Дубровского и воплощенную в жизнь с конца 1960-х годов Ю. Б. Некрасовой, которая и стала первым логопсихотерапевтом (Некрасова, 1992, 2006). Система семейной групповой логопсихотерапии представляет собой дальнейшую модификацию данного метода, разрабатывается нами с конца 1980-х годов и впервые требует активнейшего участия в социореабилитационном процессе на всех его этапах родителей и родственников заикающихся пациентов, что изменяет и сам процесс логопсихотерапии, и процесс познания и самопознания всех его участников (Карпова, 1997, 2003).

Средства, используемые в системе логопсихотерапии, представляют собой единство психолого-педагогических, логопедических и психотерапевтических воздействий, разработанных Ю. Б. Некрасовой, а сам процесс состоит из 4-х основных этапов. На каждом этапе представлены разнообразные типы, условия, формы речевого общения, восстанавливающие нарушенные коммуникативные связи заикающегося с окружением. Это происходит не только за счет реабилитации прежних способов взаимодействия личности с внешним миром, но и посредством введения новых форм общения, которое обуславливает расширение познания и самопознания пациента, поскольку, как отмечает Н. И. Чуприкова, «чем более полно, широко, глубоко и детализировано в состояниях мозга отражена (представлена, воплощена, воссоздана, воспроизведена, смоделирована) вне него самого существующая действительность, тем выше адаптивные и творческие возможности живого существа». И далее, что принципиально важно для нас, автор подчеркивает: «Речевые процессы входят в один ряд с познавательными, эмоциональными и потребностно-мотивационными процессами» (Чуприкова, 2007).

Как было показано нами ранее (Карпова, 2007), в системе логопсихотерапии большое место занимает библиотерапия – «лечение направленным чтением» – особая форма познания мира и самопознания при общении читателя с книгой. Первый – диагностико-пропедевтический – этап «лечебного перевоспитания» начинается с того, что пациентам, а затем и их родственникам предлагается ответить не только на определенные психологические тесты, но и прочитать и проанализировать художественные произведения – сначала

небольшие и знакомые, затем – с нарастающей сюжетной и психологической сложностью. Задания выполняются письменно, что не травмирует пациентов с тяжелыми нарушениями речевого общения. Особенность этой диагностики состоит в том, что она проводится «на расстоянии», без присутствия психолога (многие пациенты – иногородние), – в методике это называется «дистантным общением». На данном этапе лечения происходит формирование и нового опыта общения с книгой и через нее – с членами семьи и с логопсихотерапевтом, а также – активизация коммуникативной готовности к дальнейшему диалогу со всей терапевтической группой.

Специфика использования метода библиотерапии в работе с группами тяжело заикающихся подростков и взрослых заключается в следующем: если психологи рассматривают работу с книгой, прежде всего, как обучение пониманию ее содержания, постижению глубины и многозначности текста, анализируют последовательность этапов чтения и воссоздают целостную картину этого сложного процесса, – то применительно к лечению заикания системой специального подбора книг с использованием их в особой связке с психологическими тестами и опросниками уже на подготовительном этапе (который длится для каждого пациента не меньше полугода) создается общее «смысловое поле», наблюдается повышение интереса к чтению и более внимательное отношение к художественному слову, что мощно помогает в работе по восстановлению полноценного речевого общения.

Второй этап системы семейной групповой логопсихотерапии – сеанс эмоционально-стрессовой психотерапии (ЭСПТ) по К. М. Дубровскому, где за 1,5 часа «снимается» симптомокомплекс заикания (Некрасова, 1992). Основой для выстраивания сеанса служит библиотерапевтический материал, полученный на подготовительном этапе – отрывки из сочинений пациентов и их родственников «возвращаются» им публично. Сеанс ЭСПТ – особая форма «прилюдного общения» для заикающихся – говорение перед большой аудиторией. Это особое общение – взаимодействие ведущего сеанс логопсихотерапевта с залом, группой пациентов, стоящих на сцене и сидящих в зале, а также при этом – с каждым стоящим на сцене в отдельности и опосредованно – с присутствующими родственниками. И у заикающихся, и у их родственников, а также у многих зрителей здесь происходит переосмысление и осознание многих личностных и коммуникативных проблем, которые максимально обнажаются на сеансе.

Предпосылкой личностных трансформаций в ходе сеанса является способность субъекта «приходить в разные состояния

в соответствии с качественными, количественными и структурными особенностями падающих на нее воздействий» (Чуприкова, 2007). Общение психотерапевта с пациентами происходит через синтез приемов и методик, варьируемых в процессе проведения сеанса. Коммуникативный «посыл» психотерапевта – это тщательно построенный в ходе первого этапа работы портрет неповторимости пациента, образ его личностного и речевого здоровья, выраженный в вербальной форме. Библиотерапия, с одной стороны, свернута на данном этапе до очень емких, эмоционально-заряженных и точно соответствующих личности заикающихся символов, а с другой стороны, перед пациентами впервые разворачивается все многообразие видений прочитанных произведений, куда каждый из них вложил часть собственного мировоззрения и миропонимания. Познание и самопознание через призму уже не прежних, болезненных представлений о себе, а через Лечебный Символ, созданный психотерапевтом, задает направление и энергетический ресурс всей дальнейшей работе. Включение в процессе сеанса инсайтных механизмов – переосмысления личного опыта и представлений – приводит к изменению коммуникативных установок заикающегося, что подкрепляется началом хорошей речи на этапе ввода в речь. Подъем энергетической составляющей психических процессов пациента на данном этапе способствует активации всех когнитивных функций, необходимых для интенсивной работы в ходе сеанса – концентрации внимания, мышления, памяти.

Третий этап лечения – активная семейная групповая логопсихотерапия – это 1,5 месяца ежедневных 8–9-часовых занятий. С началом этапа групповой работы пациент и его родственники включаются в сложно организованную систему новых отношений сотрудничества, взаимопомощи и сопереживания. Через психологический механизм «соучастия» здесь происходит интенсивное позитивное изменение отношений к себе и окружающим – близким и дальним. Психологическим механизмом и основой такого включения также выступают смысловые связи интересного и значимого процесса творческого группового общения, который отвечает насущным и реальным потребностям в течение многих лет заикавшегося человека. Только «переключение» с узколичностных, болезненных проблем на творческое преобразование своей когнитивной, эмоционально-волевой и поведенческой сферы, начавшееся на пропедевтическом этапе, в процессе коллективного сотворчества позволяет выйти из порочного круга невроза. На данном этапе система

логопсихотерапии имеет своей целью организацию интенсивной коррекции нарушенного речевого общения через грамотно сформированное полноценное общение в ходе психотерапевтических бесед, специальных рече-двигательных упражнений, кинези-, символической, библио-, арт-терапии, кино- и видеотерапии (Карпова, Данина, Шувиков, 2008). По Н. И. Жинкину, который подчеркивал коммуникативную природу заикания, идет «восстановление нарушенной коммуникации посредством коммуникации» (Жинкин, 1958).

Сравнение особенностей познавательного процесса отдельного субъекта и в группе (даже в диаде) показывает, что общение влияет на селекцию сенсорной информации, ее коррекцию, выдвижение и проверку гипотез, на принятие решения, поскольку «база коррекции» при совместном воспроизведении более широкая, чем при индивидуальном, – при этом образуется как бы «совместный фонд памяти», которым пользуются все, и в целом процесс протекает более активно и эмоционально более насыщен (по сравнению с индивидуальным), что также содействует повышению его эффективности (Ломов, 1996). Процесс многодневного многочасового интенсивного группового общения выступает как катализатор не только саморефлексии, но и взаиморефлексии – познании других участников семейной групповой логопсихотерапии.

Особенность библиотерапии как психотерапевтического метода на данном этапе логопсихотерапии состоит в том, что она представлена здесь в коллективно-групповой форме, что способствует порождению новых образных, смысловых и эмоциональных контекстов, – это также облегчает задачу саморегуляции и волевой (центральной) регуляции психических состояний и развивает умение выражения в словесной форме и осознания собственных психических состояний. Подтверждение этому механизму «работы» проанализированной уже в коллективе книги на личностные изменения пациентов мы находим в статье Н. И. Чуприковой: «В актах поведения требуется учитывать несколько каналов отражения, т. е. требуется согласование и синтез процессов отражения, имеющих разные источники. Нетрудно огласиться с тем, что вся эта сложнейшая система интеграционных процессов, заканчивающаяся формированием целей и программ поведения и деятельности, может быть обозначена традиционным термином «воля» ... Воля не рядоположена с другими психическими процессами, она занимает место центра, к которому все они сходятся, в котором формируются цели и программы поведения и деятельности». Формирование высокой мотивационной включенности (МВ) в каждый элемент социореабилитационной

деятельности, которую (МВ) мы понимаем как психическое состояние, характеризующее сам процесс деятельности и познания (а это без волевых процессов невозможно), – цель логопсихотерапии.

Четвертый этап – контрольно-поддерживающая логопсихотерапия – 2 недели ежедневных 8–9-часовых групповых занятий. Общение здесь проходит уже на новом уровне: все участники группы после полугода «самостоятельной» жизни приходят не только повзрослевшими и лучше осмыслившими особенности методики, но и более осознанно начинают овладевать своеобразным «общим фондом» информации, «фондом духовного богатства» группы, через общения привнося в этот «фонд» свои достижения, наработки, речевые приемы. Здесь складываются новые специфические механизмы регулирования динамики групповых и индивидуальных познавательных процессов, формируются новые совместные стратегии решения задач и общий для группы стиль деятельности. Включенность в работу группы, мотивационная и энергетическая составляющая процессов познания и общения начинают функционировать уже на новом уровне пост-произвольной регуляции.

Выводом из представленного выше процесса взаимодействия общения и познания на каждом из этапов семейной групповой психотерапии является то, что данная система может быть рассмотрена как модель многомерного, многоуровневого речевого общения, имеющая место не только в случае социореабилитации заикающихся, но и представляющая собой модель общечеловеческих форм совместного бытия людей.

Еще одним важным аспектом рассмотрения в данной статье является вопрос о динамике самого субъекта познания в семейной групповой логопсихотерапии.

Как уже было сказано, метод групповой логопсихотерапии начал разрабатываться Ю. Б. Некрасовой в 1960-е годы. Но к началу 80-х гг. она отмечала, что «изменился пациент», и для выстраивания полноценного психотерапевтического общения стало недостаточным использовать только традиционную диагностику в виде тестов и опросников. Требовался новый инструмент для расширения границ взаимодействия, и он был найден – библиотерапия с 1982 г. стала не только инструментом мощной психодиагностической работы, но и богатейшим полем совместных процессов общения, познания и самопознания пациента и психотерапевта (Некрасова, 1991). А к концу 80-х гг. отчетливо обозначилась необходимость работы не только с самими заикающимися, но и с их родителями и родственниками. Начала разрабатываться система семейной групповой

логопсихотерапии (Карпова, 1994), что повлияло и на процесс общения, и на процесс познания и самопознания ее участников.

1990-е годы стали кризисными в развитии нашей страны: произошел распад коллективных форм собственности и прежней субъектной представленности россиян, активно начали формироваться новые, индивидуальные формы деятельности. Как отмечала Э. В. Сайко, анализируя исторические рубежи в развитии самопознания, самопонимания и самоопределения индивида и рассматривая проблему формирования субъекта на рубеже тысячелетий, – условия жизни характеризуются «все расширяющейся действительностью», требующей уже культурного самоопределения и антропологического самосознания: впервые перед каждым человеком встает необходимость взять ответственность за все человечество как культурно-информационную целостность. Происходит изменение мышления в сторону все большей рассудочности и рациональности (Сайко, 1999). А начало XXI в. ознаменовалось еще резким расширением границ коммуникации и их форм – появились возможности бесконечного дистантного общения в сети Интернет, появляются неидеологизированные сообщества, социальные сети. Однако параллельно с этим можно наблюдать ухудшение физического и энергетического компонента в общей функциональной системе психики людей, за счет чего страдает развитие когнитивных функций. Практика также отмечает падение общего уровня культуры и личностного развития большинства наших сограждан. Глубина самопознания и познания Другого сменяется «широтой».

В свое время Б. Ф. Ломов подчеркивал: то, что мы воспринимаем, мыслим или переживаем, определяется тем, как и с кем мы общаемся (Ломов, 1996). В. Н. Носуленко, анализируя «расширенную среду общения», замечает: «Индустрия массмедиа ... активно использует разнообразные компоненты расширенной среды в качестве своего главного инструмента. При этом основное назначение большинства устройств и систем ... связывается с коммуникативной функцией... В условиях подобного «расширения» естественной среды возникают задача изучения изменений, происходящих в характеристиках восприятия, общения и деятельности человека» (Носуленко, 2008).

Таким образом, новый этап развития общества ставит перед нами новые задачи исследования процессов познания и общения в логопсихотерапии и повышения эффективности самого процесса восстановления нарушенного речевого общения у заикающихся средствами семейной групповой логопсихотерапии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абелева И. Ю. Психологический аспект заикания: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1976.
- Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.
- Карпова Н. Л. Общение в процессе логопсихотерапии // Общение и познание / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 469–492.
- Карпова Н. Л. Организация мотивационной включенности заикающихся и их близких в процесс социореабилитации // Вопр. психол. 1994. № 6.
- Карпова Н. Л. Основы личностно-направленной логопсихотерапии: Учебное пособие. М.: Флинта, 1987.
- Карпова Н. Л., Данина М. М. Познание и самопознание в процессе библиотерапии (на примере семейной групповой логопсихотерапии) // Познание в структуре общения / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 344–348.
- Карпова Н. Л., Данина М. М., Шувиков А. И. Активная кинотерапия как средство психологической адаптации // Сборник тезисов к юбилейной конференции А. Л. Гройсмана. М., 2008.
- Ломов Б. Ф. Системность в психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной и В. А. Пономаренко. М.– Воронеж, 1996.
- Некрасова Ю. Б. Библиотерапия на подготовительном этапе социальной реабилитации заикающихся // Психотерапия в дефектологии: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1991.
- Некрасова Ю. Б. Лечение творчеством. М.: Смысл, 2006.
- Некрасова Ю. Б. Психологические основы процесса социореабилитации заикающихся: Дис. в форме научн. докл.... докт. психол. наук. М., 1992.
- Носуленко В. Н. Расширенная среда общения: проблема эмпирического исследования // Познание в структуре общения / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 323–331.
- Сайко Э. В. Исторические рубежи в развитии самопознания, самопонимания и самоопределения индивида (к проблеме формирования современного субъекта на рубеже тысячелетий) // Мир психологии. 1999. № 3 (19). С. 3–12.
- Чуприкова Н. И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности // Вопр. психол. 2007. № 3. С. 3–15.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ
ИСКРЕННОСТИ-НЕИСКРЕННОСТИ ГОВОРЯЩЕГО
ПО ОСОБЕННОСТЯМ ЕГО НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

В. П. Морозов, П. В. Морозов

Институт психологии РАН (Москва)

Искренность говорящего – широко известное в обиходе межличностных отношений и вместе с тем, далеко не изученное в психологической науке понятие. Как правило, искренность трактуется как позитивное свойство говорящего, как некая этическая и даже эстетическая норма речевого поведения. Свидетельства этому можно найти во многих трудах, начиная еще с поучений Конфуция («Благородный муж должен следить, искренна ли его речь...») и кончая современными словарями В. Даля и С. И. Ожегова: «*Искренний – означает правдивый, откровенный, честный, добросовестный, выражающий подлинные чувства, чистосердечный, нелицемерный и т. п.*».

Связь искренности с правдивостью не означает, однако, тождественности этих понятий в формально-логическом смысле (Знаков, 1999, 2005). Говорящий может быть неточным в своих суждениях, но при этом, если он искренен, то он говорит то, что думает и чувствует, т. е. его высказывание полностью соответствует его мыслям и чувствам. Таким образом, правдивость искреннего человека состоит не в том, что он всегда объективно прав (т. е. высказывает объективную правду), а в том, что он прав субъективно, т. е. не противоречит своим мыслям и чувствам о предмете разговора. Искренность – это убежденность в своей правдивости. Искренность придает речи силу и убедительность, вызывает доверие к говорящему и его словам. Неискренность снижает убедительность речи, даже если она логически безупречна (Кони, 1963).

Что касается неискренности, то это понятие практически равнозначно понятию «неправда» или «ложь», т. к. в случае неискренности человек говорит не то, что думает и чувствует.

Наряду с признанием искренности как несомненного достоинства человека, широчайшее распространение получила *неискренность* говорящего, т. е. ложь (см. Знаков, 1999) и при том, не только в России, но и во всех других странах, о чем писал еще М. Монтень: «...Лгать и постоянно нарушать слово у французов отнюдь не порок; для них это то же, что манера разговаривать» (Монтень, 1998).

Парадоксальность ситуации в том, что в социуме во все исторические времена имело и по сей день имеет место «мирное сосуществование» искренности и неискренности (при всеобщем порицании последней), честности и обмана, правды и лжи. Это проявляется не только в том, что на искренность говорящего накладываются определенные ограничения («Правду говорить – себе досадить», В. И. Даль), но и в существовании многочисленных разновидностей узаконенных форм лжи. Сюда относятся: ложь во имя спасения (например, неизлечимо больного, или применение плацебо), ложь на пользу государства и общества, что допускал еще Платон), ложь в дипломатии («слова даны нам, чтобы скрывать наши мысли», – считал Талейран), ложь в военном деле (дезинформация противника в интересах победы – «военная хитрость»), в операциях спецслужб («оперативная комбинация»), в бизнесе (корпоративная ложь в интересах фирмы, А. Н. Тарасов), наконец, милая многим сердцам ложь в форме лести, дружеского розыгрыша, безобидного вранья, далеко безобидной клеветы и т. д. и т. п.

Психологическая классификация различных видов искренности-неискренности говорящего – правда, неправда, ложь, обман, вранье и др. – произведена В. В. Знаковым в зависимости наличия или отсутствия у говорящего намерений обмануть партнера и соответствия или несоответствия его высказываний объективным фактам (Знаков 1999).

Наиболее грозная роль лжи состоит в том, что она служит инструментом манипулирования не только отдельной личностью, но и целыми народами.

Пример: Ложь о «нападении России на Грузию» (08.08.2008). «Если правда многогранна, то ложь – многоголосна», – сказал по этому поводу президент Дм. Медведев (со ссылкой на У. Черчилля). Понятна по крайней мере одна из причин

этой лжи: надо же было кому-то оправдать строительство ПРО вокруг России.

Известны и откровения специалистов по глобальной лжи относительно ее целей и задач. Диалог Макиавелли и Монтескье в аду или политика Макиавелли в XIX столетии: «...прежде, чем управлять народом, его нужно ошеломить, посеять сомнения удивительными противоречиями, ослепить его различными обещаниями и незаметно столкнуть с правильного пути... Один из великих секретов сегодняшнего дня – суметь овладеть народными предрасудками и страстями, так, чтобы привести к смешению принципов, которое сделает невозможным любое соглашение между теми, кто говорит на одном языке и имеет общие интересы» (эпиграф к книге: Г. Грачев, И. Мельник. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., ИФ РАН, 1999).

С особыми формами искренности-неискренности имеем мы дело в области искусства. Искусство, как известно, является важнейшим источником психологического познания (Кольцова, 2004). «Над вымыслом слезами обольюсь, – писал А. С. Пушкин. Но нельзя обливаться слезами над тем, чему не веришь. Да здравствует же обман и вымысел, которым мы верим, так как они могут возвышать как артистов, так и зрителей! Такой обман становится правдой для того, кто в него поверил... На сцене все должно стать подлинной правдой в воображаемой жизни артиста» (К. С. Станиславский).

Актерское искусство имитации искренности, а точнее – ее естественного воспроизведения – основано на психологическом перевоплощении актера в образ сценического персонажа. Выдающимся представителем этого жанра был итальянский актер Томмазо Сальвини, а в области вокального искусства – никем не превзойденный наш соотечественник Федор Иванович Шаляпин. Известный метод обучения актерскому мастерству – «система Станиславского», – была, по словам самого К. С. Станиславского, «списана им с Ф. И. Шаляпина». Известно также, что Станиславский на репетициях нередко восклицал: «Не верю!», требуя от актера более естественного и искреннего воспроизведения образа персонажа.

Таким образом, феномен искренности-неискренности предстает перед нами как исключительно сложное и многоликое социально-психологическое явление вплоть до парадоксальных соотношений, где искренне говорящий может сообщить партнеру неправду, а говорящий объективную правду совершает обман, утаивая часть правды, или искусно манипулируя психологическими установками тех, к кому обращены его слова. В обыденной жизни и политических дебатах это распространенная форма манипулирования сознанием людей. «Говорите правду, говорите только правду, не говорите ничего, кроме правды, – похоже, искренне высказывался У. Черчилль, но, – добавлял он, – никогда не говорите ВСЕЙ правды!».

В связи со всем сказанным возникает проблема – и она продиктована опять-таки потребностями общества, в котором распространены и причудливо взаимосвязаны между собой искренность и неискренность – это **проблема распознавания искренности-неискренности говорящего**. Она имеет многовековую историю: от метода «ослиного хвоста» до современного полиграфа (детектор лжи), и конечно же немало публикаций.

Феномен искренности-неискренности обнаруживается в процессе общения и репрезентируется как речевыми *вербальными* (слово), так и *невербальными* средствами (интонация голоса, мимика, поза). В этой связи научные исследования по проблеме оценки искренности говорящего разделяются соответственно на две категории. Ряд исследователей идет по пути анализа вербального, семантического, логического анализа собственно текстовой части высказывания говорящего. В основном это исследования по социологии и социальной психологии, направленные на оценку искренности и достоверности ответов респондентов при социологических опросах (А. Ю. Мягков). Следует отметить, что фактор «социальной желательности» значительно снижает достоверность оценки искренности респондентов в этих условиях.

Другие исследователи сосредотачивают внимание на невербальных признаках лжи. Известный американский специалист по детекции лжи П. Экман, например, насчитывает до нескольких десятков невербальных признаков лжи при неискренних высказываниях, которые к тому же, оказываются зависимы от множества ситуативных условий и индивидуальных особенностей говорящего. Это, естественно, вызывает существенные трудности при диагностике неискренности/лжи (Экман, 2000). Точность определения лжи в различных группах экспертов в опытах П. Экмана и М. О'Салливана

(Ekman P., O'Sullivan M., 1991) соответственно составила: студенты колледжей – 52,81%, сотрудники ЦРУ, ФБР, военные – 55,67%, полицейские следователи – 55,79%, судьи – 56,73%, психиатры – 57,61%, агенты спецслужб – 64,12%, т. е. фактически точность была лишь ненамного выше случайной.

Широко известным «детектором лжи» является полиграф, основанный на выявлении особых вегетативных реакций обследуемого (пульс, дыхание, кожно-гальванический рефлекс и др.) в ответ на вопрос оператора, связанный с правонарушением. Однако метод этот дает немало ошибок в связи с нередким возникновением такого рода вегетативных реакций у лиц, не причастных к правонарушению, по причине страха перед возможностью незаслуженного обвинения (так называемый «эффект Дездемоны»). С другой стороны, существует немало способов и противодействия полиграфу (Варламов, 2004).

О сложности и нерешенности проблемы оценки искренности/лжи говорят работы Ю. М. Жукова и Д. Н. Хренова, С. И. Симоненко, Е. Н. Павловой, Г. Грачева, И. Мельника (Жуков, Хренов 1999; Симоненко, 1998) и др. Авторы считают, что **вопрос «на что нужно обращать внимание для идентификации ложного сообщения?» остается по существу без внятного ответа.** Сведения о различиях в частотах распределения тех или иных вербальных и невербальных поведенческих реакций мало что дают для построения четких формулировок (Жуков, Хренов, 1999).

Таким образом, ни один из известных способов не давал и не дает стопроцентных гарантий достоверности распознавания искренности-лжи (В. А. Варламаов, 2004). Надежность детекции лжи остается важнейшей социально-психологической проблемой.

Исследования авторов в течение ряда последних лет были направлены на разработку нового экспериментально-теоретического подхода к распознаванию искренности-неискренности говорящего на основе анализа его невербального поведения. В настоящей работе представляются результаты одного из ряда проведенных нами экспериментов.

Предложенный авторами **новый метод оценки искренности-неискренности** теоретически опирается на системный подход (Б. Ф. Ломов, 1984), теорию функциональных систем (П. К. Анохин, 1980), исследования по социальной перцепции человека (А. А. Бодалев, 1982, 1995; В. А. Лабунская, 1986, А. Л. Журавлев, 2005; Е. Н. Резников, 2006 и др.), а также на проведенные нами экспериментально-теоретические исследования психологической природы

невербальной коммуникации (В. П. Морозов. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М.: ИП РАН, 1998; Морозов, 2001 и др.).

В разработке концепции распознавания искренности-неискренности говорящего мы исходили из следующих положений.

- 1 В процессе общения говорящий передает коммуниканту огромные потоки информации, кодируемой как вербальными (слово), так и невербальными средствами (интонация голоса, жест, поза, мимика). Традиционные попытки обнаружить признаки искренности-неискренности в вербальном канале речевого потока, казалось бы, наиболее информативном (семантика, логика слов), на самом деле не обеспечивают должной надежности, ввиду высокой подконтрольности речи сознанию (по причине коркового представительства речевых центров), подверженности фактору социальной желательности и т. п. «Слова даны нам, чтобы скрывать наши мысли», – считал Талейран.
- 2 Более эффективен поиск признаков искренности-неискренности в невербальных компонентах речевого поведения говорящего, поскольку интонация голоса, жест, поза и мимика менее подконтрольны нашему сознанию, и часто предательски выдают то, что сознательно пытается скрыть говорящий. Однако чрезвычайная многочисленность невербальных признаков искренности-неискренности, их вариабельность, мимолетность, индивидуальность, а часто и противоречивость не позволяют исследователям выделить нечто главное и надежное.
- 3 В связи с вышесказанным мы еще в 90-х годах пришли к выводу о целесообразности поиска признаков искренности-неискренности не в описании отдельных изолированных элементов невербального поведения (мимики, жестикуляции, интонации голоса и др.), а в их взаимосвязи, точнее, степени их соответствия или несоответствия друг другу, т. е. конгруэнтности по критерию экспрессивной значимости при выражении любых эмоционально-психологических свойств и состояний говорящего (Морозов, 1998 и др.).
- 4 Нами были обозначены три вида такого рода соответствия.
 - 1) Соответствие между разными модальностями невербального поведения: интонационно-тембровыми особенностями речи, с одной стороны, и жестом, позой, мимикой, с другой (межмодальное соответствие).

- 2) Соответствие между разными формами невербального поведения в пределах его одной модальности, например, между особенностями мимики и жестикуляции и т. п. (внутримодальное соответствие).
- 3) Соответствие всего комплекса невербального поведения смыслу слова.

Обзор литературы и наши предварительные исследования позволили нам сформулировать гипотезу исследования.

- 5) **Основная гипотеза** состояла в том, что между оценками психологических качеств человека по невербальным особенностям его речи (*интонация голоса*) и сопутствующим ей выразительным движениям (*жест, поза, мимика*) имеется определенное соответствие. При этом, чем более выражено данное соответствие, тем более искренним, открытым и убедительным должен представляться говорящий собеседнику. И наоборот, чем менее выражено данное соответствие, тем менее искренним представляется говорящий.

Наши предварительные исследования показали также, что искренность, также как и неискренность, наиболее отчетливо распознаются по вышеуказанным признакам на фоне эмоционально-экспрессивного поведения говорящего.

- 6) Экспериментальные подходы к решению этой задачи были намечены в одной из прежних наших работ (Морозов, 2000), в которой в качестве зрительного источника информации о говорящем использовалась фотография обследуемого, полученная с экрана ТВ в процессе звукозаписи его речи. Результаты свидетельствуют о наличии определенных связей оценок говорящего по аудио и видео каналам его восприятия. Тем не менее, фотография обследуемого, будучи статическим изображением, естественно, не отражает динамики его невербального поведения (позы, мимики, жестов) в процессе речевого высказывания. В связи с этим, в настоящей работе в качестве визуального источника информации о говорящем были использованы фрагменты видео записей говорящего, отражающих динамику всех элементов его невербального поведения.

Как уже упоминалось, невербальное поведение говорящего характеризуется двумя основными формами (модальностями): 1) интонационно-тембровые и темпо-ритмические особенности речи; 2) весь комплекс экспрессивных движений (*жест, поза, мимика*).

В этой связи **основная задача** эксперимента состояла в сопоставлении экспертных оценок искренности-неискренности и других психологических свойств и состояний говорящего, произведенных по этим двум модальностям невербального поведения.

С целью решения этой задачи была обследована группа представителей творческой интеллигенции – писателей, артистов, музыкантов, ученых, политиков (11 чел). Фрагменты их видеозаписи были получены с экрана ТВ.

Субъектами восприятия была группа студентов-психологов III курса Московского государственного социального университета, 16 человек (в дальнейшем условимся называть их «экспертами-наблюдателями»). Эксперты были отобраны по критерию хорошего эмоционального слуха с применением теста В. П. Морозова на эмоциональный слух (Морозов, 2004).

Эксперты должны были оценить по методу семантически-противоположных пар следующие психологические характеристики говорящих: *искренний-неискренний, располагающий-нерасполагающий, миролюбивый-агрессивный, открытый-скрытый, спокойный-тревожный, оптимист-пессимист, убедительный-неубедительный, чувствительный-жесткий* (всего 16 характеристик). Оценка производилась в баллах по пятибалльной шкале от 0 до 4 (которая в дальнейшем при обработке результатов переводилась в проценты по отношению к максимальному баллу оценки с целью возможного сопоставления с другими шкалами оценок).

Эксперимент состоял из трех серий.

В *первой* серии экспертам предъявлялись только лишь АУДИО-записи речи обследуемых (усл. назв. «АУДИО»), выделенные из фрагментов их видеозаписи и с заданием оценить искренность-неискренность и другие (см. выше) психологические свойства и состояния каждого из говорящих по невербальным особенностям его речи (т. е. по интонации голоса, не обращая внимания на вербальный смысл высказывания).

Во *второй* серии предъявлялись те же ВИДЕО-фрагменты, но без звука речи («немое кино» – усл. назв. «ВИДЕО») с заданием оценить те же качества каждого из говорящих по невербальным особенностям их поведения (жест, поза, мимика).

В *третьей* серии были предъявлены нормальные озвученные фрагменты видеозаписи (усл. назв. «АУДИО+ВИДЕО») с заданием оценить те же качества каждого из говорящих по комплексу его невербального поведения (по голосу и внешнему виду).

Первичная обработка результатов состояла в вычислении средних значений экспертных оценок искренности-неискренности и других вышеуказанных свойств и состояний каждого говорящего по данным всех экспертов-наблюдателей.

В соответствии с основной гипотезой работы было произведено определение степени соответствия АУДИО и ВИДЕО невербальных элементов речевого поведения говорящих путем вычисления коэффициентов ранговой корреляции экспертных оценок искренности-неискренности, открытости-скрытности, убедительности-неубедительности и др. вышеуказанных семантически противоположных экспрессивных психологических свойств и состояний говорящих.

Таким образом, на основании сопоставления результатов первой и второй серии эксперимента для каждого обследуемого были получены коэффициенты корреляции АУДИО и ВИДЕО элементов его невербального поведения. В этой связи указанные коэффициенты и были названы нами коэффициентами соответствия ($K_{\text{соотв}}$)

При этом выяснилась весьма важная закономерность: данные $K_{\text{соотв}}$ положительно коррелируют с оценками искренности и отрицательно – с оценками неискренности говорящего, полученными в третьей серии эксперимента (оценка говорящего по нормальному его аудио-видео-изображению).

Полученные результаты представлены на рисунке.

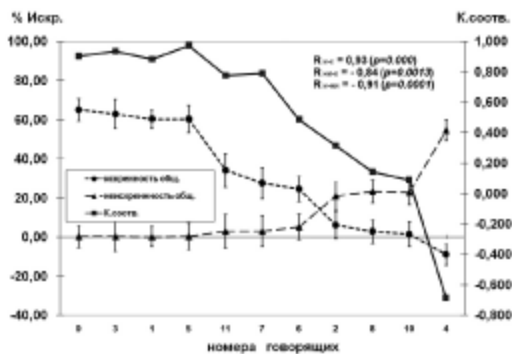

Рис. 1. Соотношения между средними оценками искренности (и) и неискренности (ни) и коэффициентами соответствия ($K_{\text{соотв}}$) для каждого из говорящих

В правой верхней части рисунка представлены коэффициенты корреляции (R) между рядами искренность – $K_{\text{соотв.}} (R_{\text{и-к}})$, неискренность – $K_{\text{соотв.}} (R_{\text{ни-к}})$, искренность – неискренность ($R_{\text{и-ни}}$).

Таким образом, результаты проведенных экспериментов подтвердили высказанную нами гипотезу: **чем выше оказались коэффициенты соответствия (конгруэнтности) между элементами невербального поведения говорящего, тем более высокими баллами была оценена искренность говорящего экспертами-наблюдателями.**

Полученные результаты можно объяснить с позиций *системного подхода*, а также в свете *теории функциональных систем* П. К. Анохина, согласно которой для достижения любой цели организм формирует специальную функциональную сенсомоторную систему из комплекса двигательных и чувствительных органов, включая и контроль за успешностью достижения цели (*обратная афферентация* по Анохину см.: Анохин, 1980, с. 173–176). Важно отметить, что цель (образ цели или желаемый результат) и выступает в теории Анохина главным системообразующим фактором функциональной системы. В нашем случае *искреннего* высказывания такой функциональной системой является весь комплекс вербально-невербального поведения человека: его слова, т. е. содержательная сторона речи и все сопутствующие смыслу слов элементы невербального поведения (интонация голоса, жесты, поза, мимика), которые как бы свидетельствуют об одном и том же. Причем, указанные невербальные проявления искренности реализуются в значительной степени *непроизвольно*, т. е. на подсознательном (*сознательно не регулируемом*) уровне. Общим регулятором скоординированности и единой направленности всех вербально-невербальных проявлений искренности можно повидимому считать психофизиологический механизм *доминанты* (по А. А. Ухтомскому), что вполне согласуется с теорией функциональных систем Анохина (Анохин, 1980).

Искренность, как правило, проявляется в условиях достаточно *высокой мотивации* говорящего в необходимости убедить в чем-то коммуниканта, для чего и привлекаются не только вербальные средства (логика речи), но и невербальные, а главным образом – *эмоционально-экспрессивные*. И выраженность эмоциональной экспрессии тем больше, чем больше мотивация.

В случае *неискренного* и, тем более, заведомо ложного высказывания, имеющего цель обмануть коммуниканта (коммуникантов)

у говорящего формируется уже другая функциональная система (другая цель по Анохину) и другая установка. Здесь цель уже не доказать правду, а скрыть обман. Поэтому весь комплекс невербального поведения в случае неискренности и особенно откровенной лжи становится уже предметом сознательного регулирования. Но обеспечить сознательное регулирование всего комплекса невербального поведения и, тем более, естественность и скоординированность всех его элементов (интонация голоса, мимика, поза, жестикация) представляется практически невыполнимой задачей даже для искусного лжеца. Здесь неизбежно возникает «проблема сороконожки», т. е. тот или иной элемент невербального поведения выходит из-под контроля и «звучит диссонансом» по отношению к другим элементам.

С позиций современной психофизиологии это объясняется иерархической структурой регулирования поведенческих актов, составляющих функциональную систему (Александров, 2004). Попытка сознательного формирования функциональной системы, имитирующей искренность, не удается именно потому, что иерархически более низкие уровни системы – подсознательные «движения души» – непосредственно не поддаются сознательному регулированию и предательски выдают лжеца. Таким образом, вместо единонаправленных, гармонически скоординированных элементов невербального поведения, характерных для искреннего высказывания, неискренность порождает рассогласованность и разнонаправленность элементов невербального поведения

Это рассогласование, дискоординация комплекса невербального поведения и воспринимается коммуникантом (экспертом) как неискренность (в той или иной степени, т. к. оценки балльные).

Таким образом, есть экспериментально-теоретические основания полагать, что у человека имеется своеобразный, более или менее чувствительный «психологический детектор лжи» (термин впервые предложен и обоснован во втором издании монографии В. П. Морозова «Искусство и наука общения: невербальная коммуникация». Изд. ИП РАН, М., 1998, с. 104–106), который функционирует в форме способности к оценке искренности-неискренности говорящего по степени соответствия слуховых и визуальных оценок его невербального поведения наблюдателем. В этой связи предложенный нами коэффициент соответствия ($K_{\text{соот}}$), вычисляемый методом корреляции, является как бы числовым эквивалентом степени искренности-неискренности говорящего.

В 2007 г. авторами и Институтом психологии РАН получен Патент РФ на данный способ распознавания искренности-неискренности говорящего (Морозов, Морозов, 2007).

Перспективы работы состоят в дальнейшем изучении данного психологического феномена и совершенствовании метода.

Интерес, в частности, представляет изучение *коэффициентов соответствия внутримодальных элементов* невербального поведения, в т. ч. мимика-жест, мимика-поза, жест-поза, или глаза-рот, (улыбка) и др., как весьма информативных источников оценки искренности-неискренности говорящего.

Планируется также сопоставление результатов обследования по нашему методу с параллельным обследованием на полиграфе – традиционном детекторе лжи, внедренным в нашей стране В. А. Варламовым (Варламов, 2004). Поскольку полиграф «не безгрешен» в части ошибочного обвинения невиновных («эффект Отелло-Дездемоны»), то не лишним представляется повысить его надежность с параллельным обследованием по предложенному нами методу.

Аналогичные параллельные обследования предполагается провести с «детектором лжи» конструкции израильского инженера Либермана, демонстрировавшего свой прибор в нашей лаборатории.

В более отдаленной перспективе можно попытаться разработать компьютерную систему автоматизированной детекции лжи путем вычисления предложенного нами $K_{\text{сост}}$ в реальном времени. Здесь основная трудность – оптимально формализовать оценки эмоциональной экспрессивности говорящего по голосу и внешнему виду с целью ввода в компьютер. Реальные успехи современной науки по автоматическому распознаванию образов позволяют надеяться на успешность реализации данной идеи.

Наряду с дальнейшей разработкой неисчерпаемой психологической проблемы «Познание в структуре общения» предложенный авторами метод «психологического детектора лжи» уже в настоящем его виде может быть применен для решения ряда практических задач, в т. ч. и особо важной для некоторых учреждений проблемы подбора кадров^{*}.

^{*} Согласно Патентному законодательству РФ заинтересованные фирмы могут приобрести в Институте психологии РАН лицензию на проведение данного типа работ или заказать институту их проведение.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Ю. И. Системная психофизиология // «Психофизиология». Изд. 3-е / Под ред. Ю. И. Александрова. СПб.: Питер, 2004.
- Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1980.
- Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Бодалев А. А. Личность и общение. М., 1995.
- Варламов В. А. Детектор лжи. М., 2004.
- Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., ИФ РАН, 1999.
- Жуков Ю. М., Хренов Д. В. Методический анализ исследований неискренности // Мир психологии. 1999. № 3.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности (Раздел «Невербальная коммуникация»). М., 2005. С. 476–516.
- Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб., 1999.
- Знаков В. В. Психология понимания. Проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Кони А. Ф. Красноречие судебное и политическое // Об ораторском искусстве. М., 1963.
- Конфуций. Изречения. М., 1994.
- Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов, 1986.
- Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону, 1999.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., Наука, 1984.
- Монтень М. Об изобличении лжи // Опыты. Кн. 2. Гл. 18. СПб., 1998.
- Морозов В. П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998.
- Морозов В. П. О взаимосвязи эмоционально-психологических характеристик человека при восприятии их по голосу и внешнему виду говорящего (к проблеме «психологического детектора лжи») // Труды Международной конференции информатизации правоохранительных систем. М., 2000.
- Морозов В. П. Психологический портрет человека по невербальным особенностям его речи // Психологический журнал. 2001. № 6.

- Морозов В. П.* Способ оценки эмоционального слуха. Патент РФ, 2004 (приоритет от 2002 г.).
- Морозов В. П., Морозов П. В.* Способ оценки искренности-неискренности говорящего. Патент РФ, 2007 (приоритет от 2005 г.).
- Резников Е. Н.* Теоретические и методологические проблемы этнической психологии. Минск, 2006.
- Симоненко С. И.* Психологические основания оценки лжи – искренности в процессе коммуникации // Материалы конференции Lomonosov, 1997. Статья опубликована по адресу: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/index.htm>
- Экман П.* Психология лжи. СПб., 2000.
- Ekman P. O'Sullivan V.* Who Can Catch a Liar? // *American Psychologist*. 1991. Vol. 46. No 9. P. 913–920.

ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕЛЕМ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОЗНАНИЯ

Е. А. Петрова

РГСУ (Москва)

Выступая одной из сторон человеческого бытия (Ломов, 1981), общение является важнейшим понятием современной психологии. Вне общения невозможно само существование человеческой психики. Особую роль общение играет в организации совместной деятельности, взаимопознании людей, формировании и развитии межличностных отношений.

Общепринятым, со времен Л. С. Выготского, в отечественной психологии является представление о том, что связь знака и знаковых систем с общением диалектична – с одной стороны, общение – необходимое условие овладения знаками и их системами, с другой стороны – знаки специфические инструменты (орудия) общения, без которых невозможно само его существование.

Однако исследования процессов межличностного общения, имеющие богатую традицию в отечественной психологии, были посвящены центральной знаковой системе общения – языку. При изучении межличностного общения, его становления, развития и функционирования как самостоятельной стороны социального бытия человека, его образа жизни или включенности в какую-либо деятельность, представляется необходимым подвергнуть анализу и учету все используемые людьми системы знаков, с целью вскрытия зависимости процессов от их семиотической природы.

Несколько слов о категории «знак», как основной психосемиотической категории. Исторически обращение к данной категории в различных психологических теориях отличалось вкладыванием в сходные термины различного (специального) содержания, открывающегося лишь в контексте всей психологической теории той или иной школы.

Так, в бихевиоризме «стимул» рассматривался как регулятор поведения, в психоанализе – «символ» как знак бессознательных компонентов психики, в символическом интеракционизме – «сигнал» как носитель социальных отношений. Значительное внимание знаку уделялось в когнитивной психологии, где вся психика исследовалась в связи приемом (процессы восприятия, внимания), хранением и воспроизведением (процессы памяти) и, наконец, переработкой информации (кодирование-декодирование, процессы мышления). Понятие «знак» занимало особое место и в рамках культурно-исторической концепции развития психики человека (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия).

Психологическое изучение знаков и знаковых систем, согласно традиционному для семиотики делению на три области: прагматика (отношение знака к человеку), семантика (отношение знака и значения) и синтаксис (отношение между знаками на абстрактном уровне), можно отнести ко всем трем областям. Психологические проблемы присутствуют везде – и в семантике, и в синтаксисе знаков, как только они начинают рассматриваться в контексте человеческого общения.

Наиболее общее представление о знаке связано с так называемым треугольником Фреге с вершинами: знак, значение (десигнат), предмет (денотат), отношения между сторонами которого были предметом спора, как в философии, так и в семиотике и психологии. Центральным для психологии оказывался вопрос о механизме взаимосвязи между знаком и значением. Например, с позиции ассоциативных теорий – знак просто ассоциативно связан с предметом, согласно феноменологической теории (Б. Больцано, Ф. Бретано, Э. Гуссерль) механизмом является интенция и т. д.

В контексте разрабатываемого подхода, необходимость уточнения содержания основной семиотической категории вызвана отсутствием единого мнения среди психологов по вопросу о знаковой специфике невербального общения. *Знак чаще всего определяется в семиотике как материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие) выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета или явления и используемый для приема, хранения, преобразования и передачи информации об этом замещающем предмете или явлении.*

При таком широком толковании термин употребляется к любому предмету (события, явления), несущему информацию (сообщение,

сведения, знания) о чем-то отличном от себя самого, а знаковая система рассматривается как материальный посредник, служащий обмену информации между двумя другими материальными системами.

Однако следует различать употребление термина «знак» в самом широком смысле слова (при котором он синонимичен категории «семиотический объект»), и в узком значении, при котором «знак» дифференцируется от других семиотических категорий по ряду оснований: общественно-исторической природе (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.), генетической фиксированности (А. Фабри), «открытости» систем (Г. В. Ковалев), по характеру связи с объектом (Ч. Моррис), по преднамеренности употребления (Б. Г. Ананьев, А. Валлон и др.), информационному критерию (А. А. Брудный, Н. И. Губанов, И. А. Полетаев, А. С. Майданов), функциям в общении (Л. С. Выготский, Б. Ф. Ломов) и ряду других оснований (объем замещения, наличие смыслового коррелята, характер связи с денотатом, особенности репрезентации, меры произвольности). На данные основания дифференциации категории «знак» мы будем опираться, проводя анализ основных семиотических объектов.

Идеи, касающиеся психологических функций знаков, высказывались в трудах таких известных психологов как Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, В. С. Мухина, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, В. Ф. Рубахин, Н. Ф. Талызина, Дж. Брунер, Ж. Пиаже, А. Валлон и др.

В отечественной психологии понятие «знак» занимало особое место в рамках культурно-исторической концепции развития психики человека (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьев). Как известно, именно Л. С. Выготский считал *сигнификацию* (создание и употребление знаков) центральным отличием человека от животных и отводил знакам особую орудийную (инструментальную) функцию, называя знак и способ его употребления «определяющим» или «фокусом» всего процесса формирования психики, основным моментом его конструирования.

Объектом психосемиотики является функционирование семиотических систем естественного или искусственного генезиса в деятельности, познании и общении людей. Предмет современной психосемиотики определяется как «процесс возникновения, развития и дифференциации разнообразных систем, связанных отношениями репрезентации, взаимоотражения и взаимовыражения, взятый

в единстве с его результатами, приводящими к образованию особой семиотической реальности». Такое широкое понимание предметной области психосемиотики делает ее универсально востребованной при исследовании самых разных сторон психики человека.

Общие положения психосемиотического подхода отечественной психологии были разработаны М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломовым, В. Ф. Рубахиным (1977). Ими была обозначена проблематика и создана общая теория психологического изучения знаков и знаковых систем.

Психосемиотический подход – комплексное направление, сочетающее анализ психических процессов, осуществляемых с использованием разнообразных знаков, с анализом семиотической природы самих используемых в общественной практике знаков и знаковых систем.

Такой комплексный, системный подход предполагает исследование процессов общения и деятельности человека с учетом исторической природы самих используемых знаков, выступающих в качестве своеобразных орудий психической деятельности человека (И. М. Сеченов, Л. С. Выготский), объективирующих и материализующих общественно-исторический опыт и «навязывающих» строй процессов, а значит, в какой-то мере предопределяющих результат отражения (в смысле аспекта, полноты, глубины, меры, обобщенности), результат познания человеком объективной действительности (М. В. Гамезо, В. Ф. Рубахин), уровень развития человеческой деятельности и общения, а, соответственно, и их субъекта – личность, развитие всей психики человека.

Выделение орудийной функции знаков и представляет, прежде всего, психологический аспект знаковой проблемы и с неизбежностью приводит к необходимости постановки и решения вопроса об условиях и способах реализации этой функции в отношении не только процессов познания, но также деятельности человека и его общения с другими. В процессе любого знакового общения реализуется познание в самом широком смысле этого слова.

Для развиваемого подхода важным является положение о культурно-исторической детерминированности коммуникативных знаков, стоящих за ними социальных представлений и правил интерпретации информации в общении (А. Я. Гуревич, Г. М. Андреева).

Каждая культура характеризуется своим набором универсальных понятий, определяющих картину мира, которые образуют «модель мира», ту сетку координат, на основе которой и строится

индивидуальный образ мира в сознании человека. Восприятие мира зависит от господствующих парадигм научного мышления, от распространенных социальных стереотипов и установок, определено характерным для данной культуры менталитетом. Понятие менталитета употребляется как «интегральная характеристика людей, живущих в конкретном обществе. Это и определенный «склад сознания» и соответствующие ему нормы поведения. Но картина мира зависит еще и от тех знаковых средств, через призму которых субъект постигает информацию. В лингвистике сходные идеи были сформулированы в виде известной гипотезы Сепира – Уорфа (гипотеза лингвистической относительности). Суть ее в том, что воспринимаемый мир строится на основе языковых норм. Систематизация понятийного отношения к миру задана конвенционально самой структурой языка. Каков язык такова и картина мира. Отсюда следствия: группы людей, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и постигают мир.

Правила интерпретации информации также заданы культурой, результат определенного социального консенсуса.

Важным представляется положение современной психологии социального познания о дальнейшем независимом существовании социальных представлений как «продуктов» социально-перцептивного процесса от породившей их основы, возникновении новой реальности, имеющей самостоятельное значение.

По нашему мнению, знаки функционируют в общении опосредованно активностью самого субъекта, который выбирает из порожденных полем культуры те знаки, которые отвечают его «я» – концепции, соответствуют условиям общения и целям его деятельности. В этом плане все семиотические проявления человека вольно или невольно есть его самовыражение и самоутверждение.

Активность субъекта выражается уже в самом индивидуальном наборе (тезаурусе) используемых знаков. Традиционно тезаурус определяют как «запас знаний одного или группы субъектов, отраженных в его сознании как система понятий, выраженных словами» (К. К. Платонов, М. С. Мириманова и др.). Индикативной функцией вне сомнения обладают не только содержательные, но и формально-динамические и пространственно-временные параметры каждого «языка».

Вся совокупность семиотических компонентов может рассматриваться как разновидность вербальных и невербальных текстов общения, а его интерпретация представляет собой особый вид

«чтения» (Петрова, 2000), от адекватности которого во многом зависит взаимопонимание между людьми. Люди ищут и находят знаки, стремятся понять их значения и благодаря этому приходят к взаимопониманию. В дальнейшем от наблюдения и интерпретации внешних индикаторов личности, человек переходит к познанию его сущности.

Специфика «чтения» различных семиотических компонентов текстов общения заключается в сложной конфигурации симультанности и синхронности интерпретации, мере осознанности и возможности контроля, содержании информации, в динамике процессов и операций «чтения».

Результаты экспериментальных исследований позволяют заключить, что в общении не существует постоянного и паритетного соотношения информации, поступающей по разным семиотическим системам. В одной ситуации общения доминирует вербальная информация, в другой одна из передаваемых одной невербальных систем, в другой – второй или третьей.

Доминантность семиотической информации оказывается «плавающей» и зависит от семантики всех входящих в «текст общения» семиотических объектов.

Психосемантической определяющей в тексте общения могут стать знаки любой семиотической системы («речь», «кинестика», «габитус», «костюм», «запах» и др.), однако на визуальном уровне кинетические знаки (жесты и мимика) чаще оказываются в этой функции. В ситуациях нейтральной или позитивно окрашенной информации, передаваемой вербальными и кинетическими средствами общения, определяющими могут стать семиотические объекты системы «габитус» или «костюм». Значения знаков в общении либо суммируются (взаимодополняя друг друга), либо порождают новую информацию, либо становятся малозначительным нюансом социально-психологической интерпретации инципиента, подчиняясь семантике доминантного знакового средства.

В межличностном общении действует механизм «информативной доминантности значения неадекватного семиотического элемента» (Петрова, 2006). Суть данного механизма в том, что именно неадекватный по содержанию остальным составляющим «текста общения» семиотический элемент определяет содержание передаваемой информации. Подобный механизм проявляется в соотношении вербальной и визуальной информации, различных знаковых систем на уровне одного канала (например, визуального).

В психологии межличностного познания можно выделить ряд центральных вопросов, решение которых не возможно без обращения к знаковым системам общения:

- проблема генезиса знака, изучение предпосылок условий и механизмов становления знаками общения;
- роль и место вербальных и невербальных знаков в социальном познании в соотношении с вербальными и поведенческими проявлениями человека (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, В.Н. Панферов, Л.А. Петровская и др.);
- проблема предпосылок, условий, факторов и механизмов их социально-психологической интерпретации и повышения ее адекватности (В.Н. Панферов, В.А. Лабунская и др.);
- проблема субъектно-объектных и ситуационных зависимостей кодирования-декодирования информации, передаваемой различными знаками;
- проблема связи различных социально-перцептивных феноменов восприятия (эффекты ореола, новизны, установки, стереотипизации, первичности и др.) и знаков;
- роль знаков в разворачивании и управлении процессами атрибуции, в возникновении и коррекции основных типов ошибок восприятия: фундаментальных и мотивационных;
- проблема повышения точности социально-психологической интерпретации и коррекции неадекватных коммуникативных стереотипов.

Центральными проблемами исследования общения с социально-перцептивной стороны являются, таким образом, поиск механизмов социального познания, изучения феноменов межличностного восприятия, определения факторов формирования впечатления о человеке и проблема успешности социально-психологической интерпретации партнера по общению на основе различной семиотической информации, исходящей от человека. Роль знаков в формировании личностных, индивидуальных и инструментально-ролевых отношений к субъекту общения (В.Н. Мясищев, Г.А. Ковалев). Важным представляется также исследование роли знаков в возникновении или активизации межличностных и межгрупповых механизмов социального познания: внутригруппового фаворитизма, физиогномической редукции, стереотипизации и др.

Перспективными направлениями психосемиотического изучения знаков как социально-перцептивного феномена являются:

- исследование механизмов соотношения различных естественных семиотических систем в познании себя и других;
- изучение влияния семиотической природы отдельных знаковых систем на результат социально-психологической интерпретации человека человеком.

ЛИТЕРАТУРА

- Гамезо М. В., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Ф.* Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977. С. 5–48.
- Ломов Б. Ф.* Проблема общения в психологии // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 3–23.
- Петрова Е. А.* Психосемиотика общения // Общение-2006: На пути к энциклопедическому знанию: Материалы конф. 19–21 октября 2006 г. ПИ РАО–М., 2006. С. 86–89.

**Сфокусированность личности на себе
и особенности мышления как коммуникативно-
когнитивное образование психики**

Т. И. Пашукова

Психологический институт РАО (Москва)

Для решения задач повышения эффективности общения важно не только раскрытие механизмов понимания внутреннего мира человека, которое включает в себя процессы интерпретации партнерами причин поведения, реакций, свойств и состояний друг друга, но и механизмов, качеств и состояний личности, которые его затрудняют. Одним из них является эгоцентризм, распространенное определение которого характеризует его как неспособность субъекта, сосредоточенного на своих интересах, принимать в расчет мнения, интересы, планы, точки зрения других людей и координировать их со своими собственными мнениями, интересами, намерениями и т. п. (Психология, 1990, с. 454).

Исследования эгоцентризма начались в психологии с работ Ж. Пиаже, выполненных им в ходе изучения особенностей детского мышления и речи (Пиаже, 1969). В настоящее время внимание психологов привлекают эгоцентрические феномены сфокусированности личности на себе, эгоцентрические эмоциональные состояния и состояния смысловой сферы сознания (Elkind, 1985; Enright, Shukla, Lapsley, 1980; Greene, Hale, Rubin, Walters, 1996; Туревская, 1991; Рябова, 2001 и др.).

Важно отметить, что эгоцентризм может изучаться не только как свойство или состояние человека, но и как механизм, выполняющий определенную роль в функционировании личности (Пашукова, 2001). Он обуславливает эгоцентрическую интерпретацию информации при всех его видах. Например, познавательный эгоцентризм обнаруживается в восприятии и мышлении и проявляется, как неспособность менять исходную познавательную позицию к некоторому объекту восприятия, оценке, мнению или представлению.

Коммуникативный эгоцентризм заключается в том, что при передаче и приеме информации в процессе общения коммуникатор или реципиент не учитывает тезаурус и смысловое наполнение понятий, следствием чего является искажение смысла сообщаемого.

Моральный эгоцентризм отличает неспособность или нежелание личности воспринимать моральные действия и поступки других людей и свои собственные. Он вызывается установками использовать других людей для помощи в удовлетворении собственных потребностей и интересов или стремлением связывать все, с чем человек встречается в жизни, только со своей пользой.

Во всех случаях эгоцентризма имеет место субъективная интерпретация и субъективное понимание событий и отношения к ним.

По мнению Л. Росса и Э. Уорда, понимание социальных событий обычным человеком опирается на три убеждения или принципа наивного реализма, касающихся отношений между собственным субъективным опытом человека и природой породивших этот опыт явлений (Росс, Уорд, 1999). Первый принцип отражает эгоцентрическое представление человека о том, что он думает, что видит мир таким, каков он есть. Второй принцип связан с эффектом ложного единодушия. Эффект этот проявляется в склонности людей, осуществляющих тот или иной выбор, считать свой выбор более широко распространенным и более «нормативным», чем он есть на самом деле. Эгоцентризм наивного реализма повседневного восприятия, отраженный третьим принципом, состоит в убеждении людей, что они воспринимают объекты и явления «естественным образом», т. е. видят их такими, какими они являются в действительности.

Под влиянием представлений, обусловленных наивным реализмом, люди часто приходят к выводу, что мнения других субъектов, отличающиеся от их собственных, основаны на чем-то ином, что не связано с «естественной», непосредственной регистрацией объективной реальности. Тех, чье мнение, восприятие или оценки отличаются от их собственных, они могут считать ленивыми, ограниченными в способностях или наделенными недостаточным здравым смыслом для того, чтобы прийти к правильным заключениям.

Эгоцентрические интерпретации ведут к спорам и конфликтам, в которых каждая из сторон проявляет тенденциозность и реактивное обесценивание, из-за чего возникают недоверие и трудно преодолимые барьеры на пути к взаимопониманию и принятию согласованных решений. Эгоцентризм и привычка настаивать на своем, а также репертуар приемов воздействия на других с целью

достижения желаемого, могут стать причинами, по которым у индивида не возникает стремления принять в расчет их мнения или представить себя на их месте.

Анализ и классификация феноменов эгоцентризма как свойства психических процессов, состояния и особенностей личности позволяет утверждать, что существует определенная взаимосвязь между эгоцентризмом и свойствами мышления личности (Пашукова, 2006).

Можно предположить, что эгоцентризм входит в такое коммуникативно-когнитивное образование психики, которое не случайно оказывается взаимосвязано со свойствами мышления релевантными функциям фиксации и стабилизации. Такими свойствами являются фиксированность установки и ригидность мышления.

Для проверки гипотезы мы провели исследование предполагаемых соотношений, используя данные, полученные с помощью теста эгоцентрических ассоциаций и экспериментального исследования влияния установки на способ решения задач.

В качестве испытуемых выступали 85 студентов первого курса исторического факультета Кировоградского педагогического университета (42 юноши и 43 девушки). Их возраст относится к периоду юности, когда формирование структуры личности, в основном, завершено, и наличие той или иной степени эгоцентризма можно отнести уже к свойству или состоянию личности.

В ходе исследования сначала проводилось тестирование с целью установить величину и уровень эгоцентрической сфокусированности испытуемых на себе, а затем изучались особенности их мышления с помощью классического эксперимента, в котором предлагается решение арифметических задач (Luchins, Luchins, 1959).

Цель эксперимента – определение чувствительности испытуемых к установке, выяснение особенностей ее фиксации и наличия гибкости или ригидности мышления.

Испытуемым предъявляли десять арифметических задач, условия которых экспериментатор последовательно записывал на доске. Согласно экспериментальной процедуре первые пять задач были направлены на выработку установки, т. е. готовности действовать определенным способом. Другие задачи имели или другой способ решения или два способа и были необходимы для выяснения степени фиксированности установки и определения ригидности или гибкости мышления.

Ригидность, как свойство мышления, и эгоцентризм, как свойство личности, связаны с процессом наработки и фиксации индивидом

опыта. Ригидность мышления, проявляется в эксперименте как зависимость направлений поисков решения задачи испытуемым от установки или известного образца. Она обнаруживается, когда условия задач меняются и старые способы поиска ответа оказываются неэффективными или невозможными. В отличие от ригидности, лабильность мышления функционально оправдана в новых условиях, требующих поиска иных приемов для нахождения ответа.

Результаты сопоставительных исследований величины и уровня эгоцентризма со свойствами мышления оказались следующими (см. таблицы 1 и 2).

ТАБЛИЦА 1
Чувствительность к установке и ЭГОЦЕНТРИЗМ

Чувствительность к установке	Показатели эгоцентризма		
	N	\bar{X}	σ_x и σ_{x-1}
высокая	60	15,72	8,45
средняя	18	13,5	7,56
отсутствие чувствительности	5	15,0	7,94
высокая скорость мышления	2	5,0	0

В ходе проведения эксперимента у 60 испытуемых обнаружена высокая чувствительностью к установке, соответствующая для данной группы самому большому по величине среднему арифметическому показателю эгоцентризма $\bar{X} = 15,72$, при $\sigma_x = 8,45$. Самый низкий показатель эгоцентризма как меры фокусировки личности на себе оказался у 2-х испытуемых, отличавшихся высокой скоростью мышления и решивших задачи двумя способами: установочным и не установочным. Различия между этими двумя группами значимы по критерию чисел. Но высокий показатель среднего арифметического оказался и у испытуемых с отсутствием чувствительности к установке $\bar{X} = 15,0$ при $\sigma_{x-1} = 7,94$, что не случайно и в совокупности привело к незначимости нелинейной корреляции η^2 для 4-х групп вместе взятых.

Не менее важные факты обнаруживаются и при сопоставлении эгоцентризма у испытуемых с разной степенью фиксированности установки (см. таблицы 2).

Результаты, представленные в таблице 2, показывают, что у испытуемых, имеющих сильную фиксированность установки, среднеарифметический показатель эгоцентризма меньше, чем у испытуемых со средней ее степени фиксации или с ее отсутствием.

ТАБЛИЦА 2

СТЕПЕНЬ ФИКСИРОВАННОСТИ УСТАНОВКИ И ЭГОЦЕНТРИЗМ

Степень фиксированности установки	Показатели эгоцентризма		
	N	\bar{X}	σ_x и σ_{x-1}
сильная	42	14,69	8,56
средняя	25	16,16	8,31
нет фиксации	13	17,77	4,73
два способа решения задач	5	3,8	2,17

Самый высокий эгоцентризм по этим четырем группам $\bar{X} = 17,77$ при $\sigma_{n-1} = 4,7$ обнаружен у тех, у кого нет фиксации установки. Это может свидетельствовать о том, что сфокусированные на себе люди хуже усваивают установочные, т. е. новые для них способы решения, хотя и чувствительны к ним.

Ригидное мышление было обнаружено нами у 28 испытуемых. Показатель средней арифметической величины эгоцентризма у них выше, чем у 57 лиц с лабильным мышлением. Среднеарифметические показатели эгоцентризма оказались равными соответственно 15,61 при $\sigma_{n-1} = 9,69$ и 14,63 при $\sigma_x = 7,53$.

Как видим, у большинства испытуемых, у которых нет фиксации установки, эгоцентризм высокий, а у тех, кто имеет высокую скорость мышления и решает задачи разными способами, уровень эгоцентризма низкий. Лица с сильной и средней степенью фиксации установки имеют меньшие показатели эгоцентризма, но большую его вариативность, судя по величинам σ_n и σ_{n-1} .

Детальный анализ процентного соотношения эгоцентризма высокого, среднего и низкого уровней с характером чувствительности и фиксированности установки позволяет прояснить ряд важных моментов, характеризующих сфокусированных на себе индивидов.

Оказалось, что высокий уровень эгоцентризма чаще соответствует сильной фиксированности установки 26,67%. Далее, по частоте встречаемости следует его сочетание с отсутствием чувствительности к установке (20%). Реже всего этот уровень эгоцентризма соотносится со средней степенью чувствительности к установке (11,11%).

Средний уровень эгоцентризма чаще всего связан со средней чувствительностью к установке (66,67%). Следующим по частоте встречаемости является сочетание среднего уровня эгоцентризма

с отсутствием чувствительности к установке (60%). По сравнению с этими сочетаниями реже оказывается сочетание среднего уровня эгоцентризма и сильной чувствительности мышления к установочному способу решения задачи (50%).

Низкий уровень эгоцентризма в сочетании с высокой скоростью мышления оказался равным 100%. Высокая скорость мышления и поисковая мотивация позволяют испытуемым решать задачи и установочным, и новым не установочным способом, что снимает у них проблему приверженности личному опыту.

Наиболее редким оказалось сочетание низкого уровня эгоцентризма и отсутствия чувствительности к установке (20%).

Особенности взаимоотношений эгоцентризма и фиксированности установки в ходе мышления следующие: 1) у испытуемых с высоким уровнем эгоцентризма чаще всего встречается сильная (высокая) фиксированность к установке (26,19%) и реже отсутствие ее фиксации (23,07%); 2) у испытуемых со средним уровнем эгоцентризма имеется тенденция к отсутствию фиксации установки, это чаще других встречаемое соотношение (76,93%), и реже других встречаемое соотношение – это соотношение среднего эгоцентризма и сильной фиксации установки (45,24%); 3) у испытуемых с низким уровнем эгоцентризма высокая скорость мышления составляет 100% случаев.

Высокая скорость мыслительных процессов дает возможность при фиксированности установки осуществить поиск нового способа решения. У лиц с низким уровнем эгоцентризма, у которых не обнаружено высокой скорости мышления, чаще всего встречается высокая степень фиксированности установки (28,57%). У наших испытуемых-студентов не было случаев сочетания низкого уровня эгоцентризма с отсутствием фиксирования установки.

Среди испытуемых с высоким уровнем эгоцентризма преобладает число лиц с ригидным мышлением: 39,29% против 15,79% испытуемых с гибким мышлением.

У испытуемых со средним уровнем эгоцентризма почти в два раза чаще встречается гибкое мышление (61,4%), чем ригидное (32,14%).

У испытуемых с низким уровнем эгоцентризма преобладание частоты встречаемости ригидного мышления над гибким мышлением незначительно и составляет 28,57% против 22,82%.

Таким образом, существуют тенденции сочетания высокого уровня эгоцентризма с сильной степенью фиксированности установки, выраженной чувствительностью к ней и ригидностью мышления.

Средний уровень эгоцентризма связан со средней чувствительностью испытуемых к установке, отсутствием ее фиксации и гибкостью мышления.

Аналогичные тенденции получены и в исследовании, проведенном Е. В. Гейко. Ее выборка состояла из 104 человек, которую совокупно представляли: младшие подростки-ученики 5-ых классов, 10 – тиклассники и взрослые (Гейко, 2002). Но в нашей выборке зависимости выражены ярче, поскольку исследование проводилось в однородной по возрасту выборке испытуемых и наши испытуемые принадлежали к юношеской возрастной группе, характеризующейся завершением формирования личности.

Обнаруженные нами соотношения величины и уровня эгоцентризма со свойствами мышления, зависящими от установки, дают основание полагать, что фиксированность установки и ригидность мышления функционально обеспечивают определенную устойчивость на уровне психических процессов, а на уровне личности эгоцентрическая сфокусированность стабилизирует ее структуру. Поэтому свойства мышления и эгоцентризм могут считаться коммуникативно-когнитивным образованием психики.

ЛИТЕРАТУРА

- Гейко Е. В. Психологічні особливості прояву егоцентризму особистості у мисленнєвій діяльності підлітків: Автореф. дис... канд. психол. наук. Київ, 2002. (на укр. яз.).
- Пашукова Т. И. Эгоцентризм: феноменология, механизмы формирования и коррекции. Кировоград: Центрально-Украинское издательство, 2001.
- Пашукова Т. И. Феноменология эгоцентризма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 530. Серия: Педагогическая антропология. Социально-психологические закономерности образования и воспитания. М.: РЕНА, 2006. С. 82–100.
- Пиаже Ж. Психология интеллекта // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. С. 51–231.
- Психология. Словарь / Состав. Л. А. Карпенко. Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.
- Росс Л., Уорд Э. Наивный реализм в повседневной жизни и его роль в изучении социальных конфликтов и непонимания // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 61–77.

- Рябова Т. В. Структура и возрастная динамика феномена эгоцентризма у подростков и взрослых: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Туревская Р. А. Эмоциональное развитие подростков с явлениями школьной дезадаптации: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Elkind D. Egocentrism redux // *Developmental Review*. 1985. No 5. P. 218–226.
- Enright R. D., Shukla D. C., Lapsley D. K. Adolescent egocentrism-sociocentrism and self-consciousness // *Journal of Youth and Adolescence*. 1980. Vol. 9. P. 57–69.
- Greene K., Hale J. L., Rubin D. L., Walters L. H. The utility of understanding adolescent egocentrism in designing health promotion messages // *Health communication*. 1996. Vol. 8. No 2. P. 131–152.
- Luchins A. S., Luchins E. H. Rigidity of behavior. A variational approach to the effect of Einstellung. – Eugen (Oregon): Univ. of Oregon books, 1959.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ: У ИСТОКОВ

А. Н. Харитонов

Институт психологии РАН (Москва)

В фундаменте всего живого на Земле лежат многочисленные группы организмов-прокариот (в их клетках нет настоящего ядра) – бактерии и археи, а также одноклеточные эукариотические организмы, по своей численности и видовому разнообразию на много порядков превышающие все остальное многообразие жизни. Эти микроскопические организмы поддерживают земную биоту как основные производители необходимых для остальной биоты веществ и потребители «отходов» жизнедеятельности других организмов. Помимо этих своих функций продуцентов и консументов в земной биоте, бактерии широко известны также как возбудители заболеваний «высших» организмов – менее известен, впрочем, тот факт, что патогенными являются не более десятых долей процента всех видов бактерий, да и то при особых условиях.

Многие миллионы лет совместного обитания на планете имеют своим результатом хорошую взаимную адаптацию бактерий и других организмов. По большей части бактерии обитают вне других организмов, а те их виды, которые живут внутри животных и растений, функционально далеко не всегда является паразитами, живущими за счет ресурсов организма-хозяина. Гораздо чаще – это безобидные и безвредные сожители-комменсалы и настоящие симбионты, без которых организм-хозяин обходиться фактически не может. В организме здорового взрослого человека, например, общая масса бактерий доходит до килограмма. По численности эти одноклеточные примерно равны, но возможно и превышают численность собственных клеток нашего организма.

В отличие от вирусов, бактерии всегда считались живыми организмами. Однако это не мешало исследователям работать с ними

практически так же, как с химическими растворами. Вероятно, отчасти это объясняется тем, что основным интерес для человека представляли прежде всего возбудители заболеваний. Соответственно, предметом интереса были условия заражения организма человека, а исследовательской задачей – поиск средств, препятствующих попаданию патогенных бактерий в организм, или нейтрализующих их патогенную активность – чаще всего, путем уничтожения – т. е. антибиотиков. Но было, по нашему мнению, и еще одно обстоятельство, которое не способствовало тому, чтобы исследователи относились к изучаемым микроорганизмам как к любым другим – к млекопитающим, например.

Почти до конца XX в. исследователи, ориентированные на «позитивную науку», так или иначе, исходили из допущения, согласно которому более крупные организмы являются одновременно и более «высокоорганизованными». Вся история изучения жизни на нашей планете, свидетельствует о том, что это допущение можно было принять как самоочевидное. По мере увеличения размеров организма от одноклеточного до просто организованного многоклеточного и далее к организмам с развитой дифференциацией клеток выделяются крупные подсистемы организма – нервная, эндокринная, гуморальная и другие, возникают органы, ткани, возрастает морфологическая, физиологическая и функциональная сложность. После небольшого количества работ по микроорганизмам (см. напр.: Binet, 1888, Loeb, 1918) на рубеже XIX–XX вв., основная линия исследований поведения и психики живых организмов также была ориентирована на «высших» представителей животного мира. Понятно, что при этом подходе сколь-нибудь развитые коммуникативные способности, помимо человека, обнаруживались прежде всего у высших млекопитающих, у некоторых птиц и у насекомых с явно выраженной социальной организацией. Очевидно именно поэтому обнаружение использования химических сигналов для коммуникации бактериями, как и самого факта коммуникации между бактериями, а также между бактериями и организмом-хозяином, не было встречено научным сообществом с должным вниманием. Более того, рецензенты одной из первых публикаций такого рода (Nealson et al., 1970) были склонны отнестись отрицательно к трактовке обнаруженного феномена как коммуникации, хотя найти ошибки ни в самом исследовании ни в логике обсуждения результатов не могли (Everts, 2006).

По причине ориентации на достаточно крупных животных от внимания исследователей ускользало и то, что бактерии – это,

прежде всего, колониальные организмы, хотя, естественно, вся исследовательская работа велась именно с бактериальными культурами – колониями. Поскольку социальность млекопитающих, птиц, иногда рыб рассматривалась, прежде всего, в аспекте группового поведения – в отличие от индивидуального, а наличие индивидуальности у отдельной бактериальной клетки крайне сомнительно, постольку и возможное существование коммуникации у бактерий почти никого не интересовало. Тем не менее, некоторые предпосылки к последующим исследованиям коммуникации на этом уровне организации живых систем существовали.

Еще в начале 1950-х годов в работе по чистым бактериальным культурам (Иерусалимский, 1952) был выделен ряд свойств бактериальных микроколоний в естественной среде, которые позднее (Олескин, 1993, 1999, Oleskin, 1994) были сведены к следующим: обособленность от других таких же колоний, гетерогенность по фенотипическому составу как основу для социальной дифференциации, целостность и наличие интегральных свойств, отсутствующих у отдельно взятых клеток, способностью колонии влиять на характеристики окружающей среды. Социальность как способ существования и жизнедеятельности бактерий с разных сторон получила освещение в работах Мак-Витти с соавторами (McVittie et al., 1962), по формированию плодовых тел видом *Mucococcus xanthus*, А. С. Хохлова с соавторами по биосинтезу стрептомицина и формированию воздушного мицелия колониями желтого стрептококка *Streptococcus griseus* (Khokhlov et al., 1967), Нильсона с соавторами по управлению биOLUMИНИСЦЕНЦИЕЙ у соленоводных вибрионов *Vibrio fischeri* (Nielson et al., 1970).

В этих работах было показано, что прокариоты и одноклеточные эукариоты существуют в основном в виде структурированных колоний и биопленок. Однако, эти колонии похожи не столько на стада копытных, стаи волков, прайды львов, стаи или даже колонии птиц, где каждая особь имеет четко выраженную индивидуальность, хотя и имеют социальные роли, сколько на колонии довольно просто организованных многоклеточных (кораллы, мшанки), семьи социальных насекомых (муравейник, пчелиный рой) и специфические колонии-семьи некоторых млекопитающих (бесшерстные кроты), в которых особь хотя и может быть в некоторых случаях рассмотрена изолированно, но не играет при этом социальной роли, а характеризуется социальной функцией. Колонии этого типа в литературе иногда называются «суперорганизмами» или «надорганизменными

биосоциальными системами». Поскольку первый термин несет оттенок «органицизма» – прямого переноса представлений об организме на систему иного порядка, и поскольку в подобных системах, как правило, существует проблема выделения отдельного организма (прежде всего по причине недостаточной автономности искусственно выделенного элемента-особи), а также в связи с неоднозначностью термина «биосоциальный», нам представляется более удачным в данном случае пользоваться рабочим термином «индивидуализируемая живая система» или «слабо индивидуализируемая живая система», если индивидуализация до некоторой степени возможна. Поскольку в природе довольно часто разнородные живые системы этого уровня оказываются «влетеными», встроеными друг в друга, то возможно также именовать такие образования «квази-организмами», как и использовать, там где это уместно, давно устоявшиеся термины «колония», «биопленка», «бактериальный мат», а также «популяция микроорганизмов». Направление, занимающееся организацией и жизнедеятельностью бактериальных сообществ (А. В. Олескин и сотрудники, МГУ), называет себя «биополитика» с явной аллюзией к компактному «совместному проживанию» организмов.

Элементы живых систем рассматриваемого уровня могут быть охарактеризованы не только с функциональной стороны: включенность их в систему дает каждому из них, как и всей системе, возможность более эффективно использовать пищевую базу, например, изолируя ее от внешней среды, либо перемещаясь по ней или в ее сторону, повышать общую устойчивость к антибиотическим факторам, удерживать необходимые для обмена веществ или для обеспечения плавучести газы путем формирования газовых пузырьков и т. п. Таким образом, еще до всплеска интереса к исследованиям «социальной» организации и коммуникации в бактериальных сообществах, существовала некоторая база знаний, позволявшая догадываться, что смысл существования отдельно взятой клетки заключается не только в том, чтобы прожить 20–30 минут (это средняя продолжительность жизненного цикла представителей большинства видов бактерий в нормальных условиях) и затем поделиться на две дочерних, но и о том, что коммуникация и взаимодействие (взаимосодействие, кооперация) являются весьма обычными в мире прокариот.

В упомянутом исследовании Нильсона (Nielson et al., 1970) было обнаружено, что люминесцирующие бактерии *Vibrio fischeri*, являющиеся симбионтами некоторых морских животных

и обеспечивающие хозяину своим свечением возможность подманивания добычи, привлечения партнера либо маскировки, начинают светиться только по достижении определенного уровня плотности популяции. Позднее (Eberhard et al. 1981) обнаружилась также связь свечения с уровнем концентрации феромоноподобного химического вещества – ацилированного производного лактона гомосерина (АНЛ), выделяемого самими вибрионами. Фотолюминесценция – процесс, идущий с большой затратой энергетического ресурса. При малой плотности бактериального населения люминесцентного органа животного-хозяина свечение будет слишком мало, чтобы обеспечить его жизненные потребности, поэтому бактерии не тратят энергию и продолжают делиться до тех пор, пока не достигнут численности, способной произвести достаточно света, о чем сигнализирует пороговая концентрация феромона. По достижении этой концентрации включается ген, управляющий синтезом люминесцентного белка. Этот процесс, названный «чувством (или эффектом) кворума» (quorum sensing) имеет все признаки сигнальной коммуникации: клетки производят вещество, уровень концентрации которого сигнализирует об их численности, а при достижении определенного порога интенсивности сигнал служит командой к запуску некоторого процесса, полезного для живой системы (в данном случае, для системы симбионт-хозяин).

С 90-х гг. интерес к коммуникации в сообществах микроорганизмов, как и к изучению структуры таких сообществ, резко возрастает в связи с обнаружением у большой группы неиндивидуализируемых живых систем, обладающих сложным поведением, сложной топологической и морфологической структуры и не менее сложных структур, обеспечивающих коммуникацию. В частности, в одном из последних обзоров, опубликованных на русском языке (Олескин и др., 1999) выделены следующие процессы, обеспечивающиеся «эффектом кворума»: биолюминесценция у морских бактерий *V. fischeri* и *V. harveyi*, агрегация клеток миксобактерий с последующим формированием плодовых тел, Конъюгация с переносом плазмид у *Enterococcus faecalis* и родственных видов, а также у клубеньковых бактерий рода *Agrobacterium*, формирование клеткокшвермеров (не делящихся, но активно перемещающихся клеток с избыточным количеством ресничек-флагелл) у бактерий родов *Proteus* и *Serratia*, синтез экзоферментов и других факторов вирулентности у растительных (*Erwinia carotovora*, *E. hyacinthii* и др.) и животных (*Pseudomonas aeruginosa*) патогенов, образование антибиотиков

у представителей рода *Streptomyces* и у *Erwinia carotovora*, споруляция у бацилл и актиномицетов, стимуляция роста стрептококков и ряда других микроорганизмов. Объем знаний о процессах, в реализации которых задействовано «чувство кворума», непрерывно возрастает и к настоящему времени таких процессов известны уже десятки.

В качестве сигнальных агентов, помимо уже указанных пептидов, выделена большая группа других феромоноподобных белков и пептидов, а также и непептидных веществ (например, олигосахаридов), среди которых присутствуют как типичные только для микроорганизмов, так и вещества, которые у многоклеточных организмов (включая человека) выполняют функции нейромедиаторов. Так у *Enterococcus faecalis*, *Bacillus cereus* и *Staphylococcus aureus* был обнаружен серотонин (Страховская и др., 1991, Цавкелова и др., 1999), у бацилл – нордреналин и у целой группы прокариот – дофамин (Цавкелова и др., 1999). У ряда микроорганизмов обнаружены белки, гомологичные рецепторам нейромедиаторов млекопитающих (Baker, Fanestil, 1991).

Таким образом, вскрыт в общих чертах механизм «чтения» сигналов, включающий работу специфических рецепторов молекул сигнальных веществ и транскрипцию белков, необходимых для запуска и поддержания описанных выше и им подобных процессов (см. напр.: Bassler, 1999).

Поскольку большинство бактерий в природе образуют биопленки, в состав которых входят одноклеточные организмы разных видов, то естественно было предположить возможность межвидовой коммуникации. Это и обнаружил Басслер (см. выше), идентифицировавший группу взаимопереходящих веществ AI-2, используемых в качестве сигнального агента различными микроорганизмами, входящими в состав биопленок. Благодаря этому веществу, как выяснилось, большинство грамм-положительных и грамм-отрицательных бактерий чувствуют присутствие друг друга. По мысли Басслера, в зависимости от выполняемой таким образом оценки численности микроорганизмов другого вида, бактерии могут, например, интенсифицировать собственное размножение, либо приостановить процессы, могущие «выдать» их присутствие другим. Очевидно, что ближайшими целями исследователей будут бактериальные маты, в состав которых входят и многоклеточные эукариоты – обнаружение у последних способности к «подслушиванию» и даже к «общению» с бактериальными составляющими этого биоценоза уже не будет столь неожиданным.

Примечательно, что при изучении бактерий-паразитов, комменсалов и симбионтов других организмов – грибов, растений и животных, обнаружено, что и многие макроорганизмы-хозяева способны вступать в коммуникативное взаимодействие с бактериями или «перехватывать» их «сообщения». Бобовые растения, например, вырабатывают аналоги веществ, используемых в «эффекте кворума» азотфиксирующими бактериями, которые селятся на их корнях, и регулируют, таким образом, их численность и деятельность (Spaink, Lugtenberg, 1994). У человека вещества, выделяемые клетками его иммунной системы, нейтрализуют некоторые пептиды, обеспечивающие «чувство кворума» у стафилококков.

Таким образом, на уровне наиболее простых известных на Земле организмов, одноклеточных прокариот, образуются достаточно сложные коммуникативные структуры. Другими словами, можно считать, что неизвестно каких-либо (еще более простых?) организмов, если не относить к живым организмам вирусы, которые были бы лишены коммуникативной способности. На этом уровне организации живых систем коммуникация представлена в достаточно развитой форме. В нее оказываются включенными когнитивные и регулятивные процессы: даже системы, элементами которых являются самая простая жизненная форма – одноклеточные прокариоты, способны оценивать плотность своей популяции и популяции, состоящей из представителей другого вида, оценивать состояние окружения и в зависимости от этого повышать или понижать свою численность, изменять довольно сложным образом свою топологическую и морфологическую конфигурацию, регулировать присутствие в своем составе разных морфологических вариаций, перемещаться как единое целое, реагировать на благоприятное и неблагоприятное состояние среды, регулировать свои отношения с организмом-хозяином, в том числе, с помощью обмена сигналами, изменять вирулентность, резистентность, наконец, переходить в анабиотическое состояние и обратно, и многое другое – причем, количество и разнообразие информации такого рода постоянно возрастает. А, следовательно, возрастает и знание о когнитивных процессах, как и о структурах и механизмах коммуникации микроорганизмов.

Другое дело, что пока не чувствуется готовности научного сообщества признать, наряду с последовавшим уже признанием коммуникации, существование подлинно когнитивных процессов на этом уровне организации живого. Конечно, можно было для обозначения соответствующих процессов в данном тексте осторожно употребить

слово «про-» или «протокогнитивные», либо поставить слово «когнитивные» в кавычки, как было сделано например, со словом «подслушивать». Но если там это было сделано в совершенно четкой связи с отсутствием данных о коммуникации бактерий в звуковом диапазоне (не исключено, впрочем, что, по крайней мере в ультразвуковом диапазоне, такой обмен может быть обнаружен) и слово использовано как достаточно прозрачная метафора, то для когнитивных процессов такого оправдания нет. Пока мы можем лишь надеяться, что спустя некоторое время эти объяснения окажутся излишними.

ЛИТЕРАТУРА

- Иерусалимский И. Д. Физиология развития чистых бактериальных культур: Дис. ... докт. биол. наук. М., 1952.
- Олескин А. В. Надорганизменный уровень взаимодействия в микробных популяциях // Микробиология. 1993. Т. 62. № 3. С. 389–403.
- Страховская М. Г., Иванова Е. В., Фрайкин Г. Я. Стимулирующее влияние серотонина на рост дрожжей *Candida guilliermondii* и бактерий *Streptococcus faecalis* // Микробиология. 1993. Т. 62. С. 46–49.
- Цавкелова Е. А., Ботвинко И. Б., Кудрин В. С., Олескин А. В. Детекция нейромедиаторных аминов у микроорганизмов методом высокоэффективной жидкостной хроматографии // Доклады РАН. 1999.
- Baker M. E., Fanestil D. D. Mammalian peripheral-type benzodiazepine receptor is homologous to CrtK protein of *Rhodobacter capsulatus*, a photosynthetic bacterium // Cell. 1991. V. 65. P. 721–722.
- Bassler B. L. How bacteria talk to each other: regulation of gene expression by quorum sensing // Curr. Opin. Microbiol. 1999. 2. 582–587.
- Binet A. The Psychic Life of Micro-Organisms. Chicago: Open Court, 1888.
- Eberhard A., Burlingame A. L., Kenyon G. L., Nealson K. H., Oppenheimer N. J. Structural identification of autoinducer of *Photobacterium fischeri* luciferase // Biochemistry. 1981. 20. 2444–2449.
- Khoklov A. S., Tovarova I. I., Borisova L. N., Pliner S. A., Shevchenko L. A., Kornitskaya E. Y., Ivkina N. S., Rapoport I. A. A-factor assuring the biosynthesis of streptomycin by a mutant strain of *Actinomyces streptomycini* // Dokl. Akad. Nauk. SSSR. 1967. 1777. 232–235.
- Loeb J. Forced Movements, Tropisms, and Animal Conduct. Philadelphia: J. B. Lippincott Co., 1918.
- Losick R., Kaiser D. Why and how bacteria communicate // Scientific American. 1997. February. P. 68–73.
- McVittie A., Messik F., Zahler S. A. Developmental biology of *Myxococcus* // J. Bacteriol. 1962. 84. 546–551.

- Nealson K. H., Platt T., Hastings W.* Cellular control of the synthesis and activity of the bacterial bioluminescent system // *J. Bacteriol.* 1970. 104. 313–322.
- Oleskin A. V.* Social behaviour of microbial populations // *J. Basic Microbiol.* 1994. V. 34. N 6. P. 425–439.
- Spaink H. P., Lugtenberg B. J. J.* Role of rhizobial lipo-oligosaccharide signal molecules in root nodule organogenesis // *Plant Mol. Biol.* 1994. V. 26. P. 1413–1422.

**СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЕГО ЛИЦА**

*В. А. Барабанщиков, Д. А. Дивеев
Институт психологии РАН (Москва)*

Данная работа посвящена логике исследования проблемы межличностного восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица. В истории науки выделяются четыре подхода к её решению: физиогномический, диспозиционный, конфигурационный и системный.

Первый из подходов возник свыше 2500 лет назад и представлен физиогномикой, которую скорее относят к искусству, чем к науке. Его суть состоит в постулировании устойчивой взаимосвязи между элементами лица и чертами характера человека. Оценка психологических свойств непосредственно опирается на физические характеристики внешности, которые по мнению адептов, отображают внутреннее содержание личности. Соответственно стороннему наблюдателю отводится роль регистратора и интерпретатора физиогномических признаков натурщика. Представителями этого направления являются многие известные философы, историки, врачи, деятели искусства и др. Начиная с античных времен и более отдаленных периодов истории, такие авторитетные ученые как Пифагор, Платон, Плутарх, Аристотель, Тацит, Гален, Гиппократ и многие другие проявляли интерес к восприятию индивидуально-психологических характеристик человека по выражению его лица. В средние века отдельные взгляды физиогномистов разделяли Абу Али Ибн-Сина, Иоанн Дунс Скотт, Леонардо да Винчи, Френсис Бэкон и др. Время расцвета физиогномики приходится на XVIII в. и связано с появлением фундаментального четырех томного труда Иоганна Гаспара Лафатера «Принципы физиогномики», где он впервые попытался систематизировать накопленный опыт в этой

области. В XIX в. научный подход к изучению соотношения между чертами лица и свойствами личности углубили работы П. Кампера о лицевом угле, исследования Ч. Белла, Ч. Дарвина и Г. Дюшена. Монография Гийома Дюшена «О механизме человеческой физиогномики», изданная в 1876 г считается одной из первых научных работ. В России родоначальником научного подхода к физиогномике считается известный русский психиатр, профессор Иван Александрович Сикорский, опубликовавший в 1912 г. монографию «Всеобщая психология с физиогномикой». В этой работе он анализирует влияние эмоциогенных мышц на выражение лица человека. Например, под влиянием добродетельной жизни человек несет на лице отпечаток спокойствия, уверенности, ясности во взгляде и даже приобретает выражение блаженства. Под влияние же страстей и пороков его физиономия принимает неприятное выражение. Как определять по внешним признакам особенности характера человека Сикорский, впрочем, не упоминает.

С появлением в психологии экспериментальных методов исследования обнаружилась ограниченность физиогномических представлений, а сама физиогномика стала рассматриваться больше как искусство, чем наука. За последние 10 лет на Россию обрушился шквал физиогномической литературы (Попов, 2002; Вельховер, Вершинин, 2003; Паршукова, Шакурова, 2004; Лин, 2003; Куай, 2003; Равенский, 2006; Лафатер, 2008 и др.), которая воспроизводит методологию, подвергнутую критике еще на рубеже XIX–XX вв.

Во второй половине ушедшего столетия интерес к изучению особенностей восприятия лица человека в рамках науки вновь усиливается (Zebrowitz, 2006). Согласно выполненным исследованиям связи между внешностью и чертами личности действительно существуют, но не являются прямыми. Опрос, проведенный Дж. Лигге (Liggett, 1974) показывает, что около 90% студентов считает выражение лица надежным средством «прочтения» характера. Р. Хассин и Я. Троуп (2000) называют меньшую цифру – около 75% (Hassin, Trope, 2000). По результатам исследований А. Тодорова и его коллег (2005) 70% кандидатов-конгрессменов «компетентно выглядящих» победили на выборах в сенат 2004 года (Todorov et al, 2005).

Исследователи, придерживающиеся диспозиционного подхода (от *disposition* – установка, отношение, расположение) соглашаются, что прямой связи между чертами лица и чертами характера не существует, а выражение лица несет очень ограниченную информацию о внутреннем мире человека. Диспозиционный, или социально-ко-

гнитивный подход исходит из противоположных методологических оснований по отношению к физиогномическому. Восприятие наблюдателем психологических свойств коммуниканта осуществляется путем ментального конструирования его образа. Подобные представления распространены в социальной психологии познания (Бэрон, Бирн, Джонсон; Росс, Нисбетт). В качестве главных детерминант построения образа выступают аттитюды, установки, социальные стереотипы, атрибуции, проекции наблюдателя и т. п. Этим объясняется, например, факт переоценки личностных свойств обладателей привлекательных лиц и недооценки непривлекательных. П. Вэрт и К. Неппер (Warr & Knapper, 1968) подчеркивают, что оценки психологических свойств человека по выражению лица могут быть легко изменены, если добавить или изменить другие элементы, например бороду, прическу, или хотя бы очки. Человек в очках воспринимается более образованным и умным. М. Аргайл и Р. Макгенри (Argyle & McHenry, 1971) подтверждая подобные оценки, отмечают, что наблюдения за общением человека в течении 5 минут существенно их снижают. Мужчины, имеющие бороду, воспринимаются более мужественными, агрессивными, маскулинными, доминантными, сильными, самоуверенными. Недавно проведенные исследования показывают, что женское восприятие мужских лиц зависит от типа выстраиваемых отношений. Для установления и развития длительных отношений выбираются феминизированные мужские лица, для более коротких – мужчины с маскулинными чертами лица (Neave & Shields, 2008). Этот результат наводит на мысль, о возможном формировании в сознании женщин желаемых, положительных личностных характеристик мужчины под значительным влиянием культуры, социума, когнитивных установок.

В последнее время стали появляться экспериментальные исследования, показывающие, что культурные стереотипы и когнитивные конструкции наблюдателя не отражают действительного положения дел (Berry, Finch-Wero, 1993; Penton-Voak, Perrett et al., 2006). Обнаруживается, что сходство и точность восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по выражению его лица независимо от диспозиционных образований наблюдателя значительно выше случайного (Little, Perrett, 2007; Borkenau & Liebler, 1993), что указывает на ограниченность данного подхода.

В конфигурационном подходе (Hassin, Trope, 2000; McArthur, Apatow, 1984; Tanaka, Sengco, 1997) в качестве физических характеристик лица рассматриваются не его элементы и даже не соотношения

между ними (как иногда считается), а интегральные качества или гештальты, например, привлекательность, паттерн «детского» лица, маскулинность/феминность лица. Восприятие как внешних, так и внутренних характеристик человека по одному из гештальтов – «детское» лицо, созданного путем различных трансформаций размера и расположения бровей, глаз, носа и рта, изучалось в работе Л. Макартур и К. Апатова (McArthur & Apatow, 1983/84). Признаками такого лица являются большие глаза, маленький подбородок, большой лоб и высоко расположенные брови. Показано, что взрослые с «детским лицом» воспринимаются моложе, слабее и привлекательнее, чем взрослые с обычными лицами, а их личностные характеристики оцениваются как более честные, наивные, сердечные и добрые. Другим интегральным качеством выступает маскулинность/феминность. Человек с квадратной челюстью воспринимается как замкнутый, отчужденный, имеющий большую физическую силу, независимый во взаимоотношениях, а с миндалевидными глазами, которые являются одним из ярких признаков женственности, воспринимается как феминный, что предполагает низкую агрессию. Физическая привлекательность, «детское лицо» и маскулинность/феминность тесно связаны друг с другом. Большие глаза являются признаком «детского лица» и, одновременно, признаком физической красоты; при этом, человек с «детским лицом» характеризуется прямо противоположно человеку с маскулинными характеристиками (Cunningham, Barbee, Pike, 1990).

Вариантом конфигурационного подхода считается экологическое направление (Berry, Finch-Wero, 1993; Zebrowitz, Collins, 1997; Cloutier, Mason, Macrae, 2005), представители которого выдвигают два фундаментальных положения: принцип единства организма и среды и постулат непосредственного восприятия стимульной информации (Гибсон, 1988). Согласно первому принципу, объектом восприятия выступают не отдельные черты лица или их соотношения как таковые, а целостные динамические события. Последние включают: оценку общего впечатления (маскулинность/феминность, привлекательность/непривлекательность, симметричность/несимметричность, т. д.), статической (черты лица и их соотношение) и динамической визуальной информации (движения головы и мускулатуры лица). Постулат непосредственного восприятия гласит, что объективно существуют инвариантные признаки лица – эффорденсы, в виде «намёков», «признаков» или «знаков», которые нужно уметь воспринимать, чтобы правильно оценивать партнера по общению.

Представители системного подхода рассматривают психологическую оценку другого человека по выражению его лица как функцию личностных особенностей наблюдателя и физических характеристик (как парциальных, так и интегральных) лица коммуниканта. Выражение лица воспринимаемого человека и психологические характеристики наблюдателя взаимообусловлены и влияют друг на друга в ходе развертывания перцептивного события. Старая гносеологическая проблема – что мы воспринимаем и от каких условий это зависит, возвращается вновь, но в преобразованном виде. В рамках этого подхода субъект и объект восприятия рассматриваются как функциональные образования, дополняющие друг друга, а сам процесс – как многоплановое, многомерное и системно детерминированное событие жизни человека. Структура личности наблюдателя с самого начала участвует в детерминации перцептивного события в виде Я-концепции, потребностей, установок, отношения к другому субъекту, совокупного коммуникативного и чувственного опыта. Лицо воспринимаемого человека выступает в качестве предмета восприятия, презентующего субъекта общения. Его восприятие становится частью Он-концепции наблюдателя, необходимо включенной в детерминацию перцептивного события (Барабанщиков, 2006, 2007; Ананьева, 2008; Артемцева, 2003; Барабанщиков, Демидов, 2007; Дивеев, 2008; Хрисанфова, 2008).

Каждое направление делает разные акценты, выделяя те или иные детерминанты перцептивного процесса. Диспозиционное подчеркивает ментальное конструирование образа коммуниканта наблюдателем, конфигурационное – особые интегральные качества лица воспринимаемого, системное – функциональное образование в виде единого целого: личностных особенностей наблюдателя и физических характеристик лица (как парциальных, так и интегральных) партнеров по общению. Представляется, что наиболее перспективный путь решения проблемы восприятия индивидуально-психологических характеристик человека по выражению его лица следует искать в системном подходе, который интегрирует особенности вышеупомянутых направлений. Вместе с тем, с развитием компьютерной графики появились возможности создавать оригинальные фотоизображения лица человека, например, усредненные, инвертированные, химические, композитные, морфированные и т. п. Приложение трансформационных компьютерных методов открывает новые перспективы в изучении проблемы восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьева К. И.* Этнический тип лица и особенности его восприятия // Психологические и психоаналитические исследования. М.: Институт психоанализа, 2008. С. 148–155.
- Артемова Н. Г.* Восприятие психологических характеристик человека по его «разделенному» лицу: Дис. канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2003.
- Барабанщиков В. А.* Психология восприятия. Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр, 2006.
- Барабанщиков В. А.* Восприятие выражения лица в условиях викарного общения // Общение и познание / Под. ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 15–44.
- Барабанщиков В. А., Демидов А. А.* Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека в ситуациях непосредственного и викарного общения // Вестник МГОУ. 2007. № 3. С. 17–28
- Дивеев Д. А.* Конституция человека как средство выражения психологического содержания личности // Дружининские чтения: Материалы 7-й Всероссийской научно-практической конф. Сочи, 2008.
- Вельховер Е., Вершинин Б.* Тайные знаки лица. М.: Локид-Пресс, 2002.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Просвещение. 1988.
- Куай Ч.* Как научиться читать по лицам. М.: Астрель, 2003.
- Лафатер И. К.* Сто правил физиогномики. М.: Мир Урании, 2008.
- Лин Г.* Чтение по лицам. М.: Гранд, 2001.
- Паршукова Л. П., Шакурова З. А.* Физиогномика: читай по лицу / Серия психологический практикум. Ростов-на Дону: Феликс, 2004.
- Попов С. В.* Визуальное наблюдение. СПб.: Речь, 2002.
- Равенский Н. Н.* Искусство читать человека: Черты лица, фигура, жесты, мимика. М.: РИПОЛ классик, 2006.
- Хрисанфова Л. А.* Индивидуально-психологические особенности презентруемые на лице человека с точки зрения системного подхода // Познание в структуре общения / Под. ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 106–117.
- Argyle M., McHenry R.* Do spectacles really affect judgments of intelligence? // British Journal of Social and Clinical Psychology. 1971. V. 10. P. 27–29.
- Berry D. S., Finch-Wero J. L.* Accuracy in face perception: A view from ecological psychology // Journal of Personality. 1993. V. 61. P. 497–520.

- Borkenau P., Liebler A. Convergence of stranger ratings of personality and intelligence with self-ratings, partner ratings, and measured intelligence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65 (3). P. 546–553.
- Cloutier J., Mason M. F., Macrae C. N. The perceptual determinants of person construal: Reopening the social-cognitive toolbox // *J. of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 88. P. 885–894.
- Cunningham M. R., Barbee A. P., Pike C. L. What do women want? Facial-metric assessment of multiple motives in the perception of male facial physical attractiveness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59. P. 61–72.
- Elman D. Physical characteristics and the perception of masculine traits // *Journal of Social Psychology*. 1977. V. 103. P. 157–158.
- Hassin, R., Trope Y. Facing faces: Studies on the cognitive aspects of physiognomy // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 78. P. 837–852.
- Liggett J. *The human face*. London.: Constable, 1974.
- Little A. C., Perrett D. I. Using composite images to assess accuracy in personality attribution to faces // *British Journal of Psychology*. 2007. V. 98. P. 111–126.
- McArthur L. Z., Apatow K. Impressions of babyfaces adults // *Social Cognition*. 1983/84. V. 2. P. 315–342.
- Neave N., Shields K. The effects of facial hair manipulation on female perceptions of attractiveness, masculinity, and dominance in male faces // *Personality and Individual Differences*. 2008. V. 45. P. 37–377.
- Penton – Voak Ian S., Pound N., Little A. C., Perrett D. I. Personality judgments from natural and composite facial images: more evidence for a «kernel of truth» in social perception // *Social Cognition*. 2006. Vol. 24 (5). P. 607–640.
- Tanaka J. W., Sengco J. A. Features and their configuration in face recognition // *Memory and Cognition*. 1997. V. 25. P. 583–592.
- Todorov A., Mandisodza A. N., Goren A., Hall C. C. Inferences of competence from faces predict election outcomes // *Science*. 2005. V. 308. P. 1623–1626.
- Warr P. B., Knapper C. *The perception of People and Events*. England. Wiley. Chichester, 1968.
- Zebrowitz L. A., Collins M. A. Accurate Social Perception at Zero Acquaintance: The Affordances of a Gibsonian Approach // *Personality and Social Psychology Review*. 1997. V. 1 (3). P. 204–223.
- Zebrowitz L. A. Finally, Faced find favor // *Social Cognition*. 2006. Vol. 24. N 5. P. 657–701.

Раздел II
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛОКАЛИЗАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗОРА ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ РАСОВОГО ТИПА ЛИЦА

*В. А. Барабанщиков, К. И. Ананьева
Институт психологии РАН (Москва)*

Процесс общения неразрывно связан с взаимной оценкой коммуникантами друг друга. В ходе этого оценивания человек делает выводы о возрасте, профессиональной принадлежности, расе, личностных и других особенностях партнера. Наиболее информативным в этом плане оказывается лицо (Барабанщиков, Носуленко, 2004; Бодалев, Васина, 2006; Bruce, Young, 2000; Ekman, Friesen, 1975).

Ранее выполненные работы показывают, что лицо представляет собой систему, компоненты которой относительно автономны и несут определенную функциональную нагрузку. Экспрессивный потенциал частей лица не только достаточен для адекватного восприятия партнера по общению, но и способен превышать потенциал целого (Барабанщиков, Болдырев, 2006). В зависимости от индивидуальных особенностей наблюдателей, гендерной и расовой принадлежности натурщиков доминантной может оказаться как правая, так и левая сторона лица (Барабанщиков, Ананьева, 2008). Однако вопрос о том, на что именно – на какие черты лица либо их совокупность – опирается человек при идентификации расового типа коммуниканта, остается невыясненным. Его решение позволит прояснить природу индивидуально-психологических механизмов межэтнического восприятия и использовать обнаруженные закономерности в различных областях социальной практики.

Попытке ответить на данный вопрос было посвящено экспериментальное исследование, в котором приняло участие 38 европейцев (32 женщины и 6 мужчин) в возрасте от 18 до 23 лет.

В исследовании использовалась процедура классификации объектов, совмещенная с регистрацией движений глаз. Испытуемым

предлагалось внимательно рассмотреть фотоизображения лиц, демонстрируемых на экране ЖК монитора (время экспозиции 3000 мс) и определить, к какому расовому типу относится то или иное лицо.

В качестве стимульного материала использовались цветные фотографии двух мужчин и двух женщин северо-русского и южноазиатского расовых типов (25–27 лет). Размер фотоизображений $7^{\circ} \times 9^{\circ}$ на расстоянии 0,57 м от поверхности экрана.

Запись и анализ окуломоторной активности испытуемых осуществлялись с помощью видеорегирующей установки Eyegaze Analysis System, разработанной LC Technologies, Inc. (США). Айтрекер (видеорегиратор глаз) – обобщенное название систем подобного типа – предназначен для определения позиции взгляда на экране монитора, измерений движений глаз и величины раскрытия зрачка наблюдателя. Оценка направленности взгляда опирается на видеоинформацию об относительном расположении центров зрачка глаза и роговичного блика (Pupil-Center/Corneal-Reflection method). Частота видеосъемки – 120 Гц; точность регистрации – $0,5^{\circ}$ (Ананьева, Барabanчиков, Харитонов, 2008; Eyegaze Analysis System, 2004).

Ответы испытуемых («европеец»/«азиат») отмечались экспериментатором на бланке. Данные о направленности глаз и количестве фиксации сохранялись отдельными файлами в программе NYAN (Германия) и подвергались соответствующей обработке. В ходе исследования оценивались количество и длительность фиксации, а так же радиус раскрытия зрачка при бинокулярном восприятии фотоизображения лица в целом и каждой из его зон (левый глаз, правый глаз, переносица, нос, рот) в отдельности (рисунок 1).

В тех случаях, когда распределения количества и длительности фиксации, радиуса раскрытия зрачка значимо отличались от нормального (критерий Колмогорова-Смирнова $< 0,05$), проверка статистических гипотез опиралась на Т-критерий Вилкоксона и χ^2 Фридмана. В остальных случаях использовался Т-критерий Стьюдента для связанных выборок. Большинство описанных эффектов фиксировалось на уровне значимости $p < 0,01$.

Корреляционный анализ показывает, что количество фиксации обратно пропорционально их длительности (Spearman $\rho = -0,847$, при $p < 0,001$). По всей совокупности данных имеют место значимые разли-

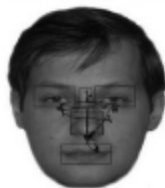

Рис. 1. Разметка зона лица и запись окуломоторной активности

чия по количеству фиксаций в различных зонах лица ($\chi^2 = 40,762$, $p < 0,001$). Наибольшее число фиксаций приходится на зону левого глаза, наименьшее – на зону рта (рисунок 2).

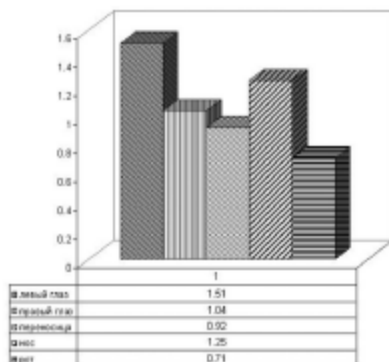

Рис. 2. Распределения количества фиксаций по зонам фотоизображения лица

Анализ данных по гендерной принадлежности натурщиков показывает, что при восприятии и мужских и женских лиц доминируют по количеству фиксаций разные зоны. Так при рассматривании мужских лиц большее число фиксаций приходится на области левого глаза и носа, а при рассматривании лиц женщин – на зону глаз ($\chi^2_{\text{лица женщин}} = 33,148$, $p < 0,001$; $\chi^2_{\text{лица мужчин}} = 24,350$, $p < 0,001$). Однако значимых различий распределения количества фиксаций в каждой из зон в зависимости от пола натурщиков не наблюдается ($\chi^2 = 0,295$, $p = 0,99$).

Анализ данных по расовой принадлежности натурщиков говорит о том, что при восприятии людей как южно-азиатского, так и северо-русского типов распределение точек фиксации по поверхности изображения лица имеет сходную структуру ($\chi^2_{\text{лица северо-русского типа}} = 24,989$, $p < 0,001$; $\chi^2_{\text{лица южно-азиатского типа}} = 18,386$, $p = 0,001$). Т. е. большее количество фиксаций приходится на область левого глаза натурщиков, затем более тщательно фиксируется нос, переносица и правый глаз; наименьшее количество фиксаций приходится в область рта (рисунок 4). При этом значимых различий распределения фиксаций в зависимости от расовой принадлежности натурщиков обнаружено не было ($\chi^2 = 0,236$, $p = 0,89$).

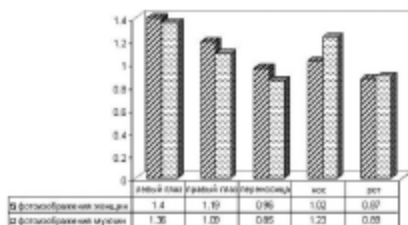

Рис. 3. Распределение количества фиксаций по зонам мужского и женского лица

Как известно, величина раскрытия зрачка коррелирует с уровнем интереса и сосредоточенностью наблюдателя. В исследованиях восприятия этот параметр служит индикатором значимости для наблюдателя того или иного предмета (его частей). Согласно полученным

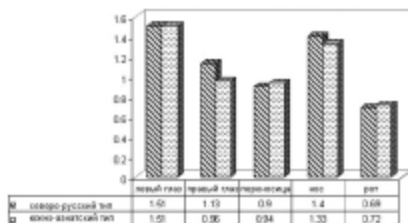

Рис. 4. Распределение фиксаций при восприятии лиц южно-азиатского и северо-русского типов

данным наибольшее внимание испытуемых привлекает зона рта (рисунок 5). Радиус раскрытия зрачка в данной области превосходит величину раскрытия в области переносицы и носа ($t = 8,235$, $p < 0,001$ и $t = 4,777$, $p < 0,001$ соответственно) и отличается от зон правого и левого глаза, в которых значимых различий раскрытия зрачка не наблюдается ($t = 0,268$, $p = 0,789$). Описанный результат, обнаруживающий высокую валентность нижней части лица оказывается нечувствительным к влиянию как пола натурщиков, так и их расовой принадлежности ($t < 1$, $p > 0,05$).

В целом полученные данные демонстрируют отсутствие прямой зависимости количества фиксаций и величины раскрытия зрачка

от расового типа лица и пола натурщиков. Основной детерминантой локализации направленности взгляда при идентификации расовых типов является морфологическая структура лица.

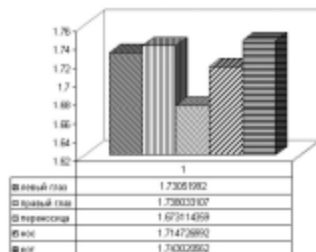

Рис. 5. Величина (радиус) раскрытия зрачка в зависимости от направленности взгляда

ЛИТЕРАТУРА

- Барабанщиков В. А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Барабанщиков В. А., Ананьева К. И. Функциональная доминантность сторон лица / Познание в структуре общения. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 13–23.
- Барабанщиков В. А., Ананьева К. И., Харитоков В. Н. Организация движения глаз при восприятии лица // Системная организация и детерминация психики. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
- Барабанщиков В. А., Болдырев А. О. Восприятие выражения лица в условиях викарного общения // Общение и познание. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 15–43.
- Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., Хрисанфова Л. А. Перцептогенез экспрессий лица // Общение и познание. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 44–83.
- Бодалев А. А., Васина Н. В. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты). СПб.: Речь, 2005.
- Хомутов А. Е. Антропология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
- Bruce V., Young A. In the eye of beholder. The science of face perception. N. Y.: Oxford University Press, 2000.
- Ekman P., Friesen W. Unmasking the face. N. Y.: Prentice-Hall, 1975.
- Eyegaze Analysis System, Users manual. Virginia: LC Technologies. Inc., 2004.

РАСПОЗНАВАНИЕ ПРАВДИВЫХ И ЛОЖНЫХ СООБЩЕНИЙ ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛИЦА ГОВОРЯЩЕГО В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ

Н. Г. Артемцева

Институт психологии РАН (Москва)

Психологические исследования распознавания лжи – искренности введутся вот уже добрую сотню лет. Тем не менее сложившееся положение дел в области исследований распознавания лжи – искренности не представляется вполне благополучным. Значимые результаты получены разве что в направлении дальнейшего совершенствования пресловутого «детектора лжи», что связано, в первую очередь, с применением все более тонких методов регистрации физиологических реакций и использованием все более мощной вычислительной техники. Прогресс в других направлениях далеко не столь впечатляющий.

Проблемы лжи и обмана, честности и доверчивости чрезвычайно актуальны для многих профессиональных сфер, для межличностных взаимоотношений в целом, однако они еще недостаточно изучены в психологической науке. Во многих профессиях крайне ценным качеством выступает способность распознавать ложь и правду в реальном потоке поведения.

До сих пор так и не существует единого мнения о том, каковы отличительные признаки лжи и где проходит граница между ложью и правдой.

Глядя на собеседника, наблюдатель воспринимает не только его внешность, но и внутренний мир: состояние, намерение, черты характера, интеллект и др. Человек как бы проникает в личность другого, собирая полезную для себя информацию. Несмотря на исключительное значение данного явления как для теории, так и для практики (Барабанчиков, 2002; Барабанчиков, Носуленко, 2004; Бодалев, 1999; Изард, 2000; Лабунская, 1999; Bruce, Yang, 2000; Ekman, 2004; Ekman, Rosenberg, 2005; Peterson, Rhodes, 2003; Russell,

Fernandez-Dols, 2002 и др.), оно пока еще слабо изучено в психологии. В частности, остается неясной связь психологического содержания личности и ее проявлений в выражениях лица.

В нашей работе мы попытались рассмотреть восприятие человеческого лица как интегративное явление, т. е. разворачивающееся в процессе межличностной перцепции.

Исследования в области межличностной перцепции позволяют раскрывать механизмы формирования у человека знания о других людях и ту роль, которую эти знания играют в поведении и деятельности человека. В процессе общения достигается взаимопонимание, слаженность при выполнении работы, растет способность прогнозировать поведение друг друга в тех или иных обстоятельствах или, наоборот, возникают конфликты, разлад в работе, проявляется неспособность предугадать поведение партнера по общению. Знакомясь с человеком или рассматривая его портрет, мы стараемся дать ему психологическую характеристику. Познание людьми друг друга начинается с первого впечатления. Явлению первого впечатления о другом человеке, как и всякому явлению восприятия, присущи основные закономерности – предметность, константность, избирательность, осмысленность, однако, их содержание существенно изменяется, преобразая восприятие другого человека в социальное восприятие, в смысловое восприятие.

Являясь восприятием объектов специфической значимости других людей, первое впечатление о другом человеке носит активный, личностный и индивидуальный характер как со стороны субъекта, так и со стороны объекта.

В первом впечатлении со стороны субъекта развернуто действуют многочисленные свойства, особенности и процессы: память, мышление, эмоции, характер, темперамент, способности и пр.

Формированию первого впечатления способствуют различные невербальные средства общения: взгляд, оформление внешности, жесты, позы, межличностное пространство, их акустические характеристики. К субъективным факторам, определяющим первое впечатление, относятся пол, возраст, род занятий, уровень образования, уровень тревожности и уверенности в себе. В рамках одного из направлений, изучающих особенности межличностной перцепции, особенное внимание уделяется выразительным движениям. Эти исследования посвящены точности и тонкости дифференциации выражений мимических особенностей и соответствующих им состояний. При определенных обстоятельствах, когда человек, например,

хочет скрыть свои чувства или передает заведомо ложную информацию, лицо становится малоинформативным, а тело – главным источником информации для партнера. Поэтому в общении важно представлять, что можно узнать, если перенести фокус наблюдения с лица человека на его тело и его движения, так как жесты, позы, стиль экспрессивного поведения содержат очень много информации.

С целью подтверждения **гипотезы**, что по выражению лица человека можно определить, говорит он правду или неправду, было проведено эмпирическое исследование.

Целый блок работы был связан с отработкой процедуры исследования: подбором тестового материала, ситуацией тестирования и инструкцией, созданием таблиц, обработки данных с помощью программы Statistica 6.0.

Тестовый материал: в качестве тестового материала использовались видеоролики программы «Блеф-клуб» на телеканале «Культура». Мы записали на видеокассету одну из передач «Блеф-клуба», в которой профессиональные актеры рассказывали друг другу поочередно правдивые и неправдивые истории. В записанной передаче было задействовано три персонажа. Условно персонажи, рассказывающие правдивые и ложные истории (каждый персонаж рассказывал одну правдивую и одну ложную историю) шли под «кодовыми» названиями: Персонаж № 1 – «брюнетка», Персонаж № 2 – «блондинка», Персонаж № 3 – «мужчина».

Нами были выделены фрагменты рассказов без комментариев ведущего о том, правду или ложь говорил актер. Таким образом, мы получили 6 видеофрагментов по 3–4 минуты каждый.

Испытуемые: 30 человек, в возрасте от 25 до 65 лет (13 мужчины и 17 женщин), люди с высшим образованием.

На первом этапе мы поставили задачу проверить, можно ли по выражению лица рассказчика в процессе коммуникации определить, говорит он правду или лжет. Задача для испытуемых усложнялась тем, что рассказчиками выступали профессиональные актеры.

Инструкция: вам будут предъявлены видеоролики выступления трех персонажей, каждый из которых расскажет две истории. Определите правдивую историю вы наблюдаете или ложную. Опишите словами выражение лица персонажа во время рассказа (2–3 слова).

Условия проведения. Испытуемым предъявлялись видеофрагменты подготовленного тестового материала в произвольном порядке. Испытуемым было неизвестно заранее правдивую или нет историю рассказывает выступающий в данный момент.

Обработка и обсуждение результатов. Сначала испытуемым предлагался протокол в свободной форме и выглядел в виде записей, где испытуемые фиксировали говорят рассказчики правду или ложь и по каким лицевым экспрессиям они это угадали. Все результаты были помещены в таблицу, где мы указали не только возраст, но и образование каждого испытуемого.

Правду распознали в 50 случаях из 180 частных ситуаций;

Неправду распознали в 44 случаях из 180 частных ситуаций.

Нераспознанными (не угаданными) остались 86 случаев из 180 общих ситуаций.

Такой результат, с нашей точки зрения, можно считать положительным. Во-первых, потому, что рассказчики являлись профессиональными актерами, т. е. людьми специально обученными перевоплощаться по требованию ситуации, а испытуемые – случайные в этом смысле люди, не имеющие специальных навыков распознавать лживые и правдивые истории. Во-вторых, эти результаты в общем совпадают с результатами похожего экспериментального исследования, проведенного Б. Г. Мещеряковым и Л. В. Некрасовой (2006).

Согласно полученным от испытуемых описаниям экспрессии лиц рассказчиков были выделены и обобщены лицевые эмоции для 2 случаев – правды и неправды. Они следующие:

Правда – глаза живые, блестят, серьезное лицо, без гримас, глаза без улыбки, улыбка искренняя, уголки губ опущены, широко раскрыты глаза, смотрит в сторону, машет руками, смотрит на собеседника, брови не шевелятся, смело смотрит на собеседника.

Неправда – пристальный взгляд, глаза широко раскрыты, неестественная улыбка; взгляд в сторону, вверх голов, широко улыбается; бегающие глаза, не смотрит на собеседника, брови играют, подняты вверх, очень улыбается, натянутая улыбка.

Что касается процесса распознавания – правду или ложь говорит натурщик, то ложь распознавалась в большинстве случаев. Испытуемые отмечали, что они ориентировались не только на лицо говорящего, а и на общее впечатление в целом: поза, жесты, голос, паузы, молчание, внешность и просто своя собственная интуиция. Наблюдая за человеком, анализируя, синтезируя, обобщая информацию о нем, люди опираются на свой прежний опыт, на уже имеющиеся у них образы и эталоны восприятия и оценки. Делая выводы о честности человека в конкретной ситуации, люди основываются на собственных, сложившихся в их жизненном опыте, эталонах правды и лжи,

искреннего и неискреннего поведения. Однако эти эталоны сугубо индивидуальны, и каждый человек предпочитает обращать внимание лишь на определенные, согласующиеся с его субъективными эталонами, характеристики поведения своего партнера по общению. Но не все характеристики поведения лгущего человека одинаково показательны, и поэтому разные люди с различной долей успешности распознают ложь среди той информации, которую передает им собеседник.

Таким образом, стало понятно, что необходимо задавать четкие параметры наиболее часто отмечаемых лицевых экспрессий, чтобы выразить величины в цифрах.

Для этого нами был разработан специальный протокол, в котором были обобщены наиболее часто встречающиеся лицевые паттерны рассказчиков. Протокол выглядел следующим образом:

ПРОТОКОЛ

ВОЗРАСТ ПОЛ ОБРАЗОВАНИЕ

Инструкция: Вам будут продемонстрированы лица людей в ситуации общения. Оцените их по каждой из ниже приведенных шкал от 1 до 10, где 1 – эмоция практически отсутствует; 10 – эмоция выражена крайне ярко.

Истории	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
1. Задействован верх лица						
2. Задействован низ лица						
3. Взгляд направлен на собеседника						
4. Взгляд отведен в сторону						
5. Улыбка искренняя						
6. Улыбка неестественная, натянутая						

На втором этапе, таким образом, каждому испытуемому был выдан специальный протокол с инструкцией, согласно которой они должны были оценить ту или иную лицевую эмоцию. Номера 1, 4, 5 содержали ложные высказывания, а номера 2, 3, 6 содержали правдивые высказывания.

Гипотезой этого этапа нашего эмпирического исследования являлось то, что *существуют различия в оценках лицевых экспрессий при распознавании лжи и правды.*

Испытуемые. В данном исследовании рассказчиков оценивают по шкалам те же самые 30 человек, мужчины и женщины.

Условия проведения. В своем исследовании мы предлагали оценить, насколько выражена лицевая эмоция, как часто проявляется и на этом основании определяется место по шкале.

Обработка и обсуждение результатов. В итоге каждый испытуемый давал нам 36 оценок эмоциональных проявлений во время рассказов правдивых и ложных сообщений. Мы получили 180 ситуаций восприятия лица в целом и, соответственно, 1080 ситуаций восприятия лица по частям, согласно протоколу. Обработав протоколы испытуемых, было составлено 30 таблиц.

После разнообразной обработки полученных данных с помощью компьютерной программы Statistica. 6 обнаружилось, что статистически не подтвердились существенные различия при распознавании лжи и правды по скрытым лицевым экспрессиям.

Вероятно, это можно объяснить тем, что различия между лжецами и людьми, говорящими правду, как правило, незначительны. Мы пришли к выводу о сложности принимаемого наблюдателем решения по поводу той или иной экспрессии, о том является экспрессия искусственной или искренней, об участии отдельных паттернов лица в правдивых и ложных рассказах и о влиянии знания контекста. Конечно же, все эти факторы сказываются на точности идентификации скрытых эмоций лица. Поведение лжеца определяется его личностью и обстоятельствами, при которых совершается ложь. Возможно установка, с которой воспринимающий оценивает эти качества оказывает слишком большое влияние и становится неучтенной дополнительной переменной.

Следует отметить, что на качественном уровне гипотеза о том, что по скрытым лицевым экспрессиям можно распознать и правду и ложь, подтвердилась. Проанализировав данные о частоте правильных распознаваний лжи и правды испытуемыми, мы выявили, что частота распознаваний правдивых и ложных рассказов испытуемыми колебалась в пределах от 33% до 83%. В целом, среднее число правильных распознаваний составляло 52%, что вполне согласуется с данными исследований других авторов по аналогичной проблеме (см. Симоненко, 1997; Мещеряков, Некрасова, 2006).

Результаты нашего исследования подтверждают выводы В. А. Барабанщикова (2004), что целостность внешнего облика обуславливает независимость выражения лица от его отдельных черт и состояний.

Действительно, как показало наше исследование, при восприятии собеседника с целью определения жжет он или нет, внимание акцентируется либо на подвижность лица в целом, либо на взгляде, либо на улыбке, но ни то и другое и третье одновременно. Именно об этом свидетельствуют выделенные нами факторы: «динамика лица», «улыбка» и «взгляд».

Таким образом, выполненное исследование подтверждает актуальность обращения к проблеме распознавания лжи по выражению лица в процессе межличностного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемцева Н. Г.* Восприятие психологических характеристик человека по «разделенному лицу»: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Артемцева Н. Г., Барабанщиков В. А., Нагибина Н. Л.* Особенности восприятия человеческого лица: объективные и субъективные составляющие // Психология и ее приложение. Тезисы доклада на научной конференции. 2002.
- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Барабанщиков В. А.* Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006.
- Бодалев А. А.* Формирование первого впечатления // Человек и общество. М., 1966.
- Вирт Б.* Все о человеке, его характере и языке тела. М.: Издательско-торговый дом Гранд, 2004.
- Гранская Ю. В.* Распознавание эмоций по выражению лица: Дис. ... канд психол. наук. СПб., 1998.
- Иванская Л. Н.* Психологические особенности идентификации лица человека по фотографии: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1981.
- Лабунская В. А.* Невербальное поведение. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1986.
- Пиз А.* Язык телодвижений: как читать мысли других людей по их жестам. М.: Ай – Кью, 1995.
- Пентланд А., Чаудхари Т.* Распознавание лиц для интеллектуальных сред // Открытые системы. 2000. 17. 03.

- Потапенко И.* Распознавание правдивых и ложных высказываний по выражению лица говорящего: Дип. раб. М.: Институт психоанализа, 2007.
- Симоненко С. И.* Психологические основания оценки ложности и правдивости сообщений // Вопросы психологии. 1998. № 3.
- Степанов С.* Язык внешности // Открытые системы. М.: Эксмо, 2000.
- Тарасов А. Н.* Психология лжи. М.: Книжный мир, 2005.
- Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.
- Экман П.* Психология Лжи. СПб.: Питер, 1999.
- Bruce V., Green P., Georgeson M. A.* Visual perception: Physiology, Psychology and Ecology. Psychology Press. 1997.
- Bruce V., Young A.* In the eye of the beholder. The science of face perception. Oxford–N. Y.–Tokyo.: Oxford University Press. 2000.
- Young L.* The naked face. The Essential Guide to Reading Faces. New York. St Martin's Press. 1994.

ИНТЕРЕНЕТ-РЕСУРСЫ

- Мещеряков Б. Г., Некрасова Л. В.* Лицо человеческое. Макиавелизм: правда и ложь в повседневной жизни. Интернет: <http://studlib.ru/article/a-389.html>.
- Павлова Е. Н.* Распознавание лжи и искренности во время коммуникации (экспериментальное исследование) // Ломоносовские чтения, 1997. Интернет: www.psychology.ru/lomonosov/tesises/fr.htm.
- Симоненко С. И.* Психологические основания искренности в процессе коммуникации. // Ломоносовские чтения, 1997. Интернет: www.portalus.ru/modules/psychology/print.php.

**Возможности количественного и качественного
подходов в исследовании восприятия
психологических особенностей человека
по выражению его лица**

А. А. Демидов

Центр экспериментальной психологии, МГППУ (Москва)

Введение. История развития психологической науки представляет собой непрерывную конкуренцию, а можно сказать и борьбу, двух направлений психологического познания, связанных с различием в понимании метода психологического познания. Эти направления имеют различные исторические облики – в виде проблемы понимания и объяснения в психологии, в виде номотетических и идеографических, экспериментальных и экспериентальных методов в психологии и т. д. На сегодняшний день, отечественная психологическая наука характеризуется повышенным интересом именно к качественной методологии психологического исследования (Улановский, 2007) с частичным отступлением от образцов лабораторных экспериментальных исследований психологии советского периода. Это, безусловно, отражает объективный факт плодотворности качественных методов познания, однако, с другой стороны, возникает вопрос о типах выявляемых связей между изучаемыми объектами в ходе подобных исследований (особенно остро это относится к выявлению причинно-следственных связей). Все это заставляет исследователей искать некую «золотую середину», в виде комбинации количественного и качественного подходов в психологии.

В данной статье мы хотим представить результаты одного из исследований восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица, в рамках которого мы пытались соединить как строгость экспериментальных процедур исследования, с применением статистических приемов обработки

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-06-00302а «Психологические механизмы межличностного восприятия».

данных, так и «индивидуальную и ситуативную чувствительность» метода интервью. Безусловно, мы рассматриваем данное исследование не как решение проблемы соединения различных методологий исследования, а как вариант, отчасти успешного, соединения разных методов и методик психологического исследования, которые не только дополняют и своеобразно «валидируют» друг друга, но иногда и вступают в противоречие друг с другом.

В исследованиях межличностного восприятия, проведенных в лаборатории системных исследований психики Института психологии РАН, под руководством В. А. Барабанщикова (Ананьева, 2008; Барабанщиков, Демидов, 2007, 2008а, б; Болдырев, 2006; Дивеев, 2008) были раскрыты различные детерминанты данного процесса (влияние формы лица человека и его принадлежности к различному этническому типу на восприятие психологических особенностей человека, а также влияние окклюзии лица человека и времени его экспозиции на данный процесс). Несмотря на достаточно большую фактологию, касающуюся, прежде всего, формальной стороны межличностной перцепции (механизмов межличностного восприятия), остается актуальным обращение к вопросам «содержательной наполненности» процессов межличностной перцепции, в связи с чем, мы и обращаемся к методу интервьюирования. С другой стороны, встает целый ряд вопросов касающихся методической стороны указанных исследований (особенности подготовки стимульных фотоизображений, порядка их предъявления испытуемым и т. д.), в связи с чем, мы особое внимание уделили именно этому аспекту исследований и тому, как он может обуславливать процесс и результат межличностного восприятия.

Методика и процедура исследования. Идея исследования построена на сопоставлении черт личности натурщика, зрителя (испытуемого) и оценок зрителем индивидуально-психологических особенностей натурщика по фотоизображению его лица. В целом она повторяет методику В. А. Барабанщикова и С. М. Федосеевской (Федосеевская, 2003; Барабанщиков, Носуленко, 2004).

Исследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым. Вначале исследования, испытуемый производил самооценку выраженности своих индивидуально-психологических особенностей по 21 биполярной шкале «Личностного дифференциала». Далее, ему поочередно предъявлялось два фотоизображения лиц натурщиков^{*}

* В ходе подготовки к данному исследованию была выполнена специальная процедура отбора стимульных фотоизображений. Группе испытуемых (42

(рисунк 1), личностные особенности которых он оценивал, так же используя шкалы «Личностного дифференциала».

Рис. 1. Фотоизображения лиц натурщиков, использовавшиеся в исследовании

В исследовании приняло участие 61 человек, в возрасте от 16 до 53 лет ($M = 22,8$ года, $SD = 7,75$). Для контроля эффекта последовательности, мы использовали процедуру балансировки предъявления стимульных фотоизображений. Так, в одной подгруппе испытуемых, численностью 31 человек, порядок предъявления фотоизображений лиц натурщиков был следующим: фотоизображение натурщика №2 – фотоизображение натурщика №4; в другой подгруппе, численностью 30 человек, порядок предъявления был обратным (см. рисунок 2).

С целью изучения субъективного представления испытуемых о процессе вынесения ими оценочных суждений проводилось направленное, полустандартизированное интервью. На основе данных

человека, в возрасте от 18 до 39 лет) предъявлялись шесть фотоизображений лиц натурщиков до плечевого пояса анфас. В соответствии с инструкцией испытуемые должны были указать те фотоизображения лиц, на которых с их точки зрения представлена какая-либо экспрессия/эмоция и описать ее (при подготовке фотоизображений, натурщиков просили избегать проявлений каких-либо эмоций). По результатам указанной процедуры, мы отобрали два фотоизображения лиц натурщиков №2 и №4, первое из которых в наименьшей степени отмечалось испытуемыми как лицо выражающее какую-либо эмоцию (16% испытуемых), второе выбиралось наиболее часто (90% испытуемых).

предыдущих исследований (Барабанщиков, Демидов, 2007, 2008а), был составлен ряд вопросов, касающихся потенциальных факторов, обуславливающих процесс и результат межличностного восприятия, понимания испытуемыми оценочных шкал и их взаимосвязи друг с другом, а так же уверенности в своих оценках и возможности адекватного восприятия личностных особенностей человека по фотоизображению его лица.

Интервью проводилось индивидуально с каждым испытуемым, после окончания оценки личностных особенностей натурщиков, и фиксировалось на диктофон.

Общая продолжительность аудиозаписей составила 28,5 часов (средняя продолжительность одного интервью – 28 минут).

При обработке экспериментальных данных анализировались следующие процессы межличностного восприятия (Барабанщиков, Носуленко, 2004, с. 381–383): 1) *консонанс* (С) – совпадение значений шкал в профилях натурщика и зрителя; 2) *резонанс* (R) – совпадение значений одних и тех же шкал в профилях натурщика, зрителя и оценки натурщика зрителем; 3) *проекция* (P) – совпадение значений одних и тех же шкал в оценочном профиле и профиле индивидуально-психологических особенностей зрителя при их отсутствии в профиле личности натурщика; 4) *интпроекция* (I) – совпадение значений шкал оценочного профиля и профиля натурщика, отсутствующих в личностном профиле зрителя; 5) *атрибуция* (A) – значения шкал оценочного профиля, которые не соответствует ни профилю зрителя, ни профилю натурщика.

С точки зрения психологической интерпретации величина консонанса указывает на близость индивидуально-психологических особенностей зрителя и натурщика. Резонанс выражает совокупность общих черт личности коммуникантов. Перенос собственных свойств воспринимающего на личность натурщика, которых он в действительности лишен, характеризует проекцию. Ее противоположностью является интпроекция, или обнаружение действительных черт личности натурщика, отсутствующих у воспринимающего. Наконец, атрибуция означает наделение натурщика индивидуально-психологическими особенностями, которыми не обладает ни он сам, ни воспринимающий субъект. Необходимо отметить, что перечисленные механизмы носят операциональный характер и составляют единую систему механизмов межличностного восприятия.

Статистическая обработка проводилась с использованием статистического пакета SPSS 11.0. Для сравнения двух зависимых

выборки по уровню выраженности изучаемых признаков использовался критерий Т-Вилкоксона (см. Наследов, 2004).

Результаты. Значения механизмов межличностного восприятия и производных коэффициентов для каждого из оцениваемых натурщиков представлены в таблице 1.

Таблица 1

Значения механизмов межличностного восприятия и производных коэффициентов для натурщиков № 2 и № 4

	Натурщик №2	Натурщик №4	Среднее	Статистическая значимость различий, критерий Т-Вилкоксона
Консонанс	76,66 (12,10)	76,66 (12,10)	76,66 (12,05)	$p = 1,000$
Резонанс	51,37 (16,42)	55,19 (17,74)	53,28 (17,13)	$p = 0,015$
Проекция	9,37 (8,29)	8,82 (5,34)	9,09 (6,95)	$p = 0,648$
Интроекция	11,16 (8,90)	12,49 (10,25)	11,83 (9,58)	$p = 0,137$
Атрибуция	28,10 (12,82)	23,50 (14,28)	25,80 (13,71)	$p = 0,011$
Kad	0,251 (0,281)	0,354 (0,258)	0,302 (0,274)	$p = 0,012$
Kego	0,215 (0,336)	0,280 (0,385)	0,247 (0,361)	$p = 0,059$
Kr	0,664 (0,175)	0,713 (0,193)	0,689 (0,185)	$p = 0,017$
Kp	0,414 (0,278)	0,437 (0,246)	0,426 (0,262)	$p = 0,767$
Ki	0,483 (0,285)	0,490 (0,256)	0,486 (0,270)	$p = 0,505$
Kat	1,490 (0,969)	1,254 (0,970)	1,372 (0,973)	$p = 0,036$

Примечание: первое значение в ячейках – среднее арифметическое, второе – в скобках – стандартное отклонение. Значения механизмов даны в процентах

Приведенные данные свидетельствуют о том, что два указанных натурщика воспринимаются с разной степенью адекватности, при этом вклад каждого из механизмов межличностного восприятия в формирование общего представления о партнере также зависит

от оцениваемого натурщика (см. значения резонанса и атрибуции). Указанные данные во многом согласуются с данными, полученными в наших предыдущих исследованиях (Барабанщиков, Демидов, 2007, 2008а), но за исключением двух значений. В данном исследовании среднее значение резонанса в среднем выше, а среднее значение атрибуции – ниже тех значений, которые получены в предыдущих исследованиях^{*} и приближаются к тем значениям, которые представлены в работе С. М. Федосеевской (2003). Мы связываем это с тем, что сама ситуация интервьюирования, о которой заранее знали испытуемые, обуславливает их повышенную ответственность за выполняемую ими оценочную деятельность, что конкретно выразилось в более глубоком «проникновении» в личность оцениваемого натурщика и в меньшем количестве «необдуманных», «случайных» ответов.

Анализ среднего значения коэффициента адекватности (Kad)[†] говорит о том, что натурщики оцениваются наблюдателями преимущественно такими же, какие они есть на самом деле (точнее говоря, в соответствии с их собственными самооценками).

Сравнение коэффициентов адекватности (Kad) и идентификации (Kego) показывает их прямую зависимость друг от друга на статистически значимом уровне. Чем выше уровень коэффициента идентификации, тем выше адекватность восприятия натурщика, или другими словами, чем в большей степени зритель опирается на свои собственные личностные особенности (Я-концепция), тем адекватнее он оценивает другого человека. Данная закономерность отмечена в целом ряде более ранних работ (Барабанщиков, Носуленко, 2004; Барабанщиков, Демидов, 2008а; Федосеев, 2003).

Сравнивая значения коэффициента резонанса (Kr) и коэффициента интроекции (Ki) можно видеть, что идентичные свойства личности натурщика оцениваются наблюдателем более эффективно (в среднем около 70%), чем не идентичные (в среднем около 48%).

* В первом исследовании (Барабанщиков, Демидов, 2007) среднее значение резонанса и атрибуции, вне зависимости от условий восприятия, составило 45,36% и 28,52% соответственно. Во втором исследовании (Барабанщиков, Демидов, 2008а) среднее значение резонанса и атрибуции, вне зависимости от времени экспозиции стимульных фотоизображений, составило 43,21% и 32,88% соответственно.

† Способ расчета коэффициентов межличностного восприятия, указанных в Таблице 1 и их «психологическое значение» представлено в работах В. А. Барабанщикова и его коллег (Барабанщиков, Носуленко, 2004; Барабанщиков, Демидов, 2007, 2008а и др.).

Представляется вероятным объяснение, согласно которому более высокая эффективность оценивания именно идентичных свойств личности натурщика (Kr) связана как раз с опорой наблюдателя на свои собственные особенности (Kego), что в итоге ведет к адекватному восприятию личностных особенностей натурщика в целом (Kad). Это отмечено и в других работах: «Чем больше консонанс и степень идентификации зрителя с натурщиком, тем правильнее оценивается его личность» (Барабанчиков, Носуленко, 2004, с. 392).

Интересные результаты представляет интегрированный дифференциальный анализ данных, представленных в таблице 1 и содержания индивидуальных интервью.

Так, согласно полученным данным натурщик № 4 воспринимается более адекватно, нежели натурщик № 2, что во многом противоречит субъективным отчетам испытуемых. Так, 43% наблюдателей отметило, что оценки натурщика № 2 характеризуются ими как более адекватные, «точные», нежели оценки, касающиеся натурщика № 4 (об обратном соотношении, заявило 27% наблюдателей). Оставшаяся треть испытуемых считало, что оценки обоих натурщиков в равной степени адекватны, либо вообще затруднялись судить о степени адекватности собственных оценок, безотносительно того или иного натурщика. Вполне возможно, что подобное соотношение данных отражает тот факт, что непосредственно протекающее восприятие (и в плане процесса, и в плане результата) во многом отлично от рефлексивно реконструированного перцептивного процесса.

Оценивая возможность адекватного восприятия личностных особенностей человека по фотоизображению его лица в целом, испытуемые в большей своей части отрицали такую возможность, отмечая попутно, что для того чтобы выносить свои суждения о человеке, о его личностных особенностях, нужно не просто просмотреть фото – статичное изображение лица, но желательно увидеть его в динамики (видео), либо услышать голос, речь этого человека, а вообще, лучше всего, пообщаться с ним непосредственно. Так, по словам одного из испытуемых «...в статике что-то поймать достаточно сложно. Если бы модель как-то подвигалась, хотя бы чуть-чуть, или что-то сказала, можно было бы точнее ее оценить». Результаты предыдущего нашего исследования (Барабанчиков, Демидов, 2007) во многом не подтверждают данную «логику рассуждений» наблюдателей, показывая, что и в условиях восприятия речи натурщиков или их видеоизображения возможны неадекватные личностные суждения.

Содержательный анализ интервью позволяет, пусть и в первом приближении, реконструировать систему возможных детерминант межличностного восприятия.

Во-первых, обращает на себя внимание актуализация разного вида стереотипов межличностного восприятия. Например, «физиогномических стереотипов», отражающих связь личностных особенностей человека с конституцией его лица. Можно привести следующие, наиболее яркие примеры, подобных стереотипов: «[она – натурщик № 2] достаточно упряма, об этом говорят плотно сжатые губы, и уголки их опущены вниз – это признак, как мне кажется, упрямого человека». «Ее брови [натурщик № 4] немножко на разных уровнях... губы тоже. Для меня, людям, у которых... ну небольшая асимметрия, свойственна очень высокая эмоциональная экспрессия, от того, что все части тела активно двигаются, они [брови и губы натурщика – А. Д.] становятся по-разному натренированы что-ли...». «Если у человека тяжелая челюсть – я сразу предполагаю упрямство в характере, некую жесткость, самостоятельность. В данном случае, у модели № 2 достаточно крупная челюсть, но не достаточно сильно, чтобы приписать ей эти качества».

Причем, в межличностном восприятии могут проявляться не только «физиогномические стереотипы», но и «стереотипы внешности». Так, оценивая натурщика № 4 как деятельного человека, испытуемый связал эту черту с ее прической – «убранные волосы подчеркивают дисциплинированность и это связано с ее работой...». «Решительный человек... ну у нее такая прическа (забранные волосы в хвостик, открытый лоб)».

Другой вид стереотипов, условно обозначаемый нами как социально-психологические, связывает личностные особенности человека с социальным репертуаром его поведения. Например, «вот улыбка эта... сразу выдвигает ее в какие-то лидеры [натурщик № 4]... Стремление быть в центре внимания... вот сразу образ такой сложился, что это сильный, целеустремленный, упрямый даже, человек – лидер... Самостоятельная, по максимуму, т. е. ну если я ее приписала к лидерам, то значит, она все решает, делает сама...». Оценивая натурщика № 2, один из испытуемых заметил, что «девушка с таким лицом будет сидеть в сторонке... что-то делать, но опять же, она не будет привлекать к себе внимания. Возможно, на нее даже и обратят внимание, потому что она довольно таки симпатичная, но именно сама, непосредственно, она не будет привлекать к себе внимание...». Последний вид стереотипов тесно связан с тем,

что испытуемые иногда прибегают к построению более широких представлений об оцениваемом человеке – о его возрасте, о его семейном, социальном и профессиональном статусе*. К этому же виду стереотипом можно отнести и гендерные стереотипы. Например, одна из испытуемых заметила, что «я считаю, что женщины, они все упрямы... ну как бы, слабые и разговорчивые, конечно, тоже». Подобные «знания» используются зрителями при оценки личностных особенностей натурщиков.

Во-вторых, зрители, оценивая личностные особенности натурщиков, достаточно часто прибегают к сравнению с собой, причем как в личностном, так и в социальном планах, со своим жизненным опытом, со своими друзьями и знакомыми и т. д. Причем, сравнение себя с натурщиком может носить характер и от противоположного (соответственно, личностное описание натурщика может быть диаметрально противоположным описанию самого себя). Например, «Я бы сказала, что эта девушка не из моего круга, скажем так». «Мне показалось, что она [натурщик № 4] очень похоже на меня, внутренне, не внешне... Вот такая же как и я. Почему?.. Я не знаю... Вот ее улыбка ... такой ее позитив ... просто я считаю, что мне тоже это очень свойственно ... и поэтому мне было очень легко [оценивать ее]». «Очень трудно было оценить четвертую модель, т. к. я редко общался и взаимодействовал с подобными людьми ...». «Я старался вспомнить, не было ли похожей мимики у меня в каких-то ситуациях».

В-третьих, необходимо отметить, что оценка натурщиков может происходить относительно друг друга. Например, «Вы знаете, она [натурщик № 4] мне почему-то понравилась меньше, чем предыдущая...». «...сравнение какое-то промелькнуло с предыдущей моделью, что она моложе, что возможно студентка...». Один из испытуемых объясняя, почему он оценил натурщика № 2 как деятельного, энергичного человека привел такое «соотносительное» рассуждение: «Почему бы и нет... Особенно, после того как вы мне показали модель № 4. У этой девушки [натурщик № 2] синяков под глазами нет. Все нормально. Здоровый цвет лица. Почему бы ей не быть деятельной?!». «[А] если есть здоровье – значит, есть и энергия».

* Интересно отметить, что наиболее часто испытуемые говорили о том, что натурщик № 2 им видится как некая современная «businesswoman», работающая в среднем управленческом звене в банке, возможно бухгалтером. Натурщик № 4 воспринимается более юной по сравнению с упомянутым натурщиком и по мнению испытуемых, она скорее всего учится, т. е. является студенткой (впрочем, как и все наши испытуемые).

В-четвертых, воспринимая выражения лиц натурщиков, оценивая их личностные особенности, испытуемые могут выносить и более общие заключения о телосложении человека в целом, о его походке, осанке и даже о стиле предпочитаемой одежды. «Такое ощущение, что она [натурщик 2] смотрит то ли ровно, то ли чуть сверху... тут даже можно сказать какая у нее осанка, как она ходит... Это прямая осанка, твердая походка с каблука, может быть даже чуть-чуть с разворотом ноги... Конституция тела достаточно атлетическая. А здесь [натурщик 4] – это может быть запросто такое сутуловатое тело, какой-нибудь, ну как вот здесь видно, свитер, какие-нибудь джинсики, такая быстрая, бегущая походка, которая вообще ничего не значит, а просто для того, чтобы переместиться с одного места на другое». Или другой пример, «вот номер 2 – должна быть высокая, крупная. А эта девушка [натурщик 4] напротив – невысокая, худенькая. Т. е., в первом случае – это крестьянский, а во втором – городской тип [человека]». Другими словами, даже если испытуемые могли видеть только лицо человека анфас, у них все равно формировался образ человека в целом.

В-пятых, достаточно часто, испытуемые отмечали, что в своих личностных оценках они исходили из своеобразной «презумпции человечности», т. е. оценивая не знакомого человека, не имея никакого опыта общения с ним, они старались избегать «негативных», социально нежелательных характеристик человека. «Ну, вот добросовестная ... я как бы всегда даю людям аванс ... быть добросовестным, а дальше, как дело пойдет». «Если я вижу человека приятной внешности – я к нему начинаю относиться соответственно, как к приятному человеку, до тех пор, пока он меня в этом не разубедит... Даже самая отталкивающая внешность влияет на мою оценку, но я стараюсь относиться ко всем, имея презумпцию человечности, так скажем. А потом, зависит от человека, сохранится ли это отношение к нему или нет... Это мой принцип, я так воспитан». В последнем примере, ярко проявляется влияние социально обусловленных нравственных норм и принципов на межличностное восприятие.

В-шестых, на оценку конкретных личностных качеств человека могут влиять особенности выражения его лица, и в частности, экспрессия, эмоция. Для нашего исследования были специально подобраны фотоизображения лиц, выражающие либо экспрессию радости, либо отсутствие явной экспрессии (приближение к нейтральному, спокойному выражению лица). В связи с чем, мы получили следующие комментарии испытуемых. Так, сравнивая

натурщиков № 2 и № 4, один испытуемый заметил «ну вот, она улыбается – это уже совсем меняет всю картину». Именно ее наличие на лице натурщика № 4 вызывает такие ее описания как «добрая, доброжелательная, дружелюбная, открытая». Отсутствие улыбки на лице натурщика № 2 вызывает такое «ощущение, что фотография сделана на паспорт». У «нее вот [натурщик 2] выражение лица такое... как бы, без всяких эмоций... Как будто бы говорит „Не трогайте меня! Отстаньте от меня!“».

Таким образом, указанные данные интервью позволяют говорить о существовании у людей своеобразной имплицитной теории межличностного восприятия, в которую входят разнообразные стереотипы и эталоны межличностного восприятия, личностное знание, эмоциональный опыт переживаний, этические нормы и т. д. Можно предположить, что указанные имплицитные теории могут определять не только общие тенденции межличностного восприятия, но и индивидуальные различия.

Как упомянуто выше, на оценку конкретных личностных качеств человека может влиять экспрессия, представленная на его лице. В связи с чем, мы произвели оценку возможного влияния экспрессивности лица натурщика на точность восприятия его индивидуально-психологических качеств^{*}. Полученные данные (см. таблицу 2) частично подтверждают это предположение.

Так, у натурщика № 2, выражение лица которого приближается к эталону «нейтрального выражения»[†], более адекватно оцениваются качества по шкалам «добросовестный–недобросовестный» и «суетливый–спокойный», в то время как по шкалам «разговорчивый–молчаливый», «замкнутый–открытый», «черствый–отзывчивый», «вялый–энергичный», «враждебный–дружелюбный», «нелюдимый–общительный» и «раздражительный–позитивный» менее адекватно.

Натурщик № 4, выражение лица которого отражает, по мнению испытуемых, экспрессию радости, напротив более адекватно воспринимается по указанным выше семи шкалам, нежели по шкалам «добросовестный–недобросовестный» и «суетливый–спокойный». И это при всем том, что личностные профили самооценок натурщиков № 2 и № 4 совпадают! Таким образом, наличие экспрессии

* Под точностью восприятия понимается совпадение оценки, данной зрителем относительно конкретной индивидуально-психологической особенности натурщика с самооценкой натурщика по данной черте.

† Выражение лица данного натурщика иногда описывалось еще как выражающее серьезность, надменность, презрение.

ТАБЛИЦА 2
Точность распознавания отдельных черт личности
НАТУРЩИКОВ № 2 и № 4

Шкалы	Натурщик 2	Натурщик 4	Среднее	Статистическая значимость различий, Т-критерий Вилкоксона
1. Обязательный-непривлекательный	77,05 (42,40)	73,77 (44,35)	75,41 (43,24)	$p = 0,695$
2. Слабый-сильный	81,97 (38,76)	77,05 (42,20)	79,51 (40,53)	$p = 0,513$
3. Разговорчивый-молчаливый	40,98 (49,58)	81,97 (38,76)	61,48 (48,86)	$p < 0,001$
4. Безответственный-добросовестный	91,80 (27,65)	75,41 (43,41)	83,61 (37,17)	$p = 0,012$
5. Упрямый-уступчивый	26,23 (44,35)	32,79 (47,33)	29,51 (45,79)	$p = 0,334$
6. Замкнутый-открытый	45,90 (50,24)	72,13 (45,20)	59,02 (49,38)	$p = 0,002$
7. Добрый-эгоистичный	49,18 (50,40)	54,10 (50,24)	51,64 (50,17)	$p = 0,577$
8. Зависимый-независимый	19,67 (40,08)	27,87 (45,20)	23,77 (42,74)	$p = 0,336$
9. Действительный-пасивный	78,69 (41,29)	88,52 (32,13)	83,61 (37,17)	$p = 0,157$
10. Черствый-отзывчивый	52,46 (50,35)	75,41 (43,41)	63,93 (48,21)	$p = 0,011$
11. Решительный-нерешительный	88,52 (32,13)	77,05 (42,40)	82,79 (37,90)	$p = 0,108$
12. Вялый-энергичный	70,49 (45,98)	90,16 (30,02)	80,33 (39,91)	$p = 0,011$
13. Справедливый-несправедливый	67,21 (47,33)	63,93 (48,41)	65,57 (47,70)	$p = 0,705$
14. Расслабленный-напряженный	67,21 (47,33)	55,74 (50,08)	61,48 (48,86)	$p = 0,194$
15. Суежный-спокойный	80,33 (40,08)	49,18 (50,40)	64,75 (47,97)	$p < 0,001$
16. Враждебный-дружелюбный	55,74 (50,08)	73,77 (44,35)	64,75 (47,97)	$p = 0,056$
17. Уверенный-неуверенный	80,33 (40,08)	77,05 (42,40)	78,69 (41,12)	$p = 0,637$
18. Нелюдимый-общительный	68,85 (46,69)	85,25 (35,75)	77,05 (42,22)	$p = 0,033$
19. Честный-неискренний	55,74 (50,08)	52,46 (50,35)	54,10 (50,03)	$p = 0,683$
20. Несамостоятельный-самостоятельный	83,61 (37,32)	86,89 (34,03)	85,25 (35,61)	$p = 0,593$
21. Раздражительный-невозмутимый	31,15 (46,69)	59,82 (50,40)	49,98 (49,38)	$p = 0,014$

Примечание: первое значение в ячейках – среднее арифметическое, второе – в скобках – стандартное отклонение. Все значения даны в процентах

на лице натурщика может модулировать (облегчать или затруднять) оценки, выносимые зрителями относительно личностных особенностей натурщиков⁴.

Можно предположить, что экспрессия радости облегчает восприятие таких качеств человека, которые связаны с его общительностью и направленностью к другим людям и которые, отражают высокий уровень его «энергичности/активности» (другими словами, все те качества, которые составляют суперфактор «эстроверсия» по Г. Айзенку). Нейтральное же выражение лица человека скорее облегчает восприятие таких его качеств как невозмутимость, добросовестность, серьезность.

Отметив зависимость восприятия ряда личностных особенностей натурщиков от выражения их лица, вместе с тем, можно отметить, что вне зависимости от конкретного выражения лиц натурщиков, выделяются ряд личностных особенностей, распознавание которых, характеризуется либо высокой, либо низкой эффективностью.

Эффективность восприятия личностных особенностей натурщиков определялась следующим образом. Из среднего значения точности оценки по всем шкалам и для обоих натурщиков вычиталось значение одного стандартного отклонения; ниже полученного значения точность оценки характеризовалась как низкая. Симметричная процедура прибавления одного стандартного отклонения к среднему значению точности оценки определило значение, выше которого точность оценки характеризовалась как высокая.

Анализ показал, что существует набор личностных черт, которые наиболее легко и точно оцениваются испытуемыми не зависимо от особенности выражения лиц натурщиков, а есть черты, оценки по которым затруднены и часто ошибочны (таблица 3). Особенно интересно, если сравнивать эти данные с данными, полученными нами в двух других исследованиях⁵.

⁴ Необходимо заметить, что при данном экспериментальном плане исследования, данное утверждение носит гипотетический характер, т. к. высокая/низкая точность восприятия личностных качеств натурщиков может обуславливаться степенью «представленности/выраженности» той или иной личностной черты на лице натурщика.

⁵ В первом исследовании испытуемые оценивали индивидуально-психологические особенности натурщиков в различных условиях наблюдения – непосредственного и опосредованного (Барабанщиков, Демидов, 2007). Во втором исследовании, испытуемые оценивали индивидуально-психологические особенности натурщиков при различной длительности наблюдения (Барабанщиков, Демидов, 2008а, б).

ТАБЛИЦА 3
ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАСПОЗНАВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАТУРЩИКОВ

	Высокая эффективность распознавания	Низкая эффективность распознавания
1 исследование (см. Барабанщиков, Демидов, 2007)	1. «Обаятельный–непривлекательный» 4. «Безответственный–добросовестный» 9. «Деятельный–пассивный» 20. «Несамостоятельный–самостоятельный»	5. «Упрямый–уступчивый» 6. «Замкнутый–открытый» 21. «Раздражительный–невозмутимый»
2 исследование (см. Барабанщиков, Демидов, 2008а, б)	2. «Слабый–сильный» 4. «Безответственный–добросовестный» 9. «Деятельный–пассивный» 17. «Уверенный–неуверенный» 20. «Несамостоятельный–самостоятельный»	5. «Упрямый–уступчивый» 6. «Замкнутый–открытый» 7. «Добрый–эгоистичный» 8. «Зависимый–независимый» 14. «Расслабленный–напряженный» 21. «Раздражительный–невозмутимый»
3 исследование	4. «Безответственный–добросовестный» 9. «Деятельный–пассивный» 11. «Решительный–нерешительный» 20. «Несамостоятельный–самостоятельный»	5. «Упрямый–уступчивый» 8. «Зависимый–независимый» 21. «Раздражительный–невозмутимый»

Из таблицы 3 можно видеть, что имеется ряд одних и тех же особенностей («Безответственный–добросовестный», «Деятельный–пассивный» и «Несамостоятельный–самостоятельный»), которые распознаются с высокой степенью эффективности во всех трех исследованиях (в более чем 70% случаев), с другой стороны, имеется ряд особенностей («Упрямый–уступчивый» и «Раздражительный–невозмутимый») эффективность распознавания которых во всех трех исследованиях была ниже средней (менее 45% всех случаев). К данным особенностям еще примыкают две черты – «Замкнутый–открытый» и «Зависимый–независимый» точность восприятия по которым также низкая, однако данный факт не был воспроизведен во всех трех исследованиях.

Анализируя качества, которые распознаются с высоким уровнем эффективности, можно предположить, что эти качества образуют

один более общий фактор, который можно условно обозначить как отношение человека к своему делу, к труду, к жизни в целом. Обобщение качеств, характеризующиеся низкой эффективностью распознавания, достаточно затруднено, в виду их содержательной неоднозначности.

Дополнительный статистический анализ оценок наблюдателей (факторный анализ главных компонент, Варимакс вращение) и качественный анализ проведенного с испытуемыми интервью позволил выявить: во-первых, более общие личностные факторы и входящие в него шкалы, и во-вторых, рапжировать их по значению эффективности восприятия.

Так, первый фактор, условно обозначенный как «Доминантность», в который входят шкалы № 2, 8, 11, 17 и 20 ($\alpha = 0,84$), распознается лучше, чем второй фактор «Коммуникабельность/готовность к контактам», в который входят шкалы № 3, 6 и 18 ($\alpha = 0,76$). Менее всего распознается третий фактор «Нравственные качества», в который входят шкалы № 7, 13 и 19 ($\alpha = 0,71$). Анализ материалов интервью, в котором испытуемых также просили отметить содержательную схожесть шкал «Личностного дифференциала» друг с другом, позволяет говорить о существовании четвертого фактора, условно именуемого как «Невозмутимость/тревожность», в который входят шкалы № 14, 15 и 21. Личностные качества, составляющие данный фактор характеризуются низкой эффективностью распознавания.

Чем можно объяснить, что одни личностные качества воспринимаются достаточно легко и точно, а другие, наоборот, «скрыты» для восприятия наблюдателя? Одно из возможных объяснений связано с самой организацией личностных качеств, со структурой личности. Так, в психологии личности достаточно прочно укрепились представления о наличии «глубинных» и «поверхностных» личностных образований, имеющих различные (функциональные, генетические и т.д.) взаимосвязи. Например, Г. Олпорт выделял кардинальные, центральные и вторичные черты, Г. Айзенк выделял суперфакторы (экстрверсию/интроверсию, невротизм и т.д.) и входящие в них первичные факторы («общительность», «активность», «возбудимость» и т.д.), Р. Кэттелл различал поверхностные и глубинные черты, связанные с уровнем, на котором мы наблюдаем поведение, а Дж. Келли выделял центральные (ядерные) и периферические конструкты (см. Мадди, 2002). Указанные, и многие другие схожие, теоретические положения психологии личности получают особое звучание в контексте исследований межличностного восприятия. Правда, речь уже идет о степени своеобразной «доступности» –

открытости/закрытости – индивидуально-личностных особенностей человека для восприятия наблюдателя (Барабанчиков, Носуленко, 2004). Вполне логично предположить, что базисные личностные образования, столь кардинально влияющие на тотальное поведение человека будут восприниматься более адекватно и точно, нежели поверхностные, «периферические» личностные образования, актуализация которых во многом обуславливается ситуацией поведения.

Возможно и эволюционное объяснение. Так, можно предположить, что в эволюционном плане, в процессе взаимодействия особей, было куда важнее распознать насколько какая-то особь представляет собой угрозу, опасность для другой особи, нежели распознавание уровня ее тревожности и т. д. Данное предположение, возможно распространить и на процесс антропогенеза, что на современном этапе может выражаться той же закономерностью – люди более эффективно распознают насколько другие индивиды доминантны, решительны, уверенны нежели насколько они добры, справедливы и честны.

Выше, описывая методику исследования, мы отметили, что в ходе исследования была использована процедура балансировки предъявления стимульных фотоизображений с целью нейтрализации возможного влияния эффекта порядка фотоизображений на их оценку наблюдателями (рисунок 2). Процедура организации исследования позволяет нам проверить гипотезу о наличии данного эффекта в нашем исследовании. С этой целью мы произвели статистический анализ различий оценок зрителей при различном порядке предъявления стимульных фотоизображений (критерий U–Манна–Уитни). Результаты анализа лишь частично свидетельствуют о существовании эффекта порядка.

Так, натурщик № 2 воспринимается более непривлекательным, более пассивным и вялым человеком при втором порядке

Рис. 2. Порядок предъявления фотоизображений лиц натурщиков в первой и во второй подгруппах испытуемых

предъявления – «натурщик № 4–натурщик № 2», нежели при реверсивном порядке предъявления. Можно заметить, что порядок предъявления влияет, прежде всего, на оценку тех качеств натурщика № 2, которые связаны с уровнем его активности.

Натурщик № 4 воспринимается более сильным, но менее разговорчивым и решительным человеком при втором порядке предъявления фотоизображений – «натурщик № 4 – натурщик № 2», нежели при обратном порядке.

Полученные результаты во многом можно объяснить за счет экспрессивной особенности лиц натурщиков – в одном случае (натурщик № 2), это «серьезное, спокойное лицо», а в другом «улыбчивое, радостное» (натурщик № 4).

Соответственно, порядок предъявления натурщиков частично обуславливал их личностную оценку наблюдателями. Оценка натурщиков производилась относительно друг друга, первый натурщик в ряду предъявлений задает систему оценки для второго натурщика. Опираясь на данные интервью, можно сказать, что при первом порядке предъявления фотоизображений вторая девушка (№ 4) воспринимается как более недобросовестная, как более ветрепая, несерьезная, любящая компании, развлечения и т.д. по сравнению с первой девушкой (№ 2), которая воспринимается самостоятельной, серьезной, деятельной и более зрелой. В случае обратного порядка предъявления фотоизображений – «натурщик № 4–натурщик № 2», картина описаний меняется. Так, первая девушка (№ 4) воспринимается более открытой, дружелюбной, более сильной и независимой, а вторая (№ 2) на ее фоне начинает характеризоваться зрителями как надменная, слабая, зависимая и менее деятельная.

Заключение. Результаты представленного исследования позволяют говорить о плодотворности обращения не только к количественным, но и к качественным методам при изучении межличностного восприятия.

Данные интервью позволяют более адекватно понять межличностную оценку и «увидеть» за конкретными шкальными значениями многогранное отношение воспринимающего субъекта к оцениваемому человеку. Содержание интервью дает возможность «увязать» разноречивые оценки испытуемых, с точки зрения экспериментатора, в единую, связанную систему, имеющую свою логику построения. Последнюю, можно условно обозначить как имплицитная теория межличностного восприятия. Вместе с тем, процедуры количественного

шкалирования натурщиков и обработки получаемых данных, позволяют обозначить границы способности испытуемых в «рефлексивном конструировании» перцептивного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьева К. И.* Этнический тип лица и особенности его восприятия // Психологические и психоаналитические исследования / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Институт психоанализа, 2008. С. 148–157.
- Барабанщиков В. А., Демидов А. А.* Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека в ситуациях непосредственного и викарного общения // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2007. № 3. С. 107–119.
- Барабанщиков В. А., Демидов А. А.* Динамика восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в микроинтервалах времени // Психология. Высшая школа экономики. 2008а. Т. 5. № 2. С. 109–116.
- Барабанщиков В. А., Демидов А. А.* Оценка индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица // Дружининские чтения: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., г. Сочи, 24–26 апреля 2008 г. Под ред. И. Б. Шуванова и др. Сочи: СГУТиКД, 2008б. В 2 т. Т. 1. С. 47–50.
- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Болдырев А. О.* Восприятие выражения целого и частично закрытого лица: Дис. ... канд. психол. наук. М.: ИПРАН, 2006.
- Дивеев Д. А.* Роль формы лица в восприятии индивидуально-психологических характеристик человека: Дис....канд. психол. наук. М.: ИПРАН, 2009.
- Мадди С.* Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002.
- Наследов А. Н.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
- Улановский А. М.* Феноменологический подход в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130–150.
- Федосеев С. М.* Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по фотоизображению его лица. Дис. канд. психол. наук. М.: ИПРАН, 2003.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНКАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ГОВОРЯЩЕГО ПО НЕВЕРБАЛЬНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ ЕГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

П. В. Морозов

Институт психологии РАН (Москва)

Проблема гендерных различий в современной психологии оценивается как одна из важных. Одним из первых в отечественной науке подчеркнул важность проблемы половых различий И. С. Кон. В частности, он отмечал, что теоретическая недооценка данной проблемы приводит к тому, что «традиционно мужские свойства и образцы поведения невольно принимаются и выдаются за универсальные..., что мешает пониманию специфических проблем женской половины человечества...» (Кон, 1981).

В обзорной статье И. С. Клецкиной, посвященной проблемам гендерных различий приводится, в частности история становления понятия «гендерных различий» и самой науки о половой дифференциации человека. Автор выделяет (со ссылками на работы И. С. Кона) четыре исторических этапа: 1) так для 1910–1920-х годов было характерным то, что все немногочисленные исследования психологических особенностей мужчин и женщин подводились под рубрику «психология пола» (*psychology of sex*), причем пол зачастую отождествлялся с сексуальностью; 2) в 1930–1960-е годы «психологию пола» сменила «психология половых различий» (*sex differences*), которые уже не сводились к сексуальности, но большей частью считались заданными природой; 3) в конце 1970-х годов этот термин сменился на более мягкий – «различия, связанные с полом» (*sex related differences*), в то же время круг исследуемых психических явлений расширился, а влияние биологического детерминизма ослабевало; 4) в 1980-х годах их стали называть «гендерными различиями» (*gender differences*), которые могут вообще не иметь биологической основы. Автор подчеркивает, что понятие гендерных различий включает в себя не только биологические различия полов,

но и социально-ролевые функции мужчин и женщин (Клецина, 1998, Клецина, <http://giacgender.narod.ru/n2t2.htm>).

Обширный обзор по проблеме гендерных стереотипов и различий выполнен Т. Б. Котловой, Т. Б. Рябовой (Котлова, Рябова, 2002).

Наряду с исследованиями половых различий в сфере способностей и когнитивной сфере существуют работы по изучению гендерных различий в восприятии людьми разного пола других людей и жизненных событий. По данным этих исследований мужчины в глазах женщин (на студенческой выборке) отличаются не в лучшую сторону и их жизнь рассматривается в большей степени с точки зрения отрицательных черт и событий. Возможно, что такая оценка мужчин женщинами связана в большой степени с поиском возможного брачного партнера (Ежов, 1999).

Гендерные различия в восприятии и оценке противоположного пола проявляются уже в раннем возрасте и определенным образом эволюционируют в процессе онтогенеза. Так у детей школьного возраста эмоционально-личностная оценка своего и противоположного пола существенно различается у мальчиков и у девочек. Во всех классах (с 1-го по 10-й) девочки в большинстве случаев выше оценивают девочек, чем мальчиков. В младших классах эти различия проявляются в меньшей степени, чем в старших. Что же касается мальчиков, в средних классах их симпатии явно на стороне представителей своего пола. В старших же классах картина резко меняется: симпатия к представителям своего пола у мальчиков встречается редко, а частота проявления симпатии к девочкам значительно возрастает.

Таким образом, согласно литературных исследований имеются существенные различия в оценках женщинами мужчин и мужчинами женщин.

Основная задача. В настоящей работе была поставлена задача выяснить гендерные различия в оценках ряда психологических свойств говорящего человека по невербальным особенностям его речевого поведения. В предыдущих работах нами показано, что невербальные особенности поведения говорящего (жест, поза, мимика, голос) являются информативной основой для оценки его психологических качеств (Морозов, 1998; Морозов В. П., Морозов П. В., 2001).

Группа обследуемых состояла из 15 человек (10 мужчин и 5 женщин) – представителей творческой интеллигенции – писателей, артистов, музыкантов, ученых, политиков. Фрагменты их видеозаписи были получены с экрана ТВ. В качестве слушателей, выносящих экспертные оценки, выступили 16 студентов 3 курса Московского

государственного социального университета в возрасте 19–22 лет (8 юношей и 8 девушек – в дальнейшем для краткости условимся называть их «экспертами»). Задача экспертов состояла в том, чтобы, просмотрев видеоролик, оценить ряд психологических характеристик говорящих людей по комплексу особенностей их невербального поведения (включая жесты, позу, мимику, особенности речи и др.). Оценка производилась по 5-ти балльной шкале – от 0 до 4 в зависимости от выраженности того или иного психологического качества у говорящего, а при подсчете результатов переводилась в проценты по отношению к максимальному баллу для облегчения восприятия и возможного сопоставления с другими шкалами. Набор психологических качеств состоял из дихотомически противоположных пар и включал следующие характеристики для оценки: *искренний–неискренний, располагающий–нерасполагающий, миролюбивый–агрессивный, открытый–скрытый, беспечный–тревожный, оптимист–пессимист, убедительный–неубедительный, чувствительный–жесткий* (всего 16 характеристик).

Первичная обработка результатов состояла в вычислении средних значений для каждого обследуемого по данным всех экспертов и отдельно по группам мужчин и женщин.

Гипотеза исследования состояла в том, что при восприятии и оценке психологических качеств говорящего по его невербальному поведению имеет значение как пол эксперта-аудитора, так и пол говорящего. Предполагалось также, что представительницы женского пола, исходя из литературных данных, а также ввиду априорного признания более высокого эмоционально-эстетического уровня их невербального поведения, получают более высокие оценки некоторых положительных психологических качеств (и более низкие оценки отрицательных качеств), по сравнению с представителями мужского пола.

В рамках указанной гипотезы и согласно поставленной задаче необходимо оценить различия в оценках психологических качеств, данных экспертами разного пола представителям того же пола и противоположного. Иными словами, оценить разницу между тем, как мужчины и женщины оценивают свой пол и противоположный.

На рисунке 1 хорошо видно, что средние оценки, присвоенные женскому полу по положительным качествам (*искренний, располагающий, миролюбивый, открытый, беспечный, убедительный, чувствительный*) находятся существенно выше (тонкие линии), чем оценки, присвоенные мужскому полу по тем же качествам (толстые линии). Примечательно также, что мужчины оцениваются ниже

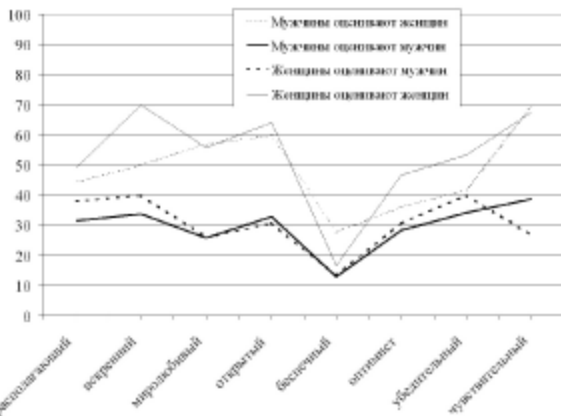

Рис. 1. Средние значения оценок положительных качеств, присвоенных говорящим (мужчинам и женщинам) экспертами разного пола

как женщинами, так и самими мужчинами. Приведем некоторые данные. На рисунке также видно, что одно из качеств – *беспечный* – имеет одинаково низкие оценки как для мужчин, так и для женщин. Подобное явление может служить примером неудачного выбора нами дихотомической пары – *беспечный–тревожный* – поскольку безопасность можно рассматривать как антипод тревожности, но нельзя рассматривать безопасность как положительное психологическое качество и оно, вероятно, рассматривается людьми чаще как неположительное. Тем не менее, данная деталь не оказывает существенного влияния на общую картину: различия в оценках мужчин и женщин имеются, они достаточно велики и статистически значимы (результаты представлены в таблицах 1, 2 и 3).

Так, среднее значение всех положительных качеств женщин, мужчины оценили на 48,3% (тонкая пунктирная линия на графике), а эти же качества мужчин они оценили на 29,8% (толстая сплошная линия на графике) и в среднем разница составила 18,6% (вероятность нуль-гипотезы $p=0,004852$).

По положительным качествам женщины оценили женщин на 52,9%, а мужчин – на 30,7% и средняя разница составила 22,2% (вероятность нуль-гипотезы $p=0,005499$).

Полные комбинации всех средних различий в оценках приведены в таблице 2 и 3.

Таблица 1

Средние значения оценок положительных качеств говорящих
(в % по отношению к максимальному баллу)

	распо- лагаю- щий	ис- крен- ный	миро- люби- вый	откры- тый	бес- печ- ный	опти- мист	убеди- тель- ный	чувст- ви- тель- ный
М→М	31,7	33,8	25,7	32,9	12,9	28,3	34,2	38,8
Ж→М	38,0	40,0	26,0	30,8	13,3	30,8	40,0	26,8
М→Ж	44,4	50,0	56,9	59,7	27,8	36,1	41,7	69,4
Ж→Ж	49,2	70,0	55,8	64,2	16,7	46,7	53,3	67,5

Условные обозначения для таблиц: М→М – мужчины оценивают мужчин, Ж→М – женщины оценивают мужчин и т. п. Значимые различия выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2

Оценка мужчинами (М) и женщинами (Ж) положительных
качеств говорящих своего и противоположного пола

Характер различий	Средние значения сравниваемых оценок, %		Средняя разница в оценках, %	Вероятность нуль-гипотезы по критерию Стьюдента
	М→М	Ж→Ж		
М→М и Ж→М	29,78	30,69	0,91	0,831457
М→М и М→Ж	29,78	48,26	18,48	0,004852
М→М и Ж→Ж	29,78	52,92	23,14	0,003486
Ж→М и М→Ж	30,69	48,26	17,57	0,008545
Ж→М и Ж→Ж	30,69	52,92	22,23	0,005499
Ж→Ж и М→Ж	52,92	48,26	4,66	0,553592

Таблица 3

Оценка мужчинами (М) и женщинами (Ж) отрицательных
качеств говорящих своего и противоположного пола

Характер различий	Средние значения сравниваемых оценок, %		Средняя разница в оценках, %	Вероятность нуль-гипотезы по критерию Стьюдента
	М→М	Ж→Ж		
М→М и Ж→М	22,72	19,78	2,94	0,447354
М→М и М→Ж	22,72	13,54	9,18	0,019266
М→М и Ж→Ж	22,72	13,65	9,07	0,092619
Ж→М и М→Ж	19,78	13,54	6,24	0,109536
Ж→М и Ж→Ж	19,78	13,65	6,13	0,253537
Ж→Ж и М→Ж	13,65	13,54	0,11	0,253537

Выводы

- 1 Показаны существенные различия в оценках мужчинами и женщинами психологических качеств говорящих своего и противоположного пола по особенностям их невербального поведения в процессе речи.
- 2 Полученные результаты необходимо принимать во внимание в исследованиях, связанных с оценкой психологических качеств людей и особенно таких характеристик как искренность-неискренность, убедительность, открытость, миролюбие и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Ежов О. Н. Гендерные различия в восприятии жизненных событий // Электронная публикация (<http://sstu-socwork.narod.ru>), 1999.
- Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2001.
- Клецина И. С. Психология половых различий в контексте гендерных исследований // Гендерный информационно-аналитический центр (<http://giacgender.narod.ru/n2content.htm>). 2002. Вып. 2.
- Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2.
- Кон И. С. Обсуждение темы «Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР» // Гендерные исследования. 2000. № 5.
- Котлова Т. Б., Рябова Т. Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Информационный портал «Женщина и общество» (http://www.owl.ru/content/library/books/index03_2002_1.shtml), 2002.
- Морозов В. П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998.
- Морозов В. П., Морозов П. В. Оценка искренности говорящего по степени соответствия звуковых и зрительных компонентов его невербального поведения // Информатизация правоохранительных систем. Сборник трудов X Международной научной конференции. М., 22–23 мая, 2001 г.

**ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К СОБСТВЕННОМУ
ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ У ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ ТИПОМ
ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Л. В. Кан

Институт психологии РАН (Москва)

Актуальным направлением современных психологических исследований является проблема гендерной идентичности. Гендерная идентичность определяется как осознание себя связанным с культурными определениями мужественности и женственности, способствующее интериоризации мужских и женских черт (Здравомыслова Е., Темкина А., 2001); как социально-психологический феномен, являющийся продуктом и процессом конструирования субъектом себя и социальной реальности посредством конструкторов маскулинности и фемининности (Буракова, 2000). Некоторые исследователи понимают гендерную идентичность как частный случай личностной самоидентичности, благодаря которой возникает субъективное «чувство пола», развиваются модели поведения по маскулинному или фемининному типу и реализуются желаемые выборы сексуального партнера (Соколова, Буракова, Лэонтиу, 2002).

Гендерная идентичность формируется в процессе взаимодействия «Я» и других и на ее формирование оказывают влияние гендерные стереотипы – культурно и социально обусловленные представления о том, какие характеристики и модели поведения считаются адекватными и желательными для мужчин и женщин (Бери, 2001; Здравомыслова, Темкина, 2001). Так, к типично мужским чертам традиционно относят независимость, активность, агрессивность, решительность, напористость, доминантность, стремление к соревнованию и достижению. С женской ролью соотносят такие черты как уступчивость, мягкость, чувствительность, застенчивость, нежность, способность к сочувствию и сопереживанию. Социальные стереотипы фемининности меньше касаются волевых сторон личности и успешности деловой карьеры, но при этом уделяют значительное

внимание эмоциональным аспектам (Pean, 2007). Согласно Т. Parsons и R. F. Bales, маскулинность проявляется в ориентации личности на достижение целей за пределами непосредственной ситуации межличностного взаимодействия и характеризуется нечувствительностью (невосприимчивостью) к эмоциональным реакциям окружающих; фемининность состоит в направлении интересов личности непосредственно на ситуацию межличностного взаимодействия с учетом эмоциональных реакций окружающих (цит. по: Ениколопов, Дворянчиков, 2001).

В настоящее время нет единого мнения о том, как комплекс маскулинность/фемининность связан с адаптацией человека. Согласно результатам исследования J. Aube et al., маскулинные черты связаны с удовлетворенностью жизнью и позитивным настроением как для мужчин, так и для женщин. А. Neilgun приводит данные, согласно которым, высокомаскулинные и низкофемининные женщины характеризуются трудностями в установлении и поддержании межличностных контактов, агрессивностью; низкомаскулинные – беспомощностью, пассивностью, склонностью к депрессии, низкой самооценкой; высокофемининные – тревожностью и низкой самоуверенностью (цит. По: Ениколопов, Дворянчиков, 2001). В исследованиях Lau Sing, было показано, что андрогинных и маскулинных индивидов отличает большее самоуважение в целом, а также более высокая самооценка в области академических достижений и собственной внешности (цит. По: Pean, 2007).

Существенным компонентом гендерной идентичности является тело (его репрезентация, оценка, валентность, сексуальность, привлекательность, тело для себя и для другого) (Ребеко, 2006). По мнению Р. Бернса, тело является зримой и осязаемой частью Я. «Мы чувствуем, видим и слышим самих себя, никогда не в состоянии отрешиться от своего тела, к тому же этот неотъемлемый элемент нашей личности выставлен на постоянное публичное обозрение» (Бернс, 1986).

Т. Ф. Кэш (2004) предлагает различать два компонента в образе тела: валентность образа тела (мера важности образа тела для самооценки) и оценка образа тела (удовлетворенность/неудовлетворенность собственной внешностью). В исследованиях показано, что женщины демонстрируют более высокий уровень неудовлетворенности своей фигурой и относительно низкие самооценки по сравнению с мужчинами. Б. Фридриксон и Е. Робертс (1997) считают, что если мужское тело чаще репрезентируется как активное и интенциональное,

то женское тело – как объект рассматривания и привлекательности. Отмечается, что образ тела женщины важен как для ее внутреннего самочувствия, так и для социальных отношений.

В настоящее время понимание внешнего облика как конструкта Я-для-другого функционирующего в ситуации общения в связи с необходимостью представлять себя другому, конструировать себя для него разрабатывается в работах В. А. Лабунской (1998, 2000). Внешний облик трактуется ею как динамическая, переменная, конструируемая совокупность 3 взаимосвязанных подсистем: статических, среднединамических и динамических компонентов. Отмечается, что внешний облик выступает регулятором гендерных отношений в общении, является репрезентацией конструктов маскулинности-фемининности.

Таким образом, данные современных исследований позволяют говорить о культурной обусловленности гендерных стереотипов в отношении образа тела и внешнего облика женщины. Внешний облик является сложным и изменчивым конструктом, репрезентирующим гендерную идентичность субъекта вовне, т. к. в целом, через внешний облик, возможна концептуализация всего, что окружает человека.

В данной работе ставится проблема соотношения типа гендерной идентичности и отношения к внешнему облику у женщин. Мы предполагаем, что между репрезентацией внешнего облика и гендерной идентичностью нет прямых однозначных связей и, разный тип гендерной идентичности может быть сопряжен с разным профилем значимых для женщин компонентов внешнего облика.

Методика

Испытуемые. В исследовании принимали участие 247 женщин в возрасте от 17 до 50 лет, студенты Московских ВУЗов и служащие. В работе использовались следующие методики:

- 1 Методика МиФ (Маскулинность и Фемининность) (Бессонова Т. Л., 1994, Дворянчиков Н. В., 1998) позволяет установить индивидуальную степень выраженности фемининности, маскулинности, андрогинности, определить субъективное отношение личности к своему уровню развития этих черт.

Методика состоит из незаконченных предложений «на самом деле я...», «женщина должна быть...» и т. д., которые необходимо завершить каждым из слов перечня маскулинности/фемининности и оценить по отношению к себе соответствие получивше-

гося высказывания. В качестве стимула выступает недостаточно структурированный вербальный материал из 21 прилагательного (7 из них отражают маскулинные качества, 7 – фемининные, 7 – нейтральные).

Подсчет по категориям производится в «сырых» баллах, расстояния подсчитываются в тестовых единицах, путем расчета расстояния между точками в пространстве маскулинности/фемининности. Минимальное значение – 7 баллов, максимальное – 28 баллов, показатель выраженности м/ф – 17 баллов. В результате получается отображение полоролевой идентичности испытуемого в двухмерном пространстве маскулинности-фемининности, достижение определенных показателей в котором позволяет говорить о выраженности данных черт.

2. Методика «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» (Белугиной Е. В., 2003) применялась для изучения таких параметров отношения к внешности, как: 1) оценочно-содержательная интерпретация статических, среднестатистических и динамических компонентов внешнего облика (оценка ряда характеристик своего лица и тела, невербального поведения и оформления своей внешности); 2) отношение к отраженному внешнему Я; 3) оценка возрастных, гендерных и ролевых характеристик внешнего облика.

Методика состоит из 40 пар биполярных прилагательных и 21 пары противоположных утверждений. Оценки давались по 10-балльной системе (где 10 – самая высокая позитивная оценка, 7–9 – положительные оценки, 5–6 – средне-положительные, 2–4 – отрицательные, а 1 – крайне негативная оценка). Показателем оценки содержательных характеристик отношения к своему внешнему облику выступает средний балл, полученный в результате деления суммарного балла по каждому параметру на количество входящих в него пар прилагательных и утверждений.

Полученные данные были обработаны с помощью пакета Statistica 6.0 for Windows. Для статистического анализа были применены методы непараметрической статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На первом этапе был проведен анализ распределения респондентов по типам гендерной идентичности (методика МиФ) в соответствии с представлениями женщин о себе (Я-реальное). В результате

полученного распределения выборка была поделена на 4 группы: 1) маскулинный тип – 13,4% (от всей выборки), 2) фемининный – 35,2%, 3) андрогинный – 19%, 4) недифференцированный (диффузный) тип – 15,8%. Женщины, набравшие средние значения по показателям фемининности и маскулинности «Я-реального» (16,6%) в последующем анализе не учитывались.

Содержательный анализ маскулинной и фемининной составляющих полоролевой (гендерной) идентичности показал, что существуют различия между такими показателями, как «Я-реальное» («на самом деле я...»), «Я-идеальное» («хотелось бы, чтобы я была...») и «Образ женщины» («женщина должна быть...») (таб. 1).

ТАБЛИЦА 1
СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
«МАСКУЛИННОСТИ» И «ФЕМИНИННОСТИ» ПО МЕТОДИКЕ МИФ
ПО ГРУППАМ С РАЗНЫМ ТИПОМ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тип гендерной идентичности	Маскулинный		Фемининный		Андрогинный		Диффузный	
	М	F	М	F	М	F	М	F
Я-реальное	20,15	15,36	14,76	20,11	19,68	19,64	14,74	15,28
Я-идеальное	21,21	18,70	20,26	19,64	22,11	19,98	19,13	17,62
Образ женщины	18,61	20,12	17,32	21,57	19,77	21,62	15,90	19,72

Из приведенной таблицы видно, что испытуемые 1-ой группы (маскулинный тип), набравшие высокие баллы по маскулинной составляющей и низкие – по фемининной составляющей Я-реального, хотели бы иметь более высокие показатели по этим шкалам, причем с преобладанием маскулинной составляющей, несмотря на представления о том, что женщина должна быть более фемининной. Для женщин второй группы (фемининный тип) характерны высокие баллы по шкале фемининности и низкие по маскулинности. В идеале они хотели бы быть более маскулинными и менее фемининными, хотя в образе женщины фемининные черты преобладают над маскулинными. Представители андрогинной группы, набравшие одинаковые баллы по фемининности и маскулинности считают, что женщина должна быть более фемининная, однако сами хотели бы быть более маскулинными. 4-ю группу (недифференцированный тип) отличают низкие оценки по шкале маскулинности и фемининности. Испы-

туемые этой группы полагают, что женщина должна быть более фемининной, но себя в идеале хотели бы видеть с более выраженными чертами фемининности и маскулинности с преобладанием маскулинности. При этом, самые высокие баллы по маскулинной и фемининной составляющей Я-идеального и Образа женщины набрали андрогинные женщины, а самые низкие – недифференцированные.

Полученную картину дополняет анализ усредненных профилей маскулинной и фемининной составляющих полоролевой идентичности каждой из выделенных групп.

В группе женщин с маскулинным типом гендерной идентичности (рисунок 1) Я-идеальное и Образ женщины («женщина должна быть...») находятся в пространстве андрогинного типа,

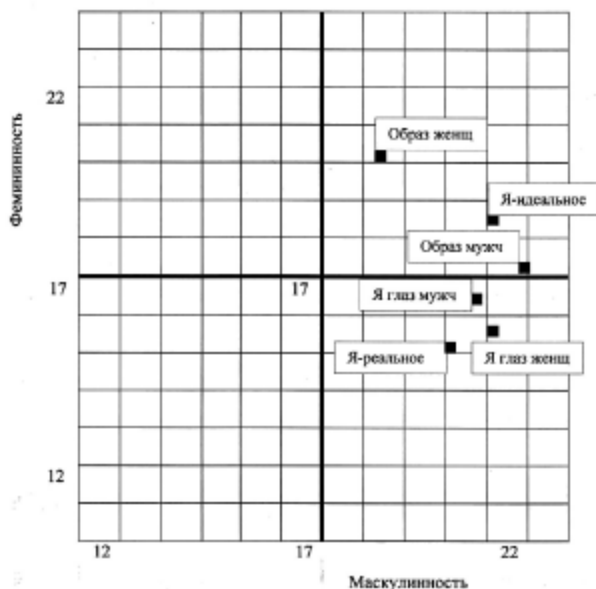

Рис. 1. Профиль маскулинного типа гендерной идентичности по методике МиФ

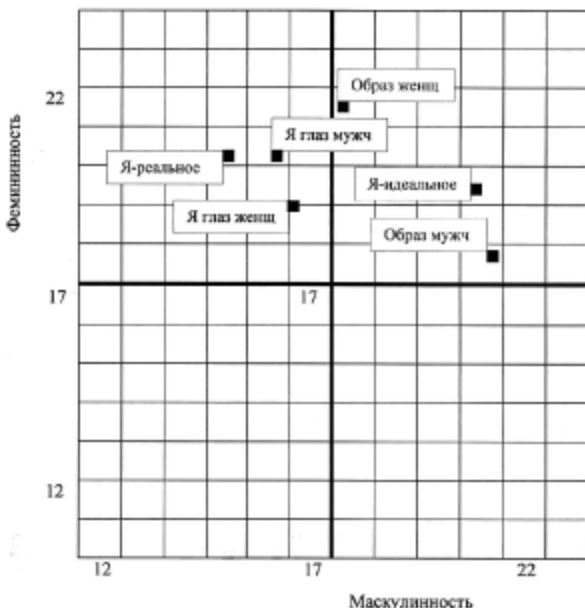

Рис. 2. Профиль фемининного типа гендерной идентичности по методике Миф

что свидетельствует о стремлении женщины к андрогинизации. Вместе с тем, наблюдается достаточно большой разрыв между Я-реальным и Образом женщины и близость Я-идеального с Образом мужчины, что может свидетельствовать о большей идентификации себя с мужской ролью и расхождении гендерного стереотипа с представлением о себе в сознании маскулинных женщин. При этом близость Я-реального и Я-рефлексивного («мужчины/женщины считают, что я...») свидетельствует о значимости для них оценок других людей.

В группе женщин фемининного типа также наблюдается тенденция к андрогинизации (Я-идеальное и Образ женщины – андрогинные) (рисунок 2). Однако, несмотря на представления о соответствии своего поведения социальным стереотипам (особенно в глазах

мужчин) (близость Я-реального и Я-рефлексивного), фемининные женщины хотели бы быть более маскулинными, что также сближает их Я-идеальное с Образом мужчины. Вместе с тем, у представительниц данной группы наблюдается больший разрыв между Я-реальным и Я-идеальным (в отличие от маскулинных женщин), что может свидетельствовать о проблемах с самооценкой и самопринятием у фемининных женщин.

В третьей группе женщин все составляющие гендерной идентичности попадают в пространство андрогинного типа и, соответственно, расположены достаточно близко по отношению друг к другу (рисунок 3). Вместе с тем, можно отметить некоторые тенденции, сближающие андрогинных женщин с представительницами других

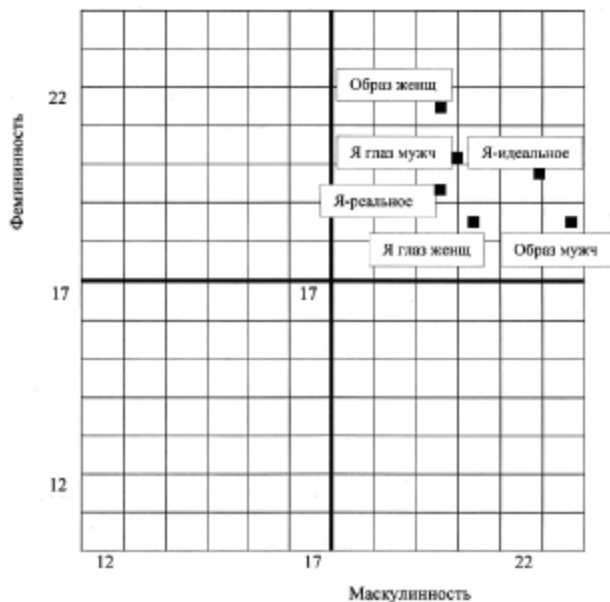

Рис. 3. Профиль андрогинного типа гендерной идентичности по методике МиФ

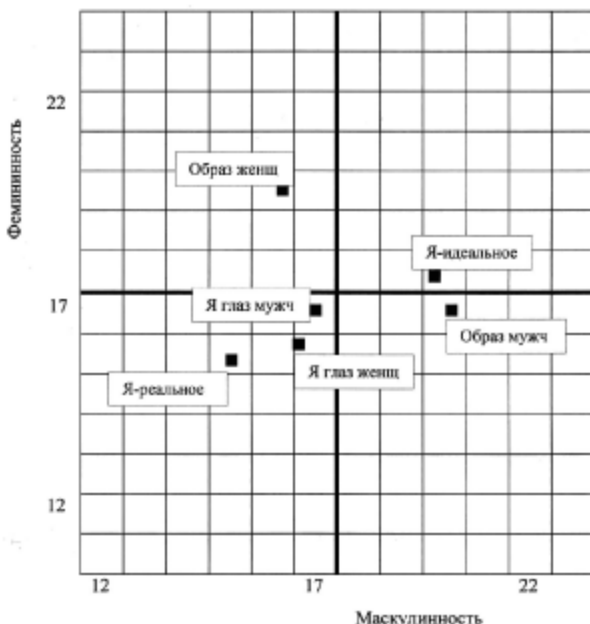

Рис. 4. Профиль диффузного типа гендерной идентичности по методике МиФ

групп. Они считают, что женщина должна быть более фемининной, а желательный образ себя – более маскулинный. Для андрогинных женщин (также как и для остальных) значимы оценки других людей и, при взаимодействии с мужчинами, они больше демонстрируют фемининную составляющую, а в общении с женщинами – маскулинную составляющую.

В группе женщин с диффузным типом гендерной идентичности наблюдается большая рассогласованность показателей по сравнению с профилями других типов (рисунок 4). Так, если в остальных группах образ Я-идеального, Образ женщины и Образ мужчины находятся в одном пространстве, то в данном случае, Я-идеальное – андрогинное, Образ женщины – фемининный, а Образ

мужчины – маскулинный. При этом все 3 образа находятся на значительном расстоянии от Я-реального, что может свидетельствовать о диффузности Я, кризисе личностного роста (Харламенкова, 2007). Для недифференцированного типа также характерна тенденция к сближению Я-идеального с Образом мужчины и значимость оценок других людей (близость Я-реального и Я-рефлексивного).

Таким образом, сравнительный анализ данных показал, что все группы (несмотря на разные показатели маскулинности и фемининности «Я-реального») имеют похожие представления о гендерной роли женщины, оценивая ее скорее как андрогинную с преобладанием фемининной составляющей над маскулинной. При рассмотрении параметра «Я-идеальное» обнаруживается желание женщин всех групп быть более маскулинными при достаточно высоких оценках по шкале фемининности. В целом, можно говорить о стремлении женщин, независимо от возраста, к андрогинному типу половой идентичности.

На втором этапе проводился анализ различий (критерий Манна-Уитни-U) между группами женщин с разным типом гендерной идентичности по показателям методики «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика».

Сравнительный анализ оценок статических, среднестатистических и динамических компонентов внешнего облика выявил следующие тенденции: в целом, оценки между группами не очень контрастны (все женщины оценивают свою внешность положительно) и, тем не менее, представительницы андрогинной группы оценивают себя выше, а женщины недифференцированной группы – ниже в сравнении с другими группами. Так, андрогинные женщины значимо отличаются от представительниц фемининной и недифференцированной (диффузной) групп по всем показателям (оценка лица и тела, экспрессивного поведения и оформления своей внешности), а от маскулинных женщин – только по оценке тела и оформлению своей внешности (таб. 2). Между остальными группами различий не выявлено.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что андрогинные женщины в большей степени, чем представительницы других типов, считают свое лицо и тело красивыми, выразительными, хорошо сложенными, ухоженными, сексуальными и привлекательными для противоположного пола. Они оценивают оформление своего внешнего облика (прическу, косметику, украшения, одежду) как красивое, интересное, притягивающее, приятное, колоритное,

ТАБЛИЦА 2

СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (ОЦЕНКА ЛИЦА, ТЕЛА, ЭКСПРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СВОЕЙ ВНЕШНОСТИ) У АНДРОГИННЫХ ЖЕНЩИН И РЕСПОНДЕНТОВ ДРУГИХ ТИПОВ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тип гендерной идентичности	Андрогинный	Маскулинный	Фемининный	Диффузный
Оценка лица	8,23	7,77	7,40*	7,27*
Оценка тела	8,25	7,41*	7,40*	7,08*
Оценка оформления вн.	8,24	7,51*	7,24*	6,96*
Оценка выразительного поведение	8,33	8,00	7,70*	7,59*

Примечание. Значимые различия ($p < 0,05$) выделены *

ТАБЛИЦА 3

Различия по показателю «Отношение к отраженному внешнему Я» (критерий Манна-Уитни)

Тип гендерной идентичности	Маскулинный		Андрогинный	
	U	p	U	p
Фемининный	884	0,001	1256	0,001
Диффузный	457	0,03	653	0,04

женственное, привлекательное для противоположного пола. Свое экспрессивное поведение они также оценивают позитивно, считая его грациозным, гармоничным, выразительным, динамичным, индивидуальным и привлекательным для противоположного пола.

Сравнительный анализ отношения к отраженному внешнему Я показал, что женщины с разным типом гендерной идентичности разделились по степени принятия своего отраженного облика на 2 группы: респонденты маскулинного и андрогинного типов оценивают свое отраженное внешнее Я более позитивно, чем представительницы фемининного и диффузного типов. В таблице показаны выявленные различия между группами женщин по показателю отношения к отраженному внешнему Я (таблица 3).

Полученные данные свидетельствуют о том, что маскулинные и андрогинные женщины любят свой отраженный образ: они любят фотографироваться, сниматься на видеокамеру, смотреть на себя в зеркало и т. п. Для женщин других типов (в большей степени фе-

мнинных) характерны противоположные тенденции: они не очень любят фотографироваться, смотреть на себя в витрины, рассматривать себя в зеркале, не любят когда об их внешности говорят другие.

В результате сравнительного анализа оценок возрастных, гендерных и ролевых характеристик внешнего облика выявлено, что андрогинные женщины отличаются от всех остальных групп по возрастным и гендерным характеристикам, а от недифференцированных – еще и по ролевым характеристикам внешнего облика (таб. 4). Между остальными группами значимых различий не обнаружено.

Таблица 4

СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (ОЦЕНКА ВОЗРАСТНЫХ, ГЕНДЕРНЫХ И РОЛЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ВНЕШНЕГО ОБЛИКА) У АНДРОГИННЫХ ЖЕНЩИН И РЕСПОНДЕНТОВ ДРУГИХ ТИПОВ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тип гендерной идентичности	Андрогинный	Маскулиновый	Фемининный	Диффузный
Оценка возрастных характеристик	7,79	7,08*	6,95*	7,11*
Оценка гендерных характеристик	8,13	7,53*	7,74*	7,33*
Оценка ролевых характеристик	6,76	6,49	6,40	5,94*

Примечание. Значимые различия ($p < 0.05$) выделены *

На основе приведенных данных мы можем определить особенности оценки возрастных, гендерных и ролевых характеристик внешнего облика у андрогинной группы. В целом, андрогинные женщины удовлетворены степенью соответствия своего внешнего облика гендерно-возрастным ролям, они отмечают, что выглядят моложе чем большинство людей их возраста и считают, что с возрастом становятся более женственными, поэтому не склонны сильно беспокоиться по поводу появления внешних признаков старения. Андрогинные женщины отмечают также большее соответствие своего внешнего облика семейной, профессиональной и сексуальной ролям по сравнению с женщинами других типов.

Выводы

Таким образом, обобщая результаты проведенного исследования, можно сказать, что современные женщины, придерживаясь прежних традиционных гендерных стереотипов, стремятся

к андрогинизации и повышению у себя маскулинных качеств. Выявлено, что именно представительницы андрогинной группы наиболее позитивно оценивают все компоненты внешнего облика и, в особенности, свое тело, оформление внешнего облика, гендерно-возрастные характеристики, что может свидетельствовать о значимости для андрогинных женщин конструирования «внешнего Я для другого».

Относительно других типов гендерной идентичности обнаружено, что маскулинные, фемининные и недифференцированные женщины оценивают статические, среднединамические, динамические компоненты своего облика, а также возрастные, гендерные и ролевые характеристики внешнего облика в целом также положительно и не различаются в своих оценках по критерию Манна-Уитни. Исключение составляет показатель отношения к отраженному внешнему Я. В отличие от остальных групп, маскулинные женщины, более позитивно относятся к отраженному, зафиксированному внешнему облику, что может свидетельствовать о важности для маскулинных женщин быть удовлетворенными «внешним Я для себя».

Таким образом, мы можем говорить о том, что наша гипотеза об отсутствии прямых однозначных связей между репрезентацией внешнего облика и гендерной идентичностью, а также о сопряженности разных типов гендерной идентичности с разным профилем значимых для женщин компонентов внешнего облика частично подтвердилась.

ЛИТЕРАТУРА

- Белугина Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2003.
- Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986
- Буракова М. В. Интерпретация маскулинности-фемининности внешнего облика субъекта общения: Автореф. дис....канд. психол. наук. Ростов-н/Д, 2000.
- Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. № 3
- Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.

- Лабунская В. А., Буракова М. В.* Фемининность-маскулинность внешнего облика женщин (психосемантический анализ причесок) // Психологический вестник РГУ. Ростов-н/Д: РГУ, 1998. Вып. 3.
- Лабунская В. А., Герасимова О. А.* Гендерная интерпретация парфюмерных запахов // Психологический вестник РГУ. Ростов-н/Д: РГУ, 2000. Вып. 5
- Реан А. А.* Психология личности. Социализация, поведение, общение. М.: АСТ; СПб.: Прайм -ЕВРОЗНАК, 2007
- Ребеко Т. А.* ИмPLICITная модель фемининности и представление о коже человека // Материалы итоговой научной конференции ИП РАН / Отв. ред: А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.:Изд-во ИП РАН, 2006.
- Соколова Е. Т., Буракова Н. С., Лзонтцу Ф.* К обоснованию клинко-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопр. психол. 2001. № 6. С. 3-16
- Харламенкова Н. Е.* Самоутверждение подростка. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Cash T.F.* Body image: past, present, and future // Body image. 2004. Vol. 1. N. 1. P. 1-5.
- Fredrickson B., Roberts E.* Objectification theory: Toward understanding women's lived experiences and mental health risks // Psychology of Women Quarterl. 1997. Vol. 21. P. 173-206.

ФЕНОМЕН АСИММЕТРИИ В СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКЕ СХОДСТВА ОБЪЕКТОВ ПРЕДМЕТНОГО И СОЦИАЛЬНОГО МИРА

Е. С. Самойленко*, К. А. Денисова**, В. М. Шнейдер**

* Институт психологии РАН (Москва)

** Гимназия №45 (Москва), Международный Бакалавриат

*«Нет ничего более существенного в мышлении и языке,
чем наше чувство сходства...»*

Quine, 1969, с. 116

Процедура установления сходства объектов или явлений окружающего мира является, наряду с установлением различия, основной составляющей процесса субъективного сравнения, реализуемого человеком в процессе познания окружающего мира, самого себя и других людей, а также в ситуациях решения разнообразных когнитивно-коммуникативных задач. Сравнение представляет собой одну из форм проявления единства анализа и синтеза на эмпирическом уровне познания и, соответственно, одно из основных познавательных средств, используемых человеком на начальных стадиях ознакомления с предметами и явлениями окружающего мира (Рубинштейн, 1957). Столь же важное значение имеет сравнение, обращенное к социальным субъектам и, соответственно, называемое социальным. Межличностное сравнение, подобно сравнению объектов и символов, является ключевым элементом человеческих действий и опыта. «Сравнение себя с другими людьми, будь то произвольное или непроизвольное, является всеобъемлющим социальным феноменом» (Suls et al., 2002, с. 159).

Соответственно, процесс выделения сходства, играющий фундаментальную роль в теориях познания и поведения и выполняющий роль организующего принципа, на основе которого люди классифицируют объекты, формируют понятия и делают обобщения, также может рассматриваться в двух планах: применительно к предметному и к социальному миру.

Первый план рассмотрения традиционно связан с разработкой когнитивных моделей процесса установления сходства, наиболее известными из которых являются так называемые геометрические модели, которые строятся в рамках многомерного шкалирования. В этих моделях объекты представляются точками в некотором координатном пространстве таким образом, что воспринимаемому различию между объектами соответствует метрическое расстояние между соответствующими точками (например, Shepard, 1974). Однако, существует и другая позиция, в соответствии с которой в качестве более универсальной считается репрезентация сложных объектов (например, человеческих лиц) через набор черт или признаков (Tversky, Gati, 1982). Тверской прибегает к признакам или чертам при описании любого качества, характеристики или аспекта объектов. Он полагает, что признаки, характеризующие объект, могут быть как конкретными и локальными (например, форма глаз), так и более целостными и абстрактными (например, привлекательность). Соответственно, один и тот же объект может быть охарактеризован через различные наборы признаков. Согласно Тверскому, имеющееся у человека общее представление об определенном объекте (например, стране) в целом очень богато по содержанию и включает в себя не только внешние признаки, но и его функции, отношения с другими объектами и т. д. При наличии задачи на субъективную оценку сходства человек выделяет из своего целостного представления о объекте некоторый ограниченный набор признаков, на основе которых он принимает решение.

Согласно предложенной А. Тверским (Tversky, 1977, Tversky, Gati, 1978, 1982) логической «модели контраста», сходство объектов понимается как наличие у них общих свойств или признаков. Сходство объекта «а» (имеющего набор черт «А») и объекта «б» (имеющего набор черт «Б») представляет собой функцию $U(a, b)$ от общих и различных черт «а» и «б», т. е. функцию от трех аргументов: $A+B$ (черты, имеющиеся как у «а», так и у «б»); $A-B$ (черты «а», отсутствующие у «б») и $B-A$ (черты «б», отсутствующие у «а»). Проверка данной логической модели осуществлялась в экспериментах, показывающих многомерную корреляцию между субъективной оценкой сходства объектов, с одной стороны, и количеством общих и различных признаков между ними, с другой (Tversky, 1977). В рамках данной модели проанализирована связь между субъективной оценкой сходства и различия и выделен так называемый феномен асимметрии сходства.

В отличие от представления ряда философов и психологов о сходстве как о главном примере симметричности, Тверской получил эмпирические доказательства наличия так называемой асимметрии сходства и сформулировал одну из первых когнитивных моделей сравнения по сходству (*model of similarity comparison*) (Tversky, 1977). Тверской рассматривал суждение о сходстве как имеющее форму «а похоже на б», где а – подлежащее (субъект); б – референт. Согласно Тверскому, суждение «а похоже на б» не эквивалентно суждению «б похоже на а».

Феномен асимметрии имеет два аспекта. С одной стороны, при формулировании вербального высказывания о сходстве двух объектов в качестве субъекта и референта выбираются определенные объекты (например, мы скорее говорим «сын похож на отца», а не «отец похож на сына»). С другой стороны, величина субъективно воспринимаемого сходства между двумя объектами зависит от того, какой из них будет занимать место субъекта (что сравнивается), а какой место референта (с чем сравнивается) в высказывании типа «а похоже на б».

Согласно Тверскому, субъективная оценка степени сходства осуществляется путем наложения признаков субъекта сравнения на признаки референта. В этом случае человек обращает основное внимание на признаки субъекта сравнения, а признаки референта рассматриваются в той степени, в которой они встречаются у субъекта сравнения. Из этого вытекает предположение о том, что если у субъекта сравнения больше специфических, отличительных признаков, чем у референта, то данный субъект и референт будут оцениваться как менее сходные, чем в том случае, когда у референта сравнения больше специфических признаков, чем у субъекта. Таким образом, основной акцент в данной модели делается на проведении структурного различия между субъектом и референтом сравнения. Уникальные признаки субъекта сравнения оказывают преобладающее влияние на исход сравнения.

Феномен асимметрии сходства был продемонстрирован в разнообразных когнитивных исследованиях. Кроме того, было показано, что он имеет место и в некоторых случаях социального сравнения.

В рамках цикла исследований, проведенных Тверским, данный феномен был продемонстрирован на материале сравнения стран, геометрических фигур и т. д., воспринимаемых парами. В наиболее часто цитируемом экспериментальном исследовании его участникам предлагались пары названий стран, одна из которых была

ведущей и более известной (например, СССР), а другая второстепенной (например, Польша) (Tversky, 1977). В этом исследовании предшествовавшее основному эксперименту выявление ведущей страны осуществлялось путем опроса испытуемых, которые должны были отметить ее в каждой из пар стран.

Феномен асимметрии проявился в исследовании в двух аспектах. Во-первых, при наличии инструкции выбрать, какое из двух высказываний более предпочтительно: «страна а похожа на страну б» или «страна б похожа на а», выявлены предпочтения в использовании таких фраз, в которых субъектом являлась менее известная страна, а референтом – более известная. Т. е. была продемонстрирована асимметрия в выборе вербальных суждений о сходстве. Во-вторых, продемонстрирована асимметрия в непосредственных субъективных оценках степени сходства стран. Показано, что при наличии инструкции оценить, насколько менее известная страна похожа на более известную, субъективно воспринимаемая степень сходства была выше, чем при инструкции оценить, насколько более известная страна похожа на менее известную. Т. е. степень воспринимаемого сходства оказалась меньше в том случае, когда ведущую страну сравнивали со второстепенной, чем наоборот.

Наличие феномена асимметрии сходства продемонстрировано также Э. Рош в рамках ее когнитивной теории прототипов. Она показала, что объекты, представляющие собой примеры той или иной категории, оцениваются как более сходные с прототипом этой категории, чем наоборот (Rosch, 1975).

Интересно отметить, что феномен асимметрии сходства проявился и в случае сравнения социальных объектов, в качестве которых выступали сам сравнивающий субъект и более или менее известные ему личности. Было высказано предположение о том, что человек, при субъективном оценивании степени сходства между собой и другими субъектами обычно использует собственное «Я» в качестве стабильной референтной точки отсчета для интерпретации социальной информации. При этом, согласно одним исследователям, при наличии в собственном «Я» большого количества разных признаков, в каждый конкретный момент в качестве наиболее характерных выступает только один или два. Осознание субъектом наиболее характерных признаков собственного «Я», определяется ситуативными особенностями, свидетельствующими о том, что он является относительно уникальным по некоторым параметрам (например, чернокожая женщина может осознавать себя прежде всего

как женщина в присутствии мужчин, но как чернокожая в присутствии белых женщин) (McGuire, Padawer-Singer, 1976). Согласно другим авторам, в концепции «Я» имеется постоянное центральное ядро, направляющее поведение и психические процессы субъекта. Более того, утверждается, что «Я» является стабильной «фиксированной референтной точкой отсчета», используемой для обработки новой информации. Аналогично идеям Рош, «Я» понимается как некоторый когнитивный прототип (Kuiper, 1981), что означает возможность обнаружения асимметрии сходства при субъективной оценке различия между самим собой и другими.

Проверка наличия феномена асимметрии сходства применительно к социальным объектам сделана в цикле исследований, использовавших методическую парадигму Тверского (Srull, Gaelick, 1983). В первых двух из этих исследований проверялась гипотеза о том, что собственное «Я» используется в качестве привычной референтной точки отсчета или прототипа, что влечет за собой асимметрию в суждениях о сходстве социальных объектов. В одном из экспериментов испытуемые должны были оценить, насколько они похожи на других людей, и насколько другие люди похожи на них; в другом эксперименте – насколько они похожи на конкретных личностей (более или менее известных политических фигур, а также своих маму и папу) и насколько конкретные личности похожи на них. В обоих экспериментах продемонстрирован феномен асимметрии сходства. Кроме того, было выявлено несколько моментов. Во-первых, величина субъективно оцениваемого сходства оказалась существенно большей при сравнении себя с родителями, чем при сравнении себя с известными личностями. Согласно интерпретации авторов исследования, для испытуемых оказалось намного легче идентифицировать в себе не присутствующие у других уникальные признаки, при сравнении себя с относительно незнакомыми людьми, чем при сравнении себя с родителями. Во-вторых, в обратной ситуации, величина субъективно оцениваемого сходства оказалась существенно большей при сравнении относительно незнакомых людей с собой, чем при сравнении родителей с собой. Это было проинтерпретировано таким образом, что при оценке сходства других людей с собой, оказалось легче идентифицировать уникальные признаки у родителей, чем у относительно незнакомых людей. Показано, что степень близости субъекта с теми индивидами, с которыми он оценивает собственное сходство, является важным фактором, влияющим на степень проявления асимметрии в субъективном

оценивании сходства. Интересными оказались результаты третьего эксперимента, в котором были продемонстрированы индивидуальные особенности в проявлении асимметрии сходства. В качестве личностной переменной выступала такая характеристика как личностное самосознание, отражающее то, насколько человек склонен осознавать собственные мысли, чувства, установки, мотивы и поведенческие тенденции. Было показано, что у субъектов, обладающих высоким уровнем самосознания асимметрия сходства проявилась значительно более явно по сравнению с теми, кто характеризовался низким уровнем самосознания (у этой категории людей данный феномен не проявился вообще).

Кроме того, при исследовании ряда социальных прототипных категорий с точки зрения использования их в качестве привычных референтных точек отсчета изучалось наличие асимметрии при сравнении субъектом себя с другим человеком по ряду отдельных заданных параметров: пять параметров представляли собой личностные черты (дружелюбность, стеснительность, трудолюбие, лидерские качества, темперамент), а пять – физические качества (рост, вес, цвет волос, физическая сила и ловкость) (Holyoak, Gordon, 1983). При сравнении человеком себя с другим по всем параметрам был продемонстрирован статистически подтвержденный феномен асимметрии сходства. Однако, иная картина была получена в том случае, когда предлагалось сравнить себя с некоторыми так называемыми стереотипными категориями людей: член кооператива, вегетарианец, слушатель подготовительных курсов при медицинском факультете, член студенческого общежития, студент факультета бизнеса, член женской общины, радикал, крестьянин. Применительно к разным стереотипным категориям были обнаружены разные тенденции, выражающиеся в разной направленности и выраженности феномена асимметрии сходства. В отношении одной группы социальных категорий статистически подтвердилась выделенная ранее тенденция: среднее значение величины сходства себя с членом кооператива, вегетарианцем, слушателем подготовительных курсов при медицинском факультете оказалось меньше, чем наоборот. В отношении остальных социальных категорий тенденция оказалась не значимой, а применительно к категории крестьянина даже наблюдалась не значимая обратная тенденция. Таким образом, было показано, что стереотипные социальные категории, хорошо известные сравниваемому субъекту, могут выступать при установлении сходства в качестве не менее главных референтных точек отсчета,

что и собственное «Я». При этом величина асимметрии уменьшается при увеличении степени знакомости для сравнивающего субъекта тех стереотипных категорий, сходство с которыми он оценивает (Holyoak, Gordon, 1983).

Таким образом, при сравнении как физических, так и социальных объектов, были обнаружены аналогичные тенденции, связанные с проявлением феномена асимметрии сходства, объясняемого в рамках предложенной Тверским модели наложения признаков. Применительно к социальным объектам особую значимость, с нашей точки зрения, имеют два фактора, влияющие на степень выраженности данного феномена: степень личной близости субъекта с теми индивидами, с которыми он оценивает собственное сходство, и индивидуальные особенности (уровень личностного самосознания) осуществляющих сравнение субъектов.

Необходимо подчеркнуть, что исходным толчком появления данного феномена явилось небольшое изменение в языковой формулировке, относящейся к сходству объектов, которое, в свою очередь, привело к смещению внимания от одного объекта к другому и последующему изменению величины воспринимаемого сходства между ними. При этом все соответствующие исследования асимметрии сходства проведены на англоязычных участниках. Возникает вопрос, будут ли проявляться данные закономерности при предъявлении аналогичных формулировок на других языках, в частности, на русском. Для ответа на этот и некоторые другие вопросы, связанные с проявлением асимметрии сходства применительно к материальным и социальным объектам, мы провели два исследования, одно из которых повторяло классический эксперимент Тверского, а другое являлось оригинальным и касалось таких социальных объектов, которые не изучались ранее в работах, посвященных асимметрии сходства.

ИССЛЕДОВАНИЕ 1

АСИММЕТРИЯ СХОДСТВА ПРИ СРАВНЕНИИ НАЗВАНИЙ СТРАН

В экспериментальном исследовании асимметрии сходства при сравнении предъявляемых парами названий стран был реализован дизайн, предложенный Тверским (Tversky, 1977). Участвовали 2 группы по 55 человек с примерно одинаковым соотношением юношей и девушек (средний возраст – 16 лет). Участникам предъявлялись 21 пара названий стран, в каждой из которых одна страна была более ведущей, чем другая. От участников требовалось оценить

по 20 балльной шкале степень сходства между странами. В первой группе необходимо было оценить, насколько менее ведущая страна похожа на более ведущую (q-p), во второй группе – насколько более ведущая похожа на менее ведущую (p-q).

Перед началом эксперимента, в соответствии с дизайном Тверского, проводились два пре-теста, цель которых состояла в том, чтобы подтвердить сконструированные нами пары названий стран, в каждой из которых одна была более ведущей, чем другая. В первом из пре-тестов участвовало 69 юношей и девушек (средний возраст – 16 лет), не принимавших участие в основном эксперименте. Им предлагалось отметить в каждой из 21 пар стран ту, которая, с их точки зрения, является более ведущей. Процент случаев совпадения отмеченной испытуемыми ведущей страны с предполагаемой нами оказался достаточно высоким и варьировал для каждой пары стран от 75% до 88%. Во втором пре-тесте 69 юношам и девушкам (средний возраст – 16 лет), также не принимавшим участие в основном эксперименте, предлагались выбрать для каждой из 21 пар стран то высказывание, которое им больше нравилось («страна p похожа на страну q» или «страна q похожа на страну p»). Процент случаев совпадения предпочитаемого испытуемыми высказывания с предполагаемым нами оказался достаточно высоким и варьировал для каждой пары стран от 75% до 90%. Таким образом, на материале русского языка мы получили экспериментально подтвержденное основание возможности использовать в основном эксперименте стимульные пары, в каждой из которых одна страна была более ведущей, чем другая.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате проведенного исследования оказалось возможным показать, что на русскоязычной выборке испытуемых в целом проявляется тот же феномен асимметрии в субъективной оценке сходства названий стран, что и на англоязычной выборке. Были отмечены значимые различия средних значений субъективного сходства по совокупности всех пар между ситуацией сравнения не главной страны с ведущей (q-p) и ведущей страны с не главной (p-q) (при $P \leq 0,001$, применялся критерий t). Однако, как показано на рисунке 1, степень выраженности феномена оказалась не одинаковой для разных пар стран. Значимые различия между ситуацией сравнения не главной страны с ведущей (q-p) и ведущей страны с не главной (p-q) были получены для следующих стимульных пар (при нормальном

распределении использовался критерий t , при ненормальном распределении – ранговый критерий Манна–Уитни): № 1 (при $P = 0,018$), № 2 (при $P = 0,010$), № 3 (при $P = 0,006$), № 4 (при $P = 0,039$), № 6 (при $P = 0,002$), № 14 (при $P = 0,035$), № 17 (при $P < 0,001$), № 18 (при $P = 0,029$), № 19 (при $P < 0,001$), № 20 (при $P < 0,001$). Таким образом, для половины пар стран феномен асимметрии сходства проявился только в виде тенденции. Отсутствие статистически подтвержденной выраженности данного феномена для некоторых стимульных пар нельзя объяснить исключительно тем, что в них были неточно исходно подобраны главная и второстепенная страны, так как в отношении них процент случаев совпадения отмеченной испытуемыми в пре-тесте ведущей страны с предполагаемой нами не оказался в целом более низким по сравнению с теми парами, для которых наблюдались значимые различия. Например, для некоторых незначимо различающихся пар был отмечен высокий процент совпадений (пары № 7 и № 10–84%; пара № 8–89%; пара № 11–86%; пара № 13–87%; пара № 16–88%). И наоборот, наименьший процент совпадений (75%) по первому пре-тесту был отмечен для значимо различающихся пар № 17 и № 19; по второму пре-тесту – (76% и 79%) – соответственно для значимо различающихся пар № 1 и № 17. В качестве возможного объяснения можно высказать предположение о том, что фактором, влияющим на уровень выраженности феномена асимметрии сходства, является использование при сравнении разных стран различных критериев, например, относящихся к целостным характеристикам или отдельным параметрам.

Исследование 2

АСИММЕТРИЯ СХОДСТВА ПРИ СРАВНЕНИИ СУБЪЕКТОМ СЕБЯ СО СВОИМИ ПАРТНЕРАМИ ПО ОБЩЕНИЮ

Цель исследования заключалась в проверке наличия асимметрии сходства применительно к социальным объектам. Нас интересовало, будет ли проявляться данная асимметрия в тех случаях, когда индивид оценивает субъективное сходство между самим собой и такими индивидами, с которыми он осуществляет повседневное коммуникативное взаимодействие в контексте определенной деятельности и, соответственно, которых он достаточно хорошо знает. В отличие от предыдущих исследований асимметрии сходства применительно к социальным субъектам (более и менее известным личностями, стереотипным категориям и т. д.), в нашем исследовании в качестве объектов сравнения были выбраны такие, которые осуществляют

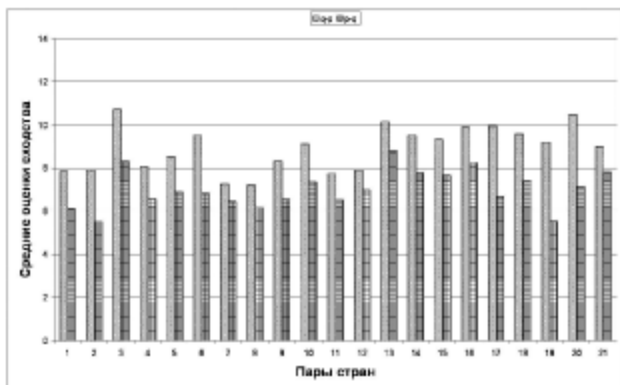

Рис. 1. Зависимость проявления тенденции асимметрии сходства от типа пар стран

интенсивное общение с осуществляющим сравнение субъектом в рамках учебной деятельности: его одноклассники и классный руководитель.

В исследовании приняли участие 97 человек (средний возраст – 16 лет), которые были разбиты на две группы (соответственно по 49 и 48 человек в каждой группе) с примерно одинаковым соотношением юношей и девушек. Каждому участнику предлагалось оценить, используя 20-бальную шкалу, степень сходства, которое он видит между собой и четырьмя разными индивидами: 1) его лучшим другом-одноклассником, 2) самым популярным в его классе учеником, 3) самым непопулярным в его классе учеником, 4) классным руководителем. Первой группе участников необходимо было оценить, насколько он сам похож на того или иного индивида (p-q), второй группе – насколько тот или иной индивид похож на него (q-p).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате проведенного исследования на русскоязычной выборке испытуемых в целом не проявилась тенденция асимметрии в субъективной оценке сходства, определяемого человеком между собой и индивидами, с которыми он осуществляет повседневное общение в контексте учебной деятельности. Не были отмечены

значимые различия средних значений субъективного сходства совокупно по четырем вопросам между ситуацией сравнения себя с другими людьми (p-q) и других людей с собой (q-p). Однако, как показано на рисунке 2, для отдельных вопросов проявились разные тенденции. Применительно к оценке сходства между собой и лучшим другом-одноклассником (вопрос 1), между собой и самым непопулярным в классе учеником (вопрос 3), между собой и классным руководителем (вопрос 4) не выявлены значимые различия между ситуацией определения сходства себя с другим человеком (p-q) и другого человека с собой (q-p). Применительно к оценке сходства между собой и самым популярным в классе учеником (вопрос 2) отмечена неожиданная тенденция. Она заключается в том, что среднее значение субъективного сходства себя с самым популярным в классе учеником оказалось значимо большим, по сравнению со средним значением субъективного сходства самого популярного в классе ученика с самим собой (при $P = 0,046$, применялся ранговый критерий Манна-Уитни). Данная тенденция является обратной по сравнению с той, которая отмечена другими авторами применительно к ситуациям оценки человеком сходства между собой и другими людьми. Наличие такой статистически подтвержденной тенденции можно объяснить тем, что самый популярный ученик выступает для одноклассников очень важной референтной точкой отсчета.

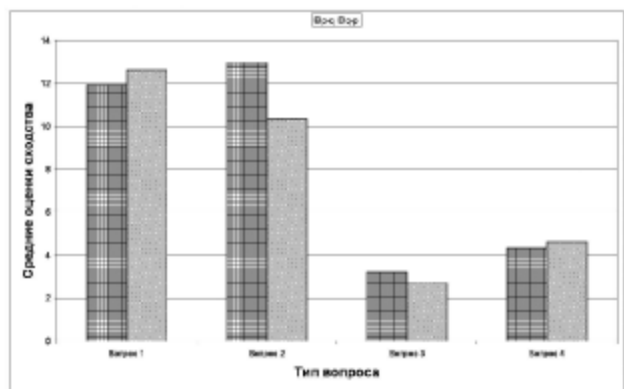

Рис. 2. Проявление разных тенденций в зависимости от типа вопроса

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

В результате проведения исследований оказалось возможным продемонстрировать ряд закономерностей, совпавших с теми, которые отмечены ранее другими авторами применительно к англоязычным испытуемым (Holyoak, Gordon, 1983; Srull, Gaelick, 1983; Tversky, 1977; Tversky, Gati, 1978, 1982). Показано, что небольшое изменение в формулировке на русском языке, относящейся к сходству объектов, также изменяет величину воспринимаемого сходства между ними, т. е. приводит к возникновению феномена асимметрии сходства. Однако, в наших исследованиях данный феномен не имел универсальный характер.

Во-первых, только для половины пар стран было статистически подтверждено наличие феномена асимметрии сходства, что можно объяснить разными используемыми параметрами сравнения.

Во-вторых, в наших исследованиях совершенно особым образом проявился феномен асимметрии сходства применительно к сравнению субъектами себя с категориями других людей. Напомним, что рядом авторов показано, что при сравнении субъектом себя как с другими людьми вообще, так и с конкретными политическими фигурами и родителями возникает феномен асимметрии сходства (Srull, Gaelick, 1983). Т. е. собственное «Я» индивида, являясь главной точкой отсчета при интерпретации социальной информации, создает асимметрию при порождении индивидом суждений относительно величины сходства между ним и другими людьми. Однако, показано также, что собственное «Я» не всегда является уникальной социальной точкой отсчета, и что величина асимметрии уменьшается при увеличении степени знакомости для сравнивающего субъекта тех стереотипных категорий, сходство с которыми он оценивает (Holyoak, Gordon, 1983). Результаты нашего исследования развивают данную точку зрения, демонстрируя особую роль индивидов, обладающих высоким социометрическим статусом, как важнейших референтных точек отсчета для их партнеров по общению.

ЛИТЕРАТУРА

- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР. 1957.
Kuiper N. A., Rogers T. B. Encoding of personal information: self-other differences // Journal of personality and social psychology. 1979. 37 (4). 499–514.

- McGuire W. J., Padawer-Singer A. Trait salience in the spontaneous self-concept // *Journal of personality and social psychology*. 1976. 33 (6). 743-754.
- Quine W. V. *Natural kinds. Ontological reality and other essays*. N. Y., Columbia University press, 1969.
- Rosch E. Cognitive reference points // *Cognitive Psychology*. 1975. 7 (4). 532-547.
- Shepard R. N. Representation of structure in similarity data: problems and prospects // *Psychometrika*. 1974. 39. 373-421.
- Strull T. K., Gaelick L. General principles and individual differences in the self as a habitual reference point: an examination of self-other judgments of similarity // *Social cognition*. 1983. 2 (2). 108-121.
- Suls J., Martin R., Wheeler L. Social comparison: why, with whom, and with what effect? // *Current Directions in Psychological Science*. 2002. 11. 159-163.
- Tversky A. Features of Similarity // *Psychological Review*. 1977. 84 (4). 327-52.
- Tversky A., Gati I. Similarity, separability, and the triangle inequality // *Psychological Review*. 1982. 89 (2). 123-54.
- Tversky A., Gati L. *Studies of similarity. Cognition and categorization*. New York, Hillsdale, 1978. 79-98.

КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА В ДИСКУРСИВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ ДИАЛОГОВ

А. И. Виноградская

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Исследованы некоторые факторы коммуникативно-когнитивной прагматики в дискурсивных диалогах системы массовой информации (СМИ): прагматическая успешность, кооперативность-конфликтность, понимание, интонационное ударение в сообщениях. Показано, что дискурсивные взаимодействия в диалогах специфически конкретизируют и дополняют некоторые известные аналогичные положения коммуникативной прагматики и диагностируются экспертом. Полученные результаты позволяют сформулировать принципы эффективного взаимодействия партнеров для достижения высокой успешности общения в диалогах.

В коммуникативно-когнитивной лингвистике и теории общения (Величковский, 2006; Павлова, 2005) речевые действия дискурса диалога рассматриваются в неразрывном единстве с субъектами общения, действующими в микросоциальной реальности общения, с позиции лично-ролевого статуса, мыслящими и познающими себя и партнера в диалоге. Субъект общения осуществляет с партнером целенаправленные дискурсивные взаимодействия: влияет на собеседника, убеждает его, при необходимости управляет и манипулирует им в диалоге.

Дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее, кроме стереотипизированных сообщений и текстов, экстралингвистические факторы: знания о мире, опыт общения, мировоззрение, личностную пристрастность, социальные интерпретации, установки, цели и намерения (Павлова, 2005; Асмолов, 2002).

Анализом речевых действий в социальном общении, а также более специальных проблем интерпретации речевых сообщений в конкретных коммуникативных эпизодах занимается коммуникативная

прагматика. Результаты анализа имеют метакоммуникативный и метакогнитивный характер.

К метапроцедурам вербализации и коммуникации относят: описание, интерпретации, маркирование, метафоризацию, воспроизведение, следование принципу кооперативности и понимания и др. Принцип кооперативности и понимания описывается положениями: информативности, релевантности, истинности и ясности, и соотносится с ментальной сферой и полем стереотипов дискурса (Величковский, 2006).

Универсальный закон понимания, интерпретации и воспроизведения состоит в развертывании фраз по интуитивному и понятийному принципу с выделением особого интонационного ударения (акцента), ритм и эмоциональное наполнение которого являются существенными для успешных взаимодействий (Величковский, 2006), (Знаков, 2005). Например, ситуационно-когнитивные категории: «тема», «смысловые переходы в теме», «выделение нового», «комментарии», «возражения» и др., определяют особенности построения фраз и специфику интонаций – ритма, тембра, эмоций. Особо выделяются специфика деятельности и групповые отношения в речи (Журавлев, 2005).

Отметим, что в коммуникациях интенциональные действия лежат в основе речевой активности, что позволяет фокусировать отдельные цели (подцели) речевых действий и произвольно переходить от одной цели к другой, сохраняя общую интенцию и обобщенный смысл общения.

Кроме этого, интенциональная структура коммуникаций определяет сбалансированное речевое поведение субъектов и является инструментом стабильности и контроля. Такие характеристики коммуникации как гибкость в изменении интенций, использование сложных и разнообразных понятий, когнитивный стиль (Холодная, 2002) и стиль речи и др., определяют уровень развитости поля стереотипов и коммуникативно-когнитивной компетенции.

Общая классификация речевых действий (актов) разработана в трудах Дж. Остина (1986), как описание локутивных, иллокутивных и перлокутивных речевых актов. Локутивные акты – это сами действия говорящего, иллокутивные акты – речевые действия, с помощью которых субъекты общения пытаются добиться коммуникативных целей посредством сообщений: вопросов, утверждений, объявлений, требований, а перлокутивные акты – это предвосхищенные ответные речевые действия. Наиболее разработанными являются представления об иллокутивных речевых актах с точки зрения успешности.

Как правило, анализ успешности иллокутивных актов в конкретных коммуникациях дается в виде таблицы, в которой тип действий общения описывается исходящей оценкой и смыслом и оценкой смысла ответа, указывается достижение/недостижение успешности. Обсуждается как истинность/ложность суждений – пропозиций, так и их практическая, прагматическая успешность, как, например, с позиции обыденного смысла.

В диалогах СМИ на первый план анализа успешности речевых действий выступает их прагматическая успешность, как в отдельных действиях, так и всего диалога в целом (Ломов, 1981). Особенность диалогов СМИ заключается в том, что в них выделяется ведущий, который формирует (конструирует) необходимую успешность общения по субъективным критериям. Данные оценки ведущий включает в речь различными признаками, в том числе и явно, и посредством интонационного ударения. Успешность всего диалога понимается как воздействие на сознание и подсознание телезрителей, радиослушателей, читателей и как влияние на социальные представления и позиции, на социальное поведение отдельных личностей или групп аудитории СМИ. Именно эффективное обобщающее воздействие становится прагматической успешностью диалогов.

Анализ диалогов СМИ

В нашем исследовании анализируется дискурсивное общение в диалогах систем массовой информации. Ведущий формирует сообщения по внутреннему сценарию (планирование и программирование диалога), реализуемого в виде стратегий и тактик общения, и осуществляет обсуждение актуальной темы таким образом, чтобы фасилитирующее воздействие формировало психологические установки на позитивное социальное поведение, снижало информационную неопределенность в обществе. Успешность оценивается ведущим по субъективным критериям, на основе опыта, в которые включены неожиданность, парадоксальность, интересность информации с учетом интересов этнокультурного уровня и менталитета аудитории СМИ. Подчеркнем, что для диалогов высокой социальной значимости на первый план выходят особые условия: снятие информационной неопределенности и снятие социального напряжения в обществе, т. е. доминируют конкретные, обоснованные, правдивые ответы ответственного респондента.

Для обеспечения высокой успешности общения ведущий задает провокационные вопросы и прессинг-вопросы, и тем самым выводит

диалог из линейно-логического русла, основанного на использовании автоматических (известных и тиражированных) стереотипов. Такие вопросы создают в диалогах напряженное общение: фрустрационное напряжение и фрустрации у респондентов, снижают их самоконтроль и способствуют выходу в речь неконтролируемых негативных социальных интерпретаций, правдивых оценок. В таком общении возникает внутренний дисбаланс потребностей, когда желание поддержания позитивного образа роли входит в противоречие с необходимостью дать для аудитории СМИ правдивую информацию.

Для анализа речевых действий необходимо принять во внимание не только общие типичные схемы организации опыта партнеров, их образа мира, социально и этнокультурно обусловленных, но и возможные типичные внутренние диссонансы: потребностей, отношений, установок и др.

Признаки ситуаций, которые вовлекают метакогнитивные координаты, можно разделить:

- с одной стороны – на ожидаемые, обиденные, типичные;
- с другой стороны – на неожиданные, важные, но абсурдные, выражающие существо процесса обсуждения, но парадоксальные, спонтанные.

Данные различия становятся центральным для анализа лингвистических когнитивных универсалий.

В метапроцедурах вербализации и коммуникации интонационные признаки являются более инвариантными, чем акустические признаки морфем, особенно при учете ритма и тембра. Такие признаки усиливают выразительность и понимаемость речи, играют существенную роль в оценках сообщений, например, в соответствии с фактором «позитивно – негативно», влияют на психическое состояние партнера, а также на маркирование смысловых переходов.

Интенциональность речевых действий лежит в основе речевой активности организации диалога, так как составляет важнейшее условие контроля и процессов смыслообразования. При линейно-логическом протекании коммуникаций происходит большей частью автоматическая стереотипизация сообщений при достаточном опыте общения, тем самым отсутствует необходимость в принятии решений.

Ведущий, используя провокационные вопросы и прессинг-вопросы, актуализирует преградные смыслы различной степени сложности для респондента и создает ситуации с личностно-ролевым риском принятия решений (Корнилова, 2003).

Для коммуникативно-когнитивной прагматики важным является то, что всякое коммуникативное действие в рамках организованного или спонтанного дискурса представляет собой реализацию тех или иных коммуникативно-когнитивных структур.

Преградные смыслы могут быть причиной внутренних диссонансов респондентов, фрустраций, нарушают контрольные механизмы, что приводит к выходу в речь внутренних активностей (Ушакова, 2000), негативных социальных интерпретаций (Барабанчиков, Носуленко, 2004), возникновению негативных психических состояний (Березин, 1988). В этом случае респонденты могут активизировать тактику «диффузии ответственности» (Бандура, 2000) и избегания значимых ответов по существу вопросов.

Гипотеза исследования. Специфическое содержание дискурсивных взаимодействий в процессе формирования успешности диалогов конкретизирует и дополняет некоторые известные положения коммуникативно-когнитивной прагматики и может быть выявлено посредством экспертного анализа и оценивания.

В исследовании диалогов выделяем:

- принцип кооперативности/конфликтности и понимания;
- успешность речевых актов;
- понятие интонационного ударения;
- зоны совместного внимания, как совместные интенции в диалоге.

Метод исследования. Использован разработанный автором метод экспертного анализа и оценивания текстов и фонограмм диалогов на основе системы психометрических шкал, а также сформированных по ним критериям анализа. Использовались общие шкалы: «успешность–неэффективность», «кооперативность–конфликтность». Для взаимодействий использовалась шкала «принятие–отклонение» эмоционально-смыслового содержания сообщений. Эмоции оценивались по шкале «позитивность–негативность» в сопряжении со шкалой «активность–пассивность» – для взаимодействий.

Исследовательская база. В работе использованы по 10 записей диалогов: ТВ-программы «Момент истины» и «К барьеру!», радиостанций «Голос России» и «Эхо Москвы», журналов «Итоги» и «Интервью», газет «Известия» и «Московский комсомолец».

Результаты исследования. Сформулированная гипотеза подтвердилась.

- 1 В ситуациях личностно-ролевого риска выявлялись логические и смысловые сбои, негативное психическое состояние, тактики «диффузии ответственности» и отказы от ответов. По анализу вопросов и ответов интерпретировались внутренние диссонансы: диссонанс потребностей, когда потребность поддержания позитивного образа роли входила в противоречие с необходимостью дать приемлемый ответ, интересный для аудитории СМИ, диссонанс отношений, когда определенные отношения внутреннего мира респондента входили в противоречия с соответствующей информацией вопросов.
- 2 Известный анализ условий успешности иллокутивных речевых актов мы считаем для нашего анализа диалогов недостаточным. Поэтому был введен фактор-шкала «принятие – отклонение» смыслового и эмоционального содержания сообщений партнерами. Доминировали оценки ведущего, который оценивал ситуативный и общий уровень успешности и соответственно степень отклонения или принятия ответа. В соответствии с оценкой ведущий актуализировал паттерны специфических речевых действий, например: уточняющие, возражающие, дополняющие, а также координирующие и управляющие. К оценкам смысла ответа добавлялись оценки эмоционального состояния респондента по шкале «позитивность – негативность», что позволяет оценивать эмоциональное состояние респондента.
- 3 Принцип кооперативности/конфликтности и понимания в отношении использования метапроцедур, описанных как про-вокационные вопросы и прессинг-вопросы, наряду с явными интерпретациями и продуктивными взаимодействиями, определяет признаки ситуаций диалогов, выражающих скрываемую сущность обсуждаемых проблем, правдивую роль личности, истинные отношения в социальных группах, партиях, корпорациях. Данные различия являются главными для анализа коммуникативно-когнитивных универсалий: кооперативности, конфликтности и понимаемости. Указанные метапроцедуры формируют преградные смыслы, которые часто порождают ситуации с личностно-ролевым риском принятия решений, как для ведущего, так и для респондента. Возникающие в этих ситуациях конфликты, как правило, имеют период предконфликтных ситуаций (Климов, 2001; Виноградская, 2007).

Процесс понимания в диалогах имеет два этапа: смыслоосознания и смыслообразования в речи, которые существенно

могут разделяться требованиями ограничений и дозирования информации, личностно-ролевым риском и профессиональным статусом, нравственными нормами и ограниченным временем диалога. Субъекты могут ясно понимать сообщения диалога, но, исходя из индивидуальных или ролевых целей, переводить диалог на удаленные смыслы, использовать отвлекающие тактики. Указанный эффект был выявлен экспертом при анализе эмоционально-смысловых интенций, а также из особенностей построения фраз в диалогах.

- 4 В нашем исследовании наряду с единичными событиями, выделенными интонационными ударениями, что соответствует известным положениям коммуникативной прагматики, были выявлены последовательности вопросов с разными смыслами, но с одинаковыми интонациями, ритмом и тембром, и связанные общим смыслом. Например, прессинг-вопросы, когда ведущий для получения от респондента ответа на выделенный обобщенный смысл использует вопросы с различными смыслами. В этом случае смыслы вопросов определяют разные аргументы и возражения, доводы с одинаковой интонацией.
- 5 В зонах совместного внимания достижение адекватного взаимопонимания строится на основе согласованного понимания референтов. Для диалогов существенным является противодействие позиций партнеров, конкурирующие тактики, которые, как правило, включаются в обсуждение основной темы. В этих случаях мы выявляли специфические лингвистические средства управления конвенциональным воображением: манипуляция в речи существенным и второстепенным (отношениями фигуры и фона), изменение охвата фокусирования вниманием.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания. М.: Смысл, 2002.
- Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН. 2004.
- Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.
- Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. М.: Смысл, 2006.
- Виноградская А. И. Конфликтующие реальности общения как фактор достижения успешности в радиодиалогах // Международная

конференция, посвященная 70-летию Л. А. Петровской. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007.

Журавлев А. Л. Психология группового субъекта // Психология совместной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.

Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.

Климов Е. А. Конфликтующие реальности в работе с людьми. М., Воронеж, 2001.

Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект-Пресс, 2003.

Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981.

Остин Дж. Л. Слово как действие. М., 1986;

Павлова Н. Д. Подходы к анализу интерактивного аспекта дискурса // Проблемы психологии дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. М.: Изд-во ИП РАН. 2005.

Ушакова Т. Н. О психологической природе речи // *Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д.* Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. М.: Алтейя, 2000.

Холодная М. А. Когнитивные стили в структуре индивидуальности // Когнитивные стили. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Раздел III
ПРАКТИЧЕСКИЕ ВНЕДРЕНИЯ

КОГНИТИВНЫЕ И АФФЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА ВОЗРАСТНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ

Н. Л. Белопольская

Московский психолого-педагогический университет (Москва)

Одним из компонентов личности является осознание Я-идентичности, т. е. ощущение своей целостности и непрерывности во времени. Идентичность характеризует именно то, что остается постоянным, несмотря на развитие каждого человека и всевозможные изменения, происходящие с ним на протяжении всей его жизни (Бернс, 1986; Кон, 1978; Чеснокова, 1977).

Идентичность – актуальное состояние, текущее переживание Я-целостности на срезе жизненного пути, тогда как идентификация – процесс формирования идентичности (Кон, 1978; Ремшмидт, 1994).

Первая из трех форм идентичности, выделенная Э. Эриксоном, обозначена как «внешне обусловленная» (1968). Она создается под влиянием условий, которые человек не выбирает. Это принадлежность к определенному полу, к возрастной группе, расе, национальности, месту проживания и социально-экономическому слою (Erikson, 1959; Erikson, 1968).

Общепризнанно, что основу детской идентичности составляют ее внешне обусловленные компоненты, прежде всего, это пол и возраст ребенка. Общаясь с детьми, взрослые постоянно используют возрастную меру для характеристики личности ребенка. Достаточно рано и сами дети начинают себя сравнивать по возрасту с другими детьми и взрослыми.

Давая себе характеристику, описывая событие из своей жизни, и ребенок, и подросток, и взрослый, как правило, начинают с фиксации своего паспортного возраста.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Нарушения половозрастной идентификации у подростков и взрослых, переживающих жизненный кризис»), проект № 08-6-0278а.

Общаясь между собой, взрослые люди также всегда имеют в виду возрастную характеристику друг друга. Оценка своего возраста и возраста окружающих людей определяет и принятие определенной половозрастной роли человека (Rubin, Berntsen, 2006).

Уже в дошкольном возрасте у детей складываются определенные представления о смене физического облика человека в связи с изменением его возраста. Это знание основывается на присвоении общественного опыта и развитии самосознания. Можно утверждать, что как и любой познавательный процесс, половозрастная идентификация опирается на способности индивида к абстрактному мышлению, необходимому для различения внешности и поведения другого человека, концептуального описания других людей и самоописания, основанных на устойчивых представлениях.

Идентификация – представляет собой целостную структуру, содержащую как интеллектуальные, так и эмоциональные компоненты и соответствует тем требованиям, которые были сформулированы Л. С. Выготским по отношению к единицам анализа психики (Выготский, 1982).

Таким образом, решение задач на возрастную идентификацию также может определяться в разной степени выраженными когнитивными и аффективными детерминантами.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ НА ВОЗРАСТНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ С НОРМАТИВНЫМ РАЗВИТИЕМ

Проведенные нами ранее экспериментально – психологические исследования формирования половозрастной идентификации у детей в норме и патологии (Белопольская, 1996, 2002, 2009) позволили выявить возрастные закономерности решения детьми задач по самоидентификации (Белопольская, 2009; Белопольская и др., 2007).

В качестве методики исследования использовались два набора карточек, на которых персонаж мужского или женского пола изображен в разные периоды жизни от младенчества до старости. Каждый такой набор (мужской и женский варианты) состоял из 6 карточек (Белопольская, 2009).

В процессе выполнения методики дети решали три основные задачи: 1 – самоидентификация с конкретным образом последовательностей; 2- построение идентификационной последовательности своих прошлых и будущих образов; 3 – определение предпочтительных и негативных идентификационных возрастных образов.

Результаты этих исследований показали, что к восьми годам 100% детей с нормативным уровнем психического развития способны адекватно определить свой половозрастной образ и построить половозрастную последовательность образов от младенчества до старости (включительно).

Исследования, проведенные нами на 500 детях с нормальным психическим развитием и 200 подростках, позволили выявить типичные результаты выполнения задач на идентификацию, а именно:

- 1) нахождение адекватного половозрастного образа;
- 2) построение полной и правильной идентификационной последовательности;
- 3) выбор в качестве предпочтительного образа на границах возрастных периодов образ будущего (прогрессивная идентификация);
- 4) выделение в качестве негативных образов образы старости и младенчества.

Таким образом, все три задачи по половозрастной идентификации оказались абсолютно доступны детям уже к восьми годам. Эти задачи решались ими очень быстро и вполне рационально, т. е. дети не допускали никаких негативных эмоциональных высказываний и не исключали из последовательности картинки с образом старости, как это делали дети моложе восьми лет (Белопольская, 2009).

Дети старше восьми лет и подростки с нормативным развитием также подходили к решению задач на идентификацию рационально, при этом, чем старше был возраст испытуемых, тем поставленные задачи представлялись им все более легкими, о чем свидетельствовали комментарии детей и подростков.

Следовательно, для детей от восьми лет с нормативным развитием наша задача по половозрастной идентификации решалась на когнитивном уровне.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ НА ВОЗРАСТНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ

Дети от шести лет и подростки до шестнадцати лет, имеющие нарушения интеллектуального и личностного развития, показали разнообразные способы решения задач на идентификацию. Для детей и подростков с интеллектуальной недостаточностью задачи на возрастную идентификацию вызывали, прежде всего, интеллектуальные затруднения. Так, умственно отсталые дети не могли справиться с задачей на самоидентификацию в силу конкретности

своего мышления. На инструкцию психолога: «Покажи, какой ты сейчас», дети с недоумением отвечали: «А меня здесь нет!» (Белопольская, 2009).

Исследование, проведенное на детях с интеллектуальной недостаточностью, показало, что для них задачи по самоидентификации и построению идентификационной последовательности представляют значительные трудности. Для умственно отсталых детей восьми лет и старше задачи на идентификацию были не всегда понятны, а определение самого неприятного образа оказалось практически недоступно. Проблемы с решением идентификационных задач мы наблюдали и у детей с задержкой психического развития.

Совершенно очевидно, что формирование идентификационных процессов связано с уровнем интеллектуального развития ребенка.

Умственно отсталые подростки меняли местами отдельные возрастные образы, составляя идентификационную последовательность. При грубых нарушениях интеллекта дети и подростки путали не только возрастные, но и половозрастные образы.

Таким образом, мы еще раз подтвердили, что задачи на возрастную идентификацию имеют интеллектуальную составляющую, и требуют определенных умственных усилий.

Дети и подростки, имеющие нарушения в эмоционально-личностной сфере, при решении задач на возрастную идентификацию также обнаружили множество своеобразных решений. Имея нормальное интеллектуальное развитие, они подходили к решению задачи аффективно. Часто их не устраивал актуальный возраст, а при грубой психической патологии и пол. В качестве предпочтительных образов дети и подростки выбирали регрессивные образы (Белопольская и др., 2007).

Все это свидетельствует о том, что задачи на идентификацию имеют эмоциональную составляющую, которая привносит в процесс ее решения более или менее выраженные аффективные реакции.

Исследования половозрастной идентификации у детей и подростков с различными нарушениями психического развития позволили выявить характерные для них тенденции при выполнении задания, а именно:

- 1) неадекватное определение своей возрастной или половозрастной роли;
- 2) неправильное построение полной идентификационной последовательности;

- 3) наличие регрессивных идентификаций;
- 4) негативное эмоциональное отношение к своим актуальным образам.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ И ВОЗРАСТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Несомненно, что психологическое время личности, которое складывается из настоящего, прошлого и будущего, непосредственно связано с восприятием личностью своего возраста и, соответственно, с особенностями возрастной идентификации индивида. В современном обществе под влиянием различных социальных тенденций, переживаний, критических периодов происходят определенные изменения в субъективной оценке и восприятии своего возраста и связанных с ними социальных ролей (Головаха, Кроник, 2008; Rubin, Berntsen, 2006).

Возрастная идентификация отражает жизненные события, переживаемые личностью, и определенным образом сочетается с процессами взросления, становления и старения.

Возникает вопрос, какого типа задачей для взрослого человека является задача по идентификации своего возраста? Является ли эта задача чисто когнитивной или она содержит в себе эмоциональный компонент? И как эмоциональное отношение к возрастной самоидентификации может повлиять на построение идентификационной последовательности жизненного пути человека?

Для ответов на эти вопросы нами было проведено экспериментально-психологическое исследование.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА ВОЗРАСТНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ У ВЗРОСЛЫХ

Мы исследовали отношение к заданию по построению идентификационной последовательности и самоидентификации у взрослых людей, как относительно благополучных и стабильных в личностном плане, так и имеющих значительные личностные проблемы.

Были отобраны три группы испытуемых.

Первая группа состояла из студентов Медицинского университета 40 человек (20 юношей и 20 девушек) в возрасте от 18 до 25 лет, а также сотрудников Научно-исследовательского института – 20 человек (10 мужчин и 10 женщин) в возрасте от 25 до 40 лет. Всего 60 человек. Члены контрольной группы, с их слов, никогда не обращались за помощью к психологам и психиатрам. На момент

нашего исследования они не предъявляли жалоб на жизненные трудности.

Вторая и третья группы испытуемых находились в период исследования в сложных жизненных обстоятельствах, переживали жизненный кризис. Под жизненным кризисом мы понимаем объективно сложные внешние обстоятельства жизни человека, повлекшие за собой глубокие эмоциональные переживания.

Во вторую группу, вошло 40 (20 мужчин и 20 женщин) человек из числа обратившихся за помощью к профессиональным психологам. Возраст людей находился в диапазоне от 18 до 40 лет. Люди обратились к психологу по вопросам, связанным с тяжелыми эмоциональными переживаниями, серьезными конфликтами на работе или в семье. Эту группу мы условно назвали «группой лиц с личностными проблемами».

Третью группу мы обозначили как «клиническую». В нее вошли люди, совершившие суицидальные попытки и находившиеся в институте скорой помощи им. Склифосовского перед выпиской домой. В эту группу вошло также 40 человек (20 мужчин и 20 женщин) от 18 до 40 лет.

Методика исследования

Методика «Половозрастная идентификация для взрослых» в отличие от детского варианта методики представляет собой комплект картинок из 16 карточек. Комплект содержит два набора карточек (мужской и женский варианты), на которых персонаж мужского или женского пола изображен в разные периоды жизни от внутриутробного плода до смерти.

Каждый набор (мужской и женский варианты) состоит из 8 карточек. Облик изображенных на них персонажей демонстрирует типичные черты, соответствующие определенной фазе жизни и половозрастной роли, как и в детском варианте методики. Карточки с изображением внутриутробного плода (№ 1) и карточки с изображением гроба, символизирующего смерть (№ 8) не имеют пола.

Таким образом, набор картинок идентификационной последовательности для взрослых по отношению к детскому варианту методики дополнен двумя дополнительными карточками. В новом варианте он представляет собой последовательность: № 1 – внутриутробный плод; № 2 – младенец (мальчик или девочка), № 3 – дошкольник или дошкольница, № 4 – школьник или школьница, № 5 – юноша

или девушка, № 6 – мужчина или женщина, № 7 – старик или старуха и № 8 – гроб, символизирующий смерть человека.

Исследование проводилось в три этапа.

Задачей первого этапа являлась оценка характера самоидентификации. Прежде всего, предлагалось идентифицировать свой настоящий половозрастной статус на представленном изобразительном материале.

На втором этапе исследовалась возможность взрослого человека построить идентификационную последовательность своего жизненного пути. Имелось в виду, что будут использованы 8 картинок последовательности, соответственно полу обследуемого.

Задачей этого этапа являлось определение отношения человека (когнитивного или аффективного) к построению полной половозрастной последовательности своего жизненного пути.

Испытуемому предлагалось сначала выбрать из картинок последовательности образ, соответствующий его предыдущему половозрастному статусу, а затем образ, соответствующий его последующему половозрастному статусу.

Далее испытуемому предлагалось построить полную последовательность, соответствующую его представлениям о своих половозрастных ролях на протяжении всего жизненного пути человека.

На третьем этапе исследования проводилось сравнение представлений человека о Я-настоящем, Я-привлекательном и Я-непривлекательном.

В этом случае испытуемому предлагалось показать на выложенной им на столе идентификационной последовательности или при желании на карточках набора другого пола картинку с наиболее привлекательным для него половозрастным образом. Затем предлагалось выбрать вторую привлекательную картинку.

Последним заданием являлся выбор карточки с изображением самого непривлекательного образа и второго непривлекательного образа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование процесса решения задач на возрастную идентификацию взрослыми людьми (контрольная группа) обнаружила следующие закономерности. Если методика никоим образом не задевала личность испытуемого, то задачи по самоидентификации и построению последовательности образов воспринимались на когнитивном

уровне и оценивались взрослыми людьми как сверхлегкие. Испытуемые контрольной группы не обнаруживали особых эмоциональных реакций при выполнении задания, а их комментарии относились в основном к картинке с изображением гроба («все там будем», «а куда да деваться» и т.д.)

Многие испытуемые выражали недоумение по поводу цели проведения исследования, отмечая чрезмерную простоту задания.

90% испытуемых правильно идентифицировали себя с полом и возрастом и правильно построили половозрастные последовательности, как для своего пола, так и для противоположного, используя все 8 картинок.

93,3% испытуемых в качестве предпочтительных образов выбрали либо образ своего настоящего, либо образ будущего, т. е. карточки с изображением «юности» и «зрелости» (№ 5 и № 6).

В качестве негативных образов выбирались образы смерти, старости и внутриутробного плода, реже младенца. Эти результаты полностью согласуются с результатами, которые были получены нами при апробации методики «Половозрастная идентификация» для детей из 6 картинок.

Шесть человек из контрольной группы (2 студента и 4 взрослых) обнаружили нарушения в половозрастной идентификации при определении предпочтительных и негативных образов, а двое – и в самоидентификации. С этими испытуемыми мы провели дополнительную беседу и получили информацию, объясняющую такие нарушения.

Оказалось, что все эти испытуемые в разные периоды пережили жизненные кризисы.

Так молодой человек (21 год) идентифицировал себя с образом взрослого мужчины. В качестве предпочтительного образа он также выбрал образ мужчины. А в качестве самых негативных образов выбрал образы школьника и юноши. Такие идентификации можно объяснить содержанием пережитого молодым человеком жизненного кризиса. Когда юноше было 17 лет, и он заканчивал школу, трагически погиб его отец. Мать заболела от горя, и на руках юноши оказались пятилетние сестры-близнецы.

Строго говоря, такие возрастные идентификации нельзя назвать нарушенными, потому что они адекватны пережитым людьми обстоятельствам. Однако следует отметить, что все шесть испытуемых, показавших нарушения идентификации, обнаружили аффективное отношение к заданию.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВОЗРАСТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У ЛИЦ, ОБРАТИВШИХСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ В ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ КОНСУЛЬТАЦИЮ

В отличие от шести испытуемых контрольной группы, переживших жизненный кризис задолго до времени проведения нашего эксперимента, люди, обратившиеся за психологической помощью, часто находятся как раз в стадии переживания жизненного кризиса в настоящем.

32 человека из 40 испытуемых (80%), отобранных нами для эксперимента и переживающие на момент исследования жизненный кризис, показали аффективное отношение к заданию и разнообразные нарушения в возрастной идентификации.

Так, две женщины (35 и 40 лет), обратившиеся за консультацией по проблемам семейного конфликта, показали аффективное отношение к задаче, идентифицировали себя с образом юной девушки, одновременно определив этот возрастной образ как негативный. При построении идентификационной последовательности они разместили карточку № 1 (внутриутробный плод) после карточки № 5 (девушка), указав «внутриутробный плод» также как негативный образ. Предпочтительным образом обе женщины выбрали образ школьницы.

За этими выборами легко угадывается истинная картина семейного конфликта и переживаний женщин, связанных с проблемой рождения ребенка.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ СУИЦИДАЛЬНЫЕ ПОПЫТКИ

Было исследовано отношение к задачам по возрастной идентификации у взрослых людей (от 18 до 35 лет), совершивших суицидальные попытки.

Результаты выявили глубокие эмоциональные переживания испытуемых из «клинической» группы, сопровождавшие решение задач и обусловившие характер процесса возрастной идентификации. Задачи по возрастной идентификации воспринимались ими как достаточно сложные, и вызывали много эмоций, которые выражались как мимически, так и через жесты и словесно.

Все сорок человек при решении задач на половозрастную идентификацию обнаружили те или иные ошибки.

40% больных допускали грубые нарушения в самоидентификации, идентифицируя себя то с внутриутробным младенцем,

то с гробом, то со стариком. 55% больных выявили нарушения в самоидентификации, построении половозрастной последовательности и выборе предпочтительных и негативных образов. 5% обнаружили нарушения только в выборе предпочтительных и негативных образов.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- 1 Задачи по возрастной самоидентификации и построению половозрастной последовательности воспринимаются успешными взрослыми людьми как когнитивные задачи и оцениваются как сверхлегкие.
- 2 Задачи по возрастной идентификации воспринимаются взрослыми аффективно в тех случаях, когда человек либо пережил в прошлом, либо переживает в настоящем жизненный кризис.
- 3 Люди, пережившие или переживающие жизненный кризис, аффективно относятся к процессу самоидентификации, а также к выбору предпочтительных и негативных возрастных образов.
- 4 У людей, переживающих или переживших жизненный кризис, наблюдается неадекватная возрастная самоидентификация и негативное отношение к актуальным образам.
- 5 Люди, совершившие суицидальные попытки, аффективно относятся к задаче по самоидентификации, построению последовательности возрастных образов жизненного пути и определению предпочтительных образов.
- 6 У людей, совершивших суицидальные попытки, наблюдаются грубые нарушения самоидентификации, неправильное построение идентификационной последовательности, выбор в качестве предпочтительных регрессивных, сверхрегрессивных и сверхпрогрессивных образов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белопольская Н. Л.* Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания. М.: Когито-Центр, 2009.
- Белопольская Н. Л., Иванова С. Р., Свистунова Е. В., Шафирова Е. М.* Самосознание проблемных подростков. М., Изд-во ИП РАН, 2007.
- Выготский Л. С.* Собр. Соч. В 6 т. М., 1982. Т. 2.
- Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. Под ред. В. Я. Пилиповского. М.: Прогресс, 1986.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008.

Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978.

Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. М.: Мир, 1994.

Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.

Erikson E. H. Identity and the Life Cycle. N. Y.: IUP, 1959.

Erikson E. H. Identity, Youth and Crisis. N. Y.: Norton, 1968.

Rubin D. C., Berntsen D. People over forty feel 20% younger than their age: Subjective age across the lifespan // Psychonomic Bulletin & Review. 2006. 3 (5). 1-5.

АДЕКВАТНАЯ САМООЦЕНКА КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Т. В. Галкина

Институт психологии РАН (Москва)

Самооценка относится к центральным образованиям личности, ее ядру. Самооценка в значительной степени определяет социальную адаптацию личности, являясь регулятором поведения, деятельности, общения (Чеснокова, 1977; Столин 1983). Формирование адекватной и гибкой самооценки чрезвычайно актуальная психолого-педагогическая задача, особенно в наше тревожное, нестабильное время. Но самооценка не есть нечто данное, изначально присущее личности. Формирование самооценки происходит в процессе социализации, деятельности, общения и межличностного взаимодействия. Социум в значительной степени влияет на формирование самооценки личности. В качестве основных условий развития самооценки психологами и педагогами выдвигаются такие факторы, как общение с окружающими и собственная деятельность ребенка. В общении усваиваются формы, виды и критерии оценок, в индивидуальном опыте происходит их апробация, наполнение личностными смыслами. Из оценок себя окружающими ребенок постепенно вычленяет критерии и способы оценивания другого и переносит их на себя. Таким образом, и формируется самооценка личности. То, какая она будет, во многом зависит от особенностей взаимодействия и общения с ребенком, отношения к нему окружающих его людей, в первую очередь родителей, педагогов, сверстников (Галкина, 1986).

Что же такое адекватная самооценка и почему так необходимо обращать особое внимание на ее формирование? Адекватная самооценка (или иначе – объективное отражение основных составляющих собственной личности) ведет, как правило, к самокритичности и требовательности к себе, формирует уверенность в своих силах и адекватный уровень притязаний личности, что напрямую связано

с процессом саморегуляции поведения, общения и взаимодействия подростка с окружающей действительностью. Таким образом, эффективное социальное взаимодействие, понимаемое как процесс обмена чувствами, мыслями, невербальными формами поведения, при котором осуществляется взаимная адаптация субъектов (Носуленко, Самойленко, 2005), невозможно без адекватной самооценки.

Существуют различные способы коррекции системы самооценок с целью ее гармонизации. В данной статье будут представлены результаты экспериментального исследования, проведенного нами совместно с дипломницей Московского Гуманитарного Университета (г. Москва) Е. В. Алексинной. В целях исследования была специально разработана программа тренинга личностного развития, которая включала в себя методы различных направлений психотерапии: телесная психотерапия, танцевальная терапия и арт-терапия. Методы диагностики и коррекции системы самооценок были подобраны с учетом особенностей младшего подросткового возраста и индивидуальных особенностей каждого ребенка. Результаты проведенного экспериментального исследования и разработанная программа тренинга личностного развития представляют практический интерес для школьных психологов, социальных педагогов, учителей и родителей, поскольку помимо психокоррекционного результата предложенная программа является также и средством улучшения настроения и атмосферы, как в классе, так и дома. Упражнения из этой программы следует проводить с детьми в игровой форме.

Прежде чем перейти к описанию конкретных результатов нашего исследования и этапов разработанной программы, кратко остановимся на рассмотрении основных методов телесной психотерапии, танцевальной терапии, арт-терапии, а также теоретическом обосновании правомерности их использования в коррекционной работе с подростками, а именно проведении тренингов личностного развития.

Целью любого психологического тренинга является повышение уровня социальной адаптивности личности, развитие у нее способностей эффективно интегрироваться в социум, психологически грамотно решать задачи, возникающие в процессе межличностного взаимодействия (Лунева, 2004).

Существует множество направлений, которые предлагают свои методы для групповой работы. В нашем исследовании будут использованы **методы телесной психотерапии, танцевальной терапии и арт-терапии.**

Использование **телесно-ориентированных методов** способствует созданию групповой атмосферы, а разминочные и медитативные упражнения создают чувство безопасности.

Практики телесной терапии утверждают, что межличностная отчужденность обусловлена именно отчуждением от собственного тела, так как человек может ощущать жизнь только через свое физическое существование.

Понятие энергии имеет решающее значение для телесной терапии. Все, что нарушает течение энергии в любой части тела, воздействует на человеческое чувство удовольствия и целостности. Согласно А. Лоуэну (2006), невротики не могут управлять возбуждением; они минимально толерантны к боли и удовольствию. Они расходуют большую часть своей энергии на включение механизмов психологической защиты, направленных на то, чтобы избавиться от травмирующих личность мыслей, чувств, внешних событий. Однако проблемы развития спонтанного течения энергии существуют не только у невротиков. Например, определенные дыхательные упражнения для поощрения течения энергии могут помочь снизить повышенную эмоциональную возбудимость.

Телесные терапевты утверждают, что свободно текущая естественная жизненная энергия является основой функционирования здоровой личности (Лоуэн, 2004).

Биоэнергетические методы имеют целью облегчение самовыражения посредством мобилизации энергии тела и возвращения людей к их первичной природе. Первичная природа человека – это состояние искреннего удовольствия, которое возникает, например, при детском любопытстве и изумлении. Удовольствие – это свобода телодвижения и свобода от мышечного напряжения. Развитию способности к достижению удовольствия мешают процессы социализации, так как, принимая социальные условности и удовлетворяя потребности других, мы при этом отрицаем наши собственные первичные потребности (Лоуэн, 2006).

Наряду с понятием энергии основным понятием телесной терапии является мышечный панцирь. Вильгельм Райх (2000) сделал акцент на хронических энергетических блокировках, происходящих на физическом уровне. Он описал барьеры, используемые для устранения или сведения до минимума неоконченных эмоциональных переживаний, назвав эти защитные механизмы «броней характера». Под «броней» или «панцирем» Райх имел в виду хроническое мышечное напряжение, изолирующее человека от неприятных эмоций.

Когда мышцы напрягаются, чувства притупляются; другими словами, «мышечный панцирь» мешает течению «оргонной энергии», т. е. жизненной энергии вверх и вниз по телу.

Важным понятием телесной терапии является понятие «почва под ногами». А. Лоуэн (2004; 2006) видел, что у многих клиентов нет ощущения твердой почвы под ногами и соответственно у них нет чувства соприкосновения с реальностью. Иметь «почву под ногами» — значит быть в энергетическом контакте с почвой, получить ощущение стабильности и уверенности. Люди «на пике» действия алкоголя, наркотиков или находящиеся в состоянии страстного увлечения чем-либо, могут ощущать себя как бы летящими, их энергия покинула ступни и ноги, переместилась вверх. Эффективное существование в реальном мире буквально и означает возвращение обратно на землю.

Специальные упражнения помогают увеличить поток энергии, упрочить контакт с почвой и соответственно усилить ощущения себя. Понятие «почва под ногами» является важным для биоэнергетики, поскольку оно ориентирует на реальность, как бы уравнивая выражение чувств и эмоциональных порывов. Именно на этом делает акцент биоэнергетический метод.

Группы телесной терапии используют дыхательные упражнения для поощрения течения энергии и высвобождения чувств. Проблемы подвижности могут быть диагностированы с помощью применения напряженных поз, таких, как «арка Лоуэна». Двигательные упражнения, например брыкание, поощряют высвобождение примитивных, например агрессивных чувств. Многие телесные терапевты используют физический контакт, такой, как массаж, для снятия напряжения (Рудестам, 2001).

Телесная терапия включает физический параметр в групповой опыте и является сильным методом высвобождения эмоций.

Другим направлением является **танцевальная терапия**, которая ведет свое происхождение от творческого танца. На раннем этапе истории танец стал средством выражения мыслей и чувств, которые нелегко было перевести в слова. Определенные движения и жесты служили средством общения задолго до появления формального языка. Они имели огромное значение для человеческой коммуникации. На протяжении тысячелетий в разных культурах существовали ритуальные танцы для празднования победы, оплакивания мертвых, лечения больных. Танец был сильным средством самопроявления и выражения чувств. В религиозных ритуалах танцоры стремились отрешиться от всего, стать частью вселенной, в танцах-имитациях

участники отождествляли себя с сильными, свирепыми животными, злыми силами или колдунами. Фактически народные танцы развивались как популярное развлечение, смягчающее отчаяние и отражающее своеобразие национальных характеров и традиции разных народов.

Танец используется для выражения всего диапазона человеческих эмоций, мыслей и установок. Когда танец исполняется, чувства выражаются с помощью серии высокоструктурированных форм движений. Когда же танец используется в терапии, чувства спонтанно высвобождаются в свободном движении и импровизации, и стилизация, делающая танец представлением или видом искусства, не играет роли.

Карл Юнг (1995) подчеркивал терапевтическую ценность артистических переживаний, которые он называл «активным воображением». Он был убежден, что артистические переживания, выраженные, например, в танце, могут извлечь неосознанные влечения и потребности из бессознательного и сделать их доступными для катарсического освобождения (катарсиса) и анализа. Когда долгое время сдерживаемые чувства вины, враждебности и т. д. или «недопустимые» побуждения находят выход в группе, это приносит чувство облегчения и освобождения. Но главная польза от катарсиса состоит в усилении сплоченности, которое происходит вследствие интенсивного взаимодействия членов группы друг с другом в обстановке безопасности и понимания.

Основными целями танцевальной терапии являются:

- расширение сферы осознания членами группы собственного тела, его использования и возможностей;
- повышение самооценки путем развития более позитивного образа своего тела и своих возможностей в физическом самовыражении;
- возможность устанавливать творческую связь с другими, преодолевая барьеры и условности слов;
- приведение членов групп в контакт с их чувствами путем установления связи чувств с движениями. Творческий танец выразителен, он позволяет освободить подавленные чувства и исследовать скрытые конфликты, которые могут быть источником психического напряжения;
- создание «магического кольца» – совместная работа, игры, исследования и эксперименты с жестами, позами, движениями (Рудестам, 2001).

Очевидная польза группового танца состоит в развитии и совершенствовании самосознания в целом и отдельных его составляющих в частности (таких, как самопознание, эмоционально-ценностное отношение к себе, саморегуляция), улучшении физического здоровья и способности к адаптации, а также в развитии возможности взаимодействия и сопереживания в группе. Танцевальная терапия способствует переживанию необычных впечатлений и, таким образом, предоставляет участникам возможность опробовать новые способы поведения. Танцевальная терапия может быть средством одновременно и исследования, и развития самооценки (являющейся основным рычагом личностной саморегуляции), образа тела, самоуверждения и сексуальности.

Третьим направлением является **арт-терапия**. Методики арт-терапии основываются на том предположении, что внутреннее «Я» отражается в визуальных формах с того момента, как только человек начинает спонтанно писать красками, рисовать или лепить. Арт-терапия может способствовать достижению следующих целей (МакНифф, 2005):

- предоставляет возможность для выражения агрессивных чувств в социально приемлемой форме. Рисование, живопись красками или лепка являются безопасными способами разрядки напряжения;
- ускоряет прогресс в терапии. Подсознательные конфликты и внутренние переживания легче выражаются с помощью зрительных образов, чем в разговоре во время вербальной психотерапии. Невербальные формы коммуникации могут с большей вероятностью избежать сознательной цензуры;
- дает основания для интерпретаций и диагностической работы в процессе терапии. Творческая продукция ввиду ее реальности не может отрицаться пациентом. Содержание и стиль художественной работы предоставляют терапевту огромную информацию, кроме того, сам автор может внести вклад в интерпретацию своих собственных творений;
- позволяет работать с мыслями и чувствами, которые кажутся непреодолимыми. Иногда невербальное средство оказывается единственным инструментом, вскрывающим и проясняющим интенсивные чувства и убеждения;
- помогает укрепить терапевтическое взаимоотношение. Элементы совпадения в художественном творчестве членов

группы могут ускорить развитие эмпатии и положительных чувств;

- способствует возникновению чувства внутреннего контроля и порядка. Рисование, живопись красками и лепка приводят к необходимости организовывать формы и цвета;
- развивает и усиливает внимание к чувствам. Искусство возникает в результате творческого акта, который дает возможность прояснить зрительные и кинестетические ощущения и позволяет экспериментировать с ними;
- усиливает ощущение собственной личностной ценности, повышает художественную компетентность.

Побочным продуктом арт-терапии является удовлетворение, возникающее в результате выявления скрытых умений и их развитие (Копытин, 2005).

Для арт-терапии важен сам процесс и те особенности, которые конечный продукт творчества помогает обнаружить в психической жизни творца. Руководитель поощряет членов группы выражать внутренние переживания спонтанно и не беспокоиться о художественных достоинствах своих произведений (Рудестам, 2001).

Использование художественного творчества для выражения чувств и мыслей может оказывать существенную помощь в выработке адекватного поведения и повышении уровня самооценки, способствуя росту ее адекватности (Аметова, 2003; Гришина, 2004).

Перейдем к рассмотрению нашего экспериментального исследования и полученных в нем результатов. Исследование было проведено вместе с дипломницей МосГУ Е. В. Алексиной на базе школы-лаборатории творческого развития личности № 1026 г. Москвы. Разработанная программа тренинга личностного развития была создана и апробирована в ходе практической психологической работы в указанной школе, с целью коррекции и формирования адекватной самооценки у детей младшего подросткового возраста (учащиеся 5-го класса 10–12 лет).

В исследовании приняли участие младшие подростки двух пятых классов (всего 50 человек). Одна группа детей (один класс – 25 человек) была экспериментальной, а другая контрольной (тоже 25 человек из другого класса), т. е. диагностические срезы проводились по два раза в каждой группе, а формирующий эксперимент (в нашем случае это тренинг личностного развития) был проведен только в экспериментальном классе.

Целью нашего исследования было формирование адекватной самооценки у детей младшего подросткового возраста в тренингах личностного развития.

Задачи исследования заключались в следующем:

- 1 провести первичную психодиагностику системы самооценок детей младшего подросткового возраста в двух группах (экспериментальном и контрольном классах);
- 2 провести групповые тренинги личностного развития в экспериментальном классе;
- 3 провести психодиагностику системы самооценок детей младшего подросткового возраста после тренингов в экспериментальном классе;
- 4 провести психодиагностику системы самооценок детей младшего подросткового возраста в контрольном классе (где не проводились тренинги);
- 5 сравнить показатели психодиагностики до и после тренингов в экспериментальном классе и результаты двух психодиагностических срезов в контрольном классе.

Таким образом, наше экспериментальное исследование состояло из трех этапов: двух диагностических (первый и третий этапы) и одного (второго этапа), проводимого между ними, собственно формирующего (который проводился соответственно только в экспериментальной группе детей).

На диагностических этапах: первом и третьем проводилась диагностика особенностей системы самооценок у детей с помощью следующих психодиагностических методик:

- «Символические задания на выявление „социального Я“» (Б. Лонг, Р. Зиллер, Р. Хендерсон) (Бодалев, Столин, 2004).
- «Косвенное измерение системы самооценок» – «КИСС» (Е. О. Федотова, Е. Т. Соколова) (Бодалев, Столин, 2004).

Затем в экспериментальном классе проводился тренинг личностного развития (второй этап исследования) в течение полугода (всего 20 занятий по 40 минут каждое), включавший следующие психокоррекционные методы:

- телесно-ориентированные методы;
- методы танцевальной терапии;
- методы арт-терапии.

Программа тренинга была разработана с учетом возрастных особенностей младших подростков. Проведенная до занятий индивидуальная психодиагностика позволила строить взаимодействие с детьми, учитывая их индивидуальные особенности.

Программа тренинга состояла из пяти этапов.

Этап I: Ознакомительный

Цель: Знакомство участников, определение правил работы, формирование групповой сплоченности, чувства доверия и безопасности в группе.

Упражнения: «Путаница», «Кто Я?», «Слепой и поводырь», «Дерево».

Этап II: Работа с «образом-Я»

Цель: Осознание и принятие телесного «образа-Я», увеличение свободы самовыражения.

Упражнения: «Разговор с частями тела», «Живая скульптура», «Зеркальный танец».

Этап III: Работа с эмоциональными состояниями

Цель: Знакомство с различными эмоциональными состояниями, развитие умения чувствовать настроение и сопереживать окружающим.

Упражнения: «Разминка с лицом», «Маски», «Разговор на неведомом языке».

Этап IV: Работа с агрессией

Цель: Создание безопасной обстановки (принятие и поддержка) для выражения агрессии. Расслабление и стабилизация эмоционального состояния.

Упражнения: «Сдвинуть скалу», «Рычание», медитация «Цветок».

Этап V: Заключительный

Цель: Развитие коммуникативных навыков, открытие творческой активности, подведение итогов и построение планов на будущее.

Упражнения: танец «Следуй за ведущим», «Групповое рисование», танец «Животное», «Комплименты», «Подарки».

В результате проведения пяти этапов формирующего эксперимента – тренинга личностного развития – были получены следующие результаты. Произошло повышение самооценки в сторону ее адекватности по таким параметрам, как «сила», сложность «Я концепции», самооценка, диагностируемые по методике «Символические задания на выявление «социального Я» (Б. Лонг, Р. Зиллер, Р. Хендерсон). Контрольный диагностический срез по методике косвенное исследование системы самооценок – «КИСС» (Е. О. Федотова, Е. Т. Соколова)

показал явный сдвиг в уровне самооценки детей, с которыми проводился тренинг личностного развития. Произошло повышение самооценки, и она у большинства детей стала практически адекватной, т. е. была достигнута поставленная в исследовании цель.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе тренингов личностного развития происходит коррекция системы самооценок детей младшего подросткового возраста. Интересно отметить «побочные» результаты проведенных с детьми занятий, хотя специально такие задачи в тренингах не ставились. Во-первых, было отмечено повышение уровня креативности младших подростков (измерялся с помощью тестов Е. П. Торренса – невербальная креативность (Дружинин, 1999) и С. Медника – вербальная креативность (Галкина, Алексеева, 1993)).

Во-вторых, было выявлено снижение уровня агрессивности (измерялся с помощью методики диагностики состояния агрессии – опросника Басса-Дарки), и уровня ситуативной тревожности (измерялся с помощью методики «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» – «ШРЛТ» Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина) (Большая энциклопедия психологических тестов, 2006).

В-третьих, положительным результатом явилось также и то, что общая атмосфера в классе явно улучшилась: дети стали меньше конфликтовать друг с другом, начали давать друг другу больше положительных оценок, социометрический статус многих детей вырос, после тренингов оказалось меньше отвергаемых и непопулярных членов коллектива (использовались «Социометрия» и методика «Выбор ролей» (Галкина, 1986)).

Проведя сравнение результатов двух психодиагностических срезов в контрольном классе, мы не отметили сколько-нибудь существенных изменений в системе самооценок этих учащихся. Не было выявлено и «побочных» результатов, которые были отмечены в экспериментальном классе: уровни креативности и агрессивности не изменились, общая атмосфера в классе осталась прежней, количество отвергаемых и непопулярных членов коллектива не уменьшилось.

Таким образом, все полученные результаты позволяют говорить о целесообразности проведения с детьми младшего школьного возраста тренингов личностного развития на основе телесно-ориентированных методов, методов танцевальной терапии и арт-терапии. Проведенное исследование позволяет нам говорить о том, что формирование адекватной самооценки как регулятора социального взаимодействия в младшем подростковом возрасте вполне реальное явление, а не миф.

ЛИТЕРАТУРА

- Аметова Л. А.* Формирование арт-терапевтической культуры младших школьников. «Сам себе арттерапевт». М.: Московский государственный открытый педагогический университет, 2003.
- Бодаев А. А., Столин В. В.* Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2004.
- Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Изд-во Эксмо, 2006.
- Галкина Т. В.* Психологический механизм решения задач на самооценку: Дис.... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1986.
- Галкина Т. В., Алексеева Л. Г.* Методика диагностики речемыслительной креативности // Методы психологической диагностики. Вып. 1 / Под ред. В. Н. Дружинина, Т. В. Галкиной. М.: Изд-во ИП РАН, 1993. С. 52–61.
- Гришина А. В.* Развитие творческой индивидуальности подростков средствами арт-терапии в учреждениях дополнительного образования; Автореф. ... канд. пед. наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2004.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.
- Копытин А. И.* Арт-терапия в общеобразовательной школе. Методическое пособие. СПб.: Академия Постдипломного педагогического образования, 2005.
- Лоуэн А.* Сборник биоэнергетических опытов. М.: ООО Изд-во АСТ, 2004.
- Лоуэн А.* Психология тела: биоэнергетический анализ тела / Пер. с англ. М.: Изд-во Институт общегуманитарных исследований, 2006.
- Лунова О. В.* Роль телесно-ориентированных методов в развитии социального интеллекта в психологических тренингах. // Междисциплинарные проблемы психологии телесности: Материалы межведомственной научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2004 г. / Редакторы-составители: В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2004.
- МахНифф Ш.* Целостное восприятие арт-терапии // Исцеляющее искусство: журнал арт-терапии. 2005. Т. 8. № 1. С. 10–23.
- Носуленко В. Н., Самойленко Е. С.* Системный анализ межличностного общения: концепции и модели // Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 315–343.

Райх В. Анализ характера / Пер. с англ. Е. Поле. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.

Рудестам К. Групповая психотерапия. СПб.: Питер, 2001.

Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.

Юнг К. Психологические типы. М., 1995.

ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И САМООЦЕНКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕНИЯ

И. А. Галкина

Институт психологии РАН (Москва)

Согласно идее единства общения и деятельности, любые формы общения являются специфическими формами совместной деятельности людей, которые не просто общаются в процессе выполнения ими различных общественных функций, но они всегда общаются в некоторой деятельности и по поводу нее. Таким образом, общается всегда деятельный человек и его деятельность неизбежно пересекается с деятельностью других людей, что обуславливает определенные отношения человека не только к предмету своей деятельности, но и к другим людям. (Андреева, 1980). Общаясь, люди познают друг друга и собственный внутренний мир, оценивают других и себя. Исходя из вышесказанного, в рамках проблемы познания в структуре общения нам представляется интересным рассмотреть феномен взаимосвязи исполнительской деятельности и самооценки.

Актуальность изучения феномена исполнительской деятельности обусловлена изменениями, происходящими в современном социуме и организациях: гуманизацией труда, повышением значимости личностного фактора, возрастающей потребностью в квалифицированных, высокопрофессиональных работниках. В связи с этим для социальных психологов все большее значение приобретает проблема эффективного управления человеческими ресурсами. Обращаясь к организационной психологии, необходимо отметить, что руководство людьми и их общностями характеризуется совместностью, которая выражается, прежде всего, во взаимодействии руководителей и исполнителей. Однако большинство социально-психологических исследований делают акцент на изучении менеджмента и управленцев, уделяя мало внимания исполнителям и особенностям их деятельности (Журавлев, 2004).

Понятие исполнительской деятельности имеет несколько смыслов, поэтому необходимо уточнить, что в данном случае речь идет о совокупности методов и приемов реализации управленческих решений, принятых аппаратом управления, руководителем или коллегиальным органом управления и самоуправления и доведенного до субъекта исполнения в форме приказов, указаний, поручений, просьб и т. д.

Существует множество различных условий, оказывающих влияние на специфику исполнительской деятельности, среди которых большое значение имеют психологические особенности личности исполнителей. Одним из конструктов, имеющим «ядерный» статус в системе психологических феноменов, влияющих на особенности взаимодействия человека с окружающей его социальной средой, является самооценка как «основной внутренний рычаг саморегуляции поведения и деятельности» (Чеснокова, 1978; Бороздина, 1999). Самооценка – особое образование самосознания личности, результат обобщающей работы в сфере самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе. Это оценка личностью самой себя, своих качеств и возможностей, особенностей совершаемых действий и поступков, места среди других людей.

В современной психологии самооценка является предметом многочисленных исследований. В трудах отечественных психологов наиболее полная разработка данной проблематики представлена в исследованиях Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, И. С. Кона, М. И. Лисиной, А. И. Липкиной, В. В. Столина, И. И. Чесноковой, Е. В. Шороховой и других. В зарубежной психологии проблеме самооценки посвящены работы У. Джемса, Ч. Кули, Дж. Мида, Э. Эриксона, К. Роджерса и других. Тем не менее, несмотря на большое количество накопленного теоретического и эмпирического материала, роль самооценки в контексте проблемы исполнительской деятельности остается малоизученной.

Проблемой исполнения психологи заинтересовались в XX в. в связи с практическими запросами. В рамках отечественной психологии изучались индивидуальные стили деятельности (Климов, 1996), мотивация труда (Каверин, 1998), динамика представлений личности о себе в экстремальных условиях совместной деятельности (Журавлев, Журавлева, Хашченко, 1994), факторы регуляции поведения и деятельности подчиненного (Афанасьев, 1977; Свенцицкий, 1986), были выделены социально-психологические свойства и типы исполнения (Журавлев, 1982, Скворцов, 1987). Зарубежные

психологи также обращались к данной проблематике, но в основном это были прикладные, а не теоретические работы. Проанализировав состояние исследований, направленных на изучение взаимосвязи исполнительской деятельности с личностными факторами, можно сказать, что в последнее время данная проблематика приобретает все большую актуальность. В современной зарубежной психологии развиваются представления об эффективности личности, критерием чего отдельными авторами выводится успешное выполнение задач субъектом при возрастании их сложности. Эффективность личности, таким образом, реконструируется на основе продуктивности ее деятельности (Бороздина, 1999). В связи с этим кажется целесообразным проследить влияние самооценки на продуктивность деятельности. Так, Л. Н. Корнеева (1989) указывает, что на профессиональную деятельность специалиста оказывает влияние параметр высоты самооценки. Неадекватная самооценка не позволяет профессионалу полностью реализовать свои возможности в профессиональной деятельности (Славнов, 2003; Маркова, 1996).

В контексте изучения исполнительской деятельности особенно важна профессиональная самооценка, отражающая уверенность человека в своих профессиональных и личных силах, его самоуважение и адекватность происходящему. Профессиональная самооценка может быть рассмотрена как важнейший элемент в структуре профессиональной Я-концепции личности. В психологии принято выделять две формы Я-концепции – реальную и идеальную. В теоретическом и прикладном плане важно изучать не просто недифференцированную самооценку, а конкретные ее составляющие и их соотношение. Именно с самооценочными паттернами, а не с упрощенной обобщенной самооценкой связаны объяснительные механизмы профессиональной успешности и динамического профессионального развития личности (Реан, Коломинский, 1999).

Накоплено большое количество эмпирических данных о связи уровня самооценки с другими свойствами личности и с разными типами поведения. Но очень часто результаты этих исследований неоднозначны и даже противоречивы. Рассмотрим исследования, в которых изучается роль самооценки в свете проблемы компетентности, которая определяется посредством отношения между успехом и используемыми усилиями при выполнении деятельности. В зависимости от ответа на вопрос, о связи между уровнем самооценки и компетентностью личности, эмпирические исследования можно разделить на три основные группы. Пожалуй, самая большая группа

исследований с выводом – чем выше уровень самооценки, тем выше компетентность личности. У людей с низкой самооценкой обнаруживается ряд признаков снижения компетентности. Так, например, они менее самостоятельны, более внушаемы, и в то же время менее способны убеждать своих партнеров по общению. Низкая самооценка у них связана с высокой степенью тревожности, а также с высокой степенью стеснительности, это в свою очередь снижает и их социальную компетентность. Они более склонны обращать внимание на негативные моменты в своей работе и чаще отказываются от ее выполнения при возникновении каких-то сложностей (Дилова, 1988).

Есть, однако, и такие исследования, в которых низкая самооценка выглядит как положительное явление. По данным Вугпе (цит. по Дилова, 1988), у людей с низкой самооценкой самопознание более реалистическое, более выражена тенденция к самоанализу. Они легче принимают негативную информацию о себе, что и помогает им осознать свои недостатки. Они лучше поддаются педагогическому или терапевтическому воздействию. Вросклер получил результаты, демонстрирующие, что респонденты с низкой самооценкой более гибкие в своем трудовом поведении, чем испытуемые с высокой самооценкой. Weiss и Knight показали, что при решении проблем люди с низкой самооценкой предпринимают больше ориентировочных и подготовительных действий и поэтому добиваются лучших результатов. Niebsch и Vorweg (1980) приводят данные, что у руководителей, успешно выполняющих свою руководящую деятельность, самооценка обычно несколько ниже, чем оценки, даваемые им сотрудниками.

В то же время существуют работы, согласно которым, высокая компетентность личности сопровождается средним уровнем самооценки, крайне высокий же уровень самооценки связывается с полным отсутствием самокритичности, а крайне низкий уровень – с патологической депрессивностью (Дилова, 1988). Но, к сожалению, таких исследований, которые сопоставляли бы три уровня самооценки, гораздо меньше, чем тех, которые сопоставляют только два уровня.

Таким образом, компетентность деятельности и самооценочные процессы взаимосвязаны. С одной стороны, субъект непрерывно оценивает свои собственные действия именно в аспекте их компетентности. С другой стороны, от адекватного оценивания собственных возможностей в решающей степени зависит адекватность самой деятельности. Способность к реалистическому самопознанию

можно рассматривать как специальный вид компетентности – рефлексивная компетентность. Как показывает ряд исследований, рефлексивная компетентность зависит не только от познавательных возможностей личности, но и от некоторых специфических мотивационных механизмов глубинно-психологического характера (Дилова, 1988).

Подводя итоги анализа исследований по вышеназванной проблематике, можно сказать, что данная тема приобретает все большую значимость для социальной психологии и нуждается во всесторонней теоретической разработке. Соответственно, эмпирические исследования взаимосвязи исполнения и самооценки требуют дальнейшего развития и более глубокой интерпретации.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ САМООЦЕНКИ И ИСПОЛНЕНИЯ

В связи с актуальностью и недостаточной разработанностью поставленной проблемы, целью настоящей работы является теоретическое обоснование и эмпирическое выявление взаимосвязи особенностей самооценки личности и социально-психологических характеристик ее исполнительской деятельности.

Соответственно мы ставим следующие задачи: выявление взаимосвязи между самооценкой и эффективностью исполнительской деятельности; изучение роли социально-демографического фактора в исполнительской деятельности; изучение взаимосвязи типобразующих характеристик исполнительской деятельности и особенностей самооценки; выделение социально-психологических типов исполнительской деятельности.

В качестве объекта исследования выступают исполнители с высшим образованием, мужчины (88) и женщины (116) в возрасте от 23 до 60 лет. Размер выборки - 204 человек.

Экспериментальный материал

В соответствии с целями и задачами исследования в качестве **методического инструментария** использованы: методика исследования общей самооценки «реальная и идеальная самооценка» (А. А. Реан и Я. Л. Коломинский); методика исследования свойств и типов исполнительской деятельности (А. Л. Журавлев); методика исследования эффективности исполнительской деятельности (О. В. Филатова); авторская методика исследования профессиональной самооценки; социальный портрет руководителя и коллектива.

Результаты исследования

Во-первых, мы рассмотрели корреляцию характеристик исполнительской деятельности и самооценки с социально-демографическими факторами и на статистически значимом уровне получили следующие результаты (используя коэффициент Гамма):

- 1 Эффективность исполнительской деятельности положительно коррелирует с возрастом и стажем исполнителей, а также при наличии у них детей. Другими словами, с увеличением возраста и, соответственно, стажа исполнители получают более высокие оценки руководителей. Можно предположить, что это объясняется наличием большего опыта и (или) более полной информации о давно работающих исполнителях. Эффективность исполнения также выше у исполнителей, имеющих детей. Возможно, это связано с тем, что такие работники больше вкладываются, так как у них есть дополнительная мотивация – повысить уровень жизни для обеспечения своей семьи.
- 2 Показатели целеустремленности, заинтересованности, ответственности, самостоятельности и компетентности исполнения повышаются при увеличении возраста и стажа респондентов, также эти факторы выше у людей, состоящих в браке и имеющих детей. Возможно, более старшие сотрудники в связи с приобретенным опытом, действительно, обладают лучшими показателями по сравнению с молодыми, но можно также предположить, что руководители оценивают их деятельность выше в связи с тем, что знали их лучше, чем недавно работающих специалистов. Положительная взаимосвязь вышеназванных характеристик исполнительской деятельности с наличием семьи у респондентов можно объяснить тем, что люди, состоящие в браке, стремятся к более высокому доходу для своей семьи и детей, соответственно, и выполняют деятельность лучше. Вероятно, здесь также играет роль тот факт, что свободные молодые люди больше времени тратят на развлечения и работа в их иерархии ценностей занимает место ниже, чем у семейных людей.
- 3 Креативность увеличивается с возрастом, стажем респондентов и при наличии у них семьи.
- 4 Организованность повышается с возрастом и стажем. Интересно отметить, что в отличие от других типобразующих характеристик исполнения, организованность деятельности никак не взаимосвязана с семейным положением респондентов. Возможно,

это устойчивая личностная черта, на которую никак не влияют обстоятельства жизни.

- 5 Самоуважение выше у старших сотрудников и у мужчин. Этот факт можно объяснить наличием больших жизненных достижений у людей более старшего возраста и у мужчин.
- 6 Общая самооценка выше у семейных исполнителей. Это может объясняться тем, что в нашей культуре семья считается одним из важных условий самореализации, и люди, живущие в браке, чувствуют себя более уверенными и состоявшимися.
- 7 Фактор активности в самооценке, высокие показатели которого свидетельствуют об экстравертированности личности, на энергичность, общительность, импульсивность, а низкие – на интровертированность, определенную пассивность, спокойные эмоциональные реакции, ниже у старших сотрудников с большим стажем и у женщин. У более молодых сотрудников более высокие значения фактора активности могут объяснять большей значимостью общения в молодости, а также в связи с физиологическими особенностями возраста наличием большего количества энергетических ресурсов. Гендерные же различия в выраженности этого фактора в самооценке могут быть связаны с тем, что активность традиционно считается мускулиным качеством и в нашей культуре больше поощряется у мужчин.

Во-вторых, обращаясь непосредственно к исполнительской деятельности и самооценке, мы выяснили следующее (используя коэффициент Спирмена):

- 1 Эффективность исполнительской деятельности положительно коррелирует с профессиональной самооценкой: эффективность исполнительской деятельности у испытуемых с высокой самооценкой выше, чем у испытуемых с низкой самооценкой.
- 2 При большом расхождении высоты профессиональной и общей самооценки снижается эффективность исполнения. Возможно, этот факт объясняется присутствием внутриличностного конфликта, что может оказывать влияния на трудовое поведение.
- 3 Общая самооценка имеет отрицательную взаимосвязь с целенаправленностью исполнения, т. е. чем выше общая самооценка, тем ниже целенаправленность исполнительской деятельности.
- 4 Креативность исполнения понижается с повышением значений фактора воли в самооценке, высокие показатели которого свидетельствуют об уверенности в себе, независимости, склонности

рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, а низкие значения – о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от внешних обстоятельств и оценок.

- 5 Целенаправленность и организованность понижаются при повышении показателей фактора активности в самооценке, высокие значения которого указывают на активность, общительность, импульсивность, а низкие – на интровертированность, определенную пассивность, спокойные эмоциональные реакции.
- 6 Высокая профессиональная самооценка, диагностируемая с помощью авторской методики, положительно коррелирует с рядом факторов самооценки, исследуемой с помощью личностного дифференциала. Это означает, что чем выше профессиональная самооценка, тем выше значения факторов самоуважения, воли и активности.
- 7 Чем выше общая самооценка, тем больше выражены в самооценке факторы активности, воли и самоуважения. При этом взаимосвязь общей и профессиональной самооценки отсутствует.
- 8 С высокой эффективностью исполнительской деятельности положительно коррелируют показатели таких типобразующих свойств исполнения, как целенаправленность, компетентность, самостоятельность, ответственность, заинтересованность, организованность, креативность. Интересно отметить, что наибольшая связь наблюдается между эффективностью деятельности и целенаправленностью, а наименьшая – с заинтересованностью исполнителя. Другими словами, с точки зрения успешности деятельности подчиненные с высокими показателями организованности были оценены руководителями выше, чем исполнители, обладающие высоким уровнем заинтересованности.

В-третьих, используя методику Журавлева А.Л., в нашей выборке мы выделили пять основных типов исполнения: 1) творческий (56 человек); 2) сверхнормативный (40 человек); 3) нормативный (42 человека); 4) «тип долженствования» (16 человек); 5) «мотивированный исполнитель» (16 человек). Кроме ранее описанных в литературе типов (см. Журавлев, 2007), в ходе проведенного нами исследования были также выделены и новые типы исполнительской деятельности, характеристики которых не вписываются в классификацию, выделенную в упоминавшейся выше работе. Это «тип долженствования»: у исполнителя доминирует ответственность,

а не мотивированность и тип «мотивированный исполнитель»: исполнитель с высокой готовностью исполнять задания в независимости от содержания работы. Другие типы исполнения в нашем исследовании оказались слабовыраженными и поэтому не подвергались дальнейшему анализу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что самооценка, являясь регулятором поведения, деятельности, общения, имеет большое значение в контексте социально-психологического феномена исполнения, поскольку тесно взаимосвязана с его типобразующими характеристиками и эффективностью, что было доказано результатами проведенного нами исследования. Результаты нашего исследования могут быть использованы в качестве *практических рекомендаций* в различных областях: рекрутерами – при отборе и профессиональной подготовке персонала; руководителями – для оптимизации управленческого взаимодействия и повышении эффективности работы подчиненных; преподавателями – в контексте учебных курсов «Психология управления», «Организационная психология», «Организационное поведение» и др.

В завершение данной работы приведем слова С. Л. Рубинштейна (1989) о том, что человек и его психика формируются и проявляются в деятельности. Согласно принципу единства сознания и деятельности, деятельность человека обуславливает формирование, как его сознания, так и самосознания, а они в свою очередь являются регуляторами его деятельности, условиями ее адекватного выполнения. Поскольку общение также является деятельностью, изучение взаимосвязи и взаимовлияния исполнения и самооценки (являющейся основным внутренним рычагом, механизмом саморегуляции поведения и деятельности) позволит лучше понять личность исполнителя, особенности его общения, а также специфику и роль самопознания в профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977.
Бороздина Л. В. Теоретико-экспериментальное исследование самооценки: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1999.
Дилова М. А. Самооценка и компетентность личности // Актуальные вопросы психологии личности. М., 1988. С. 118–133.

- Журавлев А. Л. Типы исполнения указаний руководителя и культура управленческого труда // Культура труда как резерв повышения эффективности производства. Уфа, 1982. С. 108–110.
- Журавлев А. Л., Журавлева Е. В., Хащенко В. А. Динамика представления личности о себе и других (партнерах) в экстремальных условиях совместной деятельности. Психический образ: строение, механизмы, функционирование и развитие. М., 1994, С. 85–87.
- Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия. М., 2004.
- Каверин С. Б. Мотивация труда. М., 1998.
- Корнеева Л. Н. Самооценка как механизм саморегуляции профессиональной деятельности // Вестник ЛГУ. Л., 1989. Вып. 4. С. 37–49.
- Климов Е. А. Психология профессионала. М., 1996.
- Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996, с. 88.
- Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб., 1999.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 4.
- Свенцицкий А. Л. Социальная психология управления. Л., 1986.
- Скворцов В. В. Влияние управленческой концепции руководителя на организацию исполнительской деятельности подчиненных: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1987.
- Славнов С. В. Структурно-динамические характеристики образа успешного профессионала налоговой полиции // Психологический журнал. 2003. Т. 24. С. 82–90.
- Филатова О. В. Рефлексивность как детерминанта деятельности исполнительского типа: Автореф. дис.... канд. психол. наук. Ярославль, 2003.
- Чеснокова И. И. Особенности развития самосознания в онтогенезе // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 26–27.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ОБЩИЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ, ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ

Н. Г. Артемцева

Институт психологии РАН (Москва)

Заканчивается год Семьи у нас в стране. Много говорится и пишется о роли семьи в становлении человека как личности. Семья создает личность или разрушает ее, во власти семьи укрепить или подорвать психическое здоровье ее членов. Климат семьи оказывает воздействие на моральный климат и здоровье всего общества. К сожалению, ускоренный темп современной жизни, ее урбанизация наряду с постоянно повышающейся ответственностью и жесткостью социально-ролевых предписаний, неблагоприятными тенденциями в социально-психологической динамике развития семьи, недостаток нравственно-этических начал в отношениях взрослых, низкая социально-психологическая культура общения приводят к нарушениям отношений между родителями и детьми. Семья поощряет одни личные влечения, одновременно препятствуя другим, удовлетворяет или пресекает личные потребности. Она указывает границы идентификации, способствует появлению у личности образа своего «Я». От того, как строятся отношения в семье, какие ценности, интересы выдвигаются у ее старших представителей на первый план, зависит, какими вырастут дети. Особенности внутрисемейных отношений изучали многие отечественные и зарубежные авторы: А. Я. Варга, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. И. Захаров, И. С. Кон, В. Л. Леви, А. С. Спиваковская, Е. Т. Соколова, Ф. Дальто, С. Панзарин, А. Фромм, Э. Г. Эйдемиллер и многие другие. Однако, рассматривая отношения в семье как особый вид общения, исследователи часто ограничивались либо общими положениями, либо изучением индивидуальных характеристик людей, участвующих в этом общении. Несмотря на обилие подходов к исследованию влияния психологических характеристик партнеров по общению (в частности родителей и их детей-подрост-

ков) на выборы стилей, стратегий и способов взаимодействия, проблема взаимосвязи психологического типа их личности и представлений о детско-родительских отношениях практически не изучена.

Подростковый период является особым периодом значительных и часто драматичных внутриличностных преобразований, поэтому способы взаимодействия родителей с подростками оказывают значимое влияние на продвижение ребенка к взрослости. Система семьи динамична: изменение поведения одного члена влияет на всех остальных. Специалисты по внутрисемейным конфликтам отмечают, что перестройка отношений с родителями в подростковом периоде рождает новый вид общения, основанный на взаимном доверии и равноправном партнерстве. Именно на этом этапе и возникают порой непримиримые противоречия во взаимоотношениях родителей и их детей-подростков. Как известно, выбор техники общения в каждом конкретном случае определяется стратегиями, которые выбирают для себя партнеры по общению. Поэтому очень важными оказываются типические характеристики партнеров по общению.

Любая типологическая дифференциация психологических особенностей основывается на разнообразных характеристиках компонентов каждой сферы психики – познавательной, мотивационно – волевой, эмоциональной, самосознания – в их специфических проявлениях. В психологии имеется несколько типологических систем, построенных на основе выделения характеристик познавательной сферы человека, возможных особенностей ее состава, сочетаний компонентов и их функционирования (К. Юнг, И. П. Павлов, А. Аугустинавичуте, Л. Ливер и др.).

Система типов Н. Л. Нагибиной построена также на основе анализа состава и характеристик, прежде всего, познавательных процессов и их связей со сферой мотиваций, определяющей их направленность. В данной системе типы выделяются по двум характеристикам познания: рациональности – иррациональности и направленности на Мир – на Я. У конкретных людей могут преобладать в познании рациональность или иррациональность, что определяет их типы и основные особенности их познавательной и соответственно других видов деятельности.

Рациональные типы характеризуются систематичностью, плановостью, упорядоченностью, последовательностью, предсказуемостью, определенностью, произвольностью и контролируемостью познания и деятельности, преобладанием вербального и знаково-символического опосредования над чувственными образами.

Иррациональные типы, наоборот, имеют, в основном, импульсивное, не систематическое познание, с пробами и ошибками, на основе догадок, интуитивных невербализованных гипотез и озарений, при активном использовании вероятностных оценок и предсказаний, с участием чувственных образов. Данные типы познавательной направленности определяют многие другие отношения, мотивации и ценности субъектов познания, также и некоторые особенности их мышления.

Так, при направленности на Мир, главная ценность познания – полнота, широта, правильность и строгость знаний, одним словом «истина», отношение и значение характеристик объектов, и отношение других к себе здесь второстепенны. При направленности на Я преобладает важность как раз значения свойств объектов для познающего субъекта и отношений других людей к нему. Кроме того, сам процесс познания протекает, а его результат оцениваются с точки зрения того, как это будет принято и повлияет на отношение других людей к познающему.

В системе Н.Л. Нагибиной, как мы уже отмечали, типы образуются путем сочетания рациональности или иррациональности с направленностью познания на Мир или на Я. Так выделяются 12 познавательных типов: четыре рациональных (Тип А, Тип D, Тип E, Тип H), четыре иррациональных (Тип B, Тип C, Тип F, Тип G) и четыре смешанных типа, переходных между доминантными (Тип АВ, Тип СД, Тип ЕF, Тип GH). Данные типы распределены на сектора в зависимости от ценностно-мотивационной сферы типологического типа:

- первый сектор – гуманистический (типы G, GH, H) чутье Мира, позиция Я в Мире». Базовые ценности – любовь, единение с миром, обращенность к человеку с его возможностями, к обществу, проповедничество гражданских идей. Важна духовность в развитии и отношения с окружающими – близкими, коллегами по работе, с социумом;
- второй сектор – артистический (типы А, АВ, В) – чутье себя, позиция «Я в Мире». Базовые ценности – игра, удовольствие, авантюризм. Все развитие рассматривается в свете собственных достижений. Для них очень важно добиться положения в обществе, известности;
- третий сектор – авторитарный (типы С, СД, Д) – чутье себя, позиция «Я и Мир». Базовые ценности – лидерство,

власть, стремление к общности. Стремление объяснить объективность ситуаций и принципов развития в рамках субъективности бытия;

- четвертый сектор – **познавательный (типы E, EF, F)** – чутые мира, позиция «Я и Мир». Базовые ценности – познание устройства вселенной и законов ее развития, мировая гармония. В развитии важна перспектива, вера в абсолютные ценности, учет всех составляющих, опора на базовые знания и уровни.

Типологические особенности человека по-разному влияют на его отношения с окружающими. С целью проверки **гипотезы**: *если родитель и подросток относятся к различным психологическим типам личности, то их оценки представлений о детско-родительских взаимоотношениях не совпадают* – было проведено эмпирическое исследование.

Испытуемые: 36 подростков, из них 19 девочек и 17 мальчиков в возрасте 13–15 лет и их мамы в возрасте 32–48 лет.

Методики

- 1 Опросник Марковской И. М. «Взаимодействие родитель-подросток». Опросник состоит из двух частей (для подростков и их родителей) по 60 вопросов в каждой. В опроснике представлены 10 шкал:

1-я шкала: нетребовательность-требовательность родителя

2-я шкала: мягкость – строгость родителя

3-я шкала: автономность – контроль по отношению к ребенку

4-я шкала: эмоциональная дистанция-эмоциональная близость ребенка к родителю

5-я шкала: отвержение – принятие ребенка родителем

6-я шкала: отсутствие сотрудничества-сотрудничество

7-я шкала: несогласие-согласие между ребенком и родителем

8-я шкала: непоследовательность-последовательность

9-я шкала: авторитарность родителя

10-я шкала: удовлетворенность отношениями ребенка с родителем

- 2 Авторская экспресс-диагностика Нагибиной Н.Л. «Определение типов личности».
- 3 Рисуночный тест «Моя семья»

Условия проведения. На первом этапе и родителям и их детям-подросткам предлагался опросник Марковской И. М. «Взаимодействие родитель-подросток». На втором этапе проведения исследования с помощью авторской экспресс-диагностики Нагибиной Н. Л. определялся тип личности и родителей (иногда одного из родителей, чаще – мамы) и их детей. На последнем этапе подросткам предлагалось нарисовать свою семью. Во время теста проводилось наблюдение за тем, как ребенок рисует. После проведения тестов проводилась устная беседа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Все испытуемые были разделены на группы. Основанием для деления на группы было соотнесение мам и их детей-подростков к психотипу по секторам системы Нагибиной Н. Л. Большинство подростков (10 человек) относятся к познавательному сектору (типы E, EF, F). Базовая ценность познавательного сектора – получение новых знаний, экспериментирование. В развитии для них очень важна перспектива. Подростки познают все новое, появляется новый круг знакомых, играют разные роли (роль ребенка в семье, роль друга в кругу общения, роль школьника в школе). Подростки познают мир с новых сторон. По 9 человек распределились в авторитарном и артистическом секторе. Преобладающая ценность авторитарного сектора (типы C, CD, D) – это власть. Нахождение в центре внимания, потребность быть лидером, отстаивание своих интересов, власть в духовном понимании крайне важна для представителей психотипов, относящихся к этому сектору. Для представителей артистического сектора (типы A, AB, B) важна игра, стремление к значимому положению в обществе, известности. 7 подростков относятся к гуманистическому сектору (типы G, GH, H). Доминирующая ценность – любовь, важны духовные отношения.

Для родителей характерно другое распределение по секторам, большая их часть находится в артистическом секторе – 15 человек, в гуманистическом секторе – 8 родителей, 7 и 5 человек находятся в авторитарном и познавательном секторах соответственно. Поскольку в данном исследовании принимали участие подростки из полных и неполных семей, то дальнейшему анализу были подвергнуты данные только мам.

Были созданы таблицы оценок подростков и их мам по тесту Марковской на основании типа (для секторов: познавательный, авторитарный, гуманистический и артистический). Таким образом,

было получено 8 таблиц. Эти данные были обработаны с помощью компьютерной программы Statistica 6.0, **t-критерия Стьюдента** для связанных выборок. Статистически значимое различие в оценках детско-родительских отношений мамами и их детьми-подростками выявлено в некоторых случаях.

Существуют статистически значимые различия между представлениями о детско-родительских отношениях по шкале 8 опросника Марковской (*непоследовательность-последовательность*) у подростков типов E, EF, F (познавательный сектор) и у их мам, если они относятся к другим типам ($t = 3,71307$ при $p = 0,004$). Действительно, для подростков познавательного сектора важно чутье мира, отстраненная позиция в стратегиях познания и общения. Базовые ценности – познание мира и законов его развития, мировая гармония. В развитии важна перспектива, вера в абсолютные ценности, учет всех составляющих, опора на базовые знания и уровни. Ребенок стремится познать окружающий мир. Для него последовательность родителя является важным параметром взаимодействия. В данной шкале отражается, насколько последователен и постоянен родитель в своих требованиях, в своем отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений и т. д. Непоследовательность родителя может быть следствием эмоциональной неуравновешенности, воспитательной неуверенности, отвергающего отношения к ребенку и т. п. Для такого ребенка важна опора на опыт старшего поколения, поддержка. Мама, относящиеся к другим типам демонстрируют стратегии общения с ребенком, отличные от тех, какие он готов принять и понять.

При сравнении оценок представлений о детско-родительских отношениях подростков из авторитарного сектора (**типы C, D, CD**) и мам других психотипов также были получены статистически значимые различия не по всем шкалам. По шкале 5 (*отвержение – принятие ребенка родителями*) $t = 2,38348$ при $p = 0,04$, а по шкале 10 (*удовлетворенность отношениями*) – $t = 2,40098$ при $p = 0,04$. Для подростков, относящихся к психотипам данного сектора присуще лидерство, власть, стремление к общности, стремление объяснить объективность ситуаций и принципов развития в рамках субъективности бытия, желание воздействовать на окружающих. 5 шкала – отвержение–принятие – отражает базовое отношение родителя к ребенку, его принятие или отвержение личностных качеств и поведенческих проявлений ребенка. Принятие ребенка как личности является важным условием его благоприятного

развития, его самооценки. Можно сделать вывод, что в силу своего авторитарного характера, подростки и родители не могут найти компромисс. Дети пытаются отстоять свою точку зрения, не считаясь с родителями. При этом статистически значимые различия по шкале 10 подростков и мам показали различную степень удовлетворенности своими отношениями.

Надо отметить, что нахождение и родителя и подростка в одном секторе и даже в одном типе не снимает общую проблему подросткового периода, но носит другой характер. Видимо, им бывает договориться легче, поскольку в силу психотипа они выбирают похожие стратегии познания и общения.

Мы решили посмотреть будут ли достоверные различия, если построить таблицы по-другому, объединить результаты не детей одного сектора, а мам. Выявлено, что если родители в типах А, АВ, В (артистический сектор), а дети в других секторах или других типов, то они по-разному оценивают свои представления о детско-родительских отношениях и эта разница статистически подтверждена с помощью t-критерия Стьюдента. Были получены значимые различия по 4 шкале – *эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребенка к родителю* ($t = 2,838440$ при $p = 0,01$) и по 8 шкале – *непоследовательность – последовательность родителя* ($t = 3,048322$ при $p = 0,009$). Для мам, относящихся к артистическому сектору, важным является развитие, отношения с окружающими рассматриваются в свете собственных достижений. Цель – положение в обществе, известность. Шкала 4 (*эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребенка к родителю*) отражает представление родителя о близости к нему ребенка. Дети оценивают свою близость к родителям, свое желание делиться с ними самым сокровенным и важным. Сравнивая данные родителя и данные ребенка, можно судить о точности представлений родителей, о переоценке или недооценке близости к нему ребенка. 8-я шкала – *непоследовательность – последовательность родителя*. Последовательность родителя является важным параметром взаимодействия. В этой шкале отражается, насколько последователен и постоянен родитель в своих требованиях, в своем отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений и т. д. Непоследовательность родителя может быть следствием эмоциональной неуравновешенности, воспитательной неуверенности, отвергающего отношения к ребенку и т. п.

Таким образом, наше исследование показало, что при различных типах личности мам и их детей-подростков представления

о детско-родительских отношениях могут отличаться. Важную роль играют ценности и основные приоритеты психотипа подростков и родителей, которые в свою очередь влияют на представления о взаимоотношении в семье. При нахождении в авторитарном секторе подростка или мамы, наблюдается высокий показатель по шкале авторитарности родителя, они не удовлетворены отношениями друг с другом. Каждый рассматривает свои отношения как систему подчинения, в которой только он занимает лидирующую позицию. Многие подростки не согласны со стилем воспитания, которые применяют к ним родители. При нахождении обоих членов семьи в гуманистическом секторе, увеличивается удовлетворенность отношениями. В большинстве случаев, при нахождении родителя в том же секторе, что и ребенок, были выявлены достаточно высокие показатели по удовлетворенности отношений и эмоциональной близостью. При нахождении подростка в артистическом секторе, а мам в других секторах нет значимых различий в оценках детско-родительских отношениях. Но выявлены значимые различия по шкале эмоциональная близость и непоследовательность при нахождении родителей в данном секторе. Родители представляют свои отношения с ребенком, как игру, в которой все должны занимать активную позицию.

Психологический контакт и доверительные отношения нужны родителям подростков не только, чтобы помочь правильно выбрать цели в жизни, но и помочь преодолевать душевный кризисы.

Таким образом, проблема детско-родительских отношений нуждается в более качественном и всестороннем анализе, т. к. для построения более гармоничных детско-родительских отношений, необходимо учитывать и общие закономерности психологического взросления, и частные проблемы протекания сложных периодов, и особенное в структуре личности и родителей и их детей.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемова Н. Г., Нагибина Н. Л. и др. *Познание и личность: Типологический подход*. М.: Книга и бизнес, 2004.
- Гиппенрейтер Ю. Б. *Общаться с ребенком. Как?* Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003.
- Дольто Ф. *На стороне подростка* / Пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. *Грамматика общения*. 3-е изд. М.: Смысл: СПб.: Питер, 2005.

- Леви В. Л.* Как воспитывать родителей, или Новый нестандартный ребенок. М.: Торобоан, 2002.
- Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983.
- Марковская И. М.* Тренинг взаимодействия родителей с детьми. Санкт-Петербург, 2000.
- Общение и познание / Под. ред. В. А. Барабанщикова и Е. С. Самойленко. М.:Изд-во ИП РАН, 2007.
- Панзарин С.* Ваш подросток от 11 до 14: О том, что творится у него внутри и почему он такой снаружи / Пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008.
- Популярная психология для родителей / Под ред. А. А. Бодалева, А. С. Спиваковской, Н. Л. Карповой. М.: Флинта, 1998.

ОБЩЕНИЕ КАК СПОСОБ РАЗРАБОТКИ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК (НА ПРИМЕРЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ)

*Г. М. Головина, Т. Н. Савченко, Д. В. Сочивко
Институт психологии РАН (Москва)*

В данной статье описан динамический подход к построению диагностических методик в процессе общения.

Б. Ф. Ломов при описании процесса общения выделял следующие функции общения: информационную, регуляционную и аффективную и считал, что «непосредственное общение является важнейшей детерминантой познавательных процессов на всех уровнях» (Ломов, 1984). Именно в процессе общения «информация не только передается, но и формируется, развивается, уточняется».

Данный системный, уровневый подход к исследованию процесса общения был положен нами в основу разработки диагностических методик в процессе общения.

Суть каждой реализации этого метода (конкретной методики) заключается в расщеплении плоского значения того или иного личностного свойства на его движущие противоречивые диалектические составляющие. В итоге получается не биполярное свойство, а четыре возможных его состояния, и далее элементы группы подстановок этих состояний (циклов), из которых шесть циклов являются парными и наиболее устойчивыми. Эти парные циклы представляют собой шесть типов личности по заданному свойству.

Удовлетворенность человека своей жизнью, восприятие качества жизни проявляются в стилях поведения. Стиль поведения мы определяем как характеристику поведения, которая отражает отношение индивида к его внутреннему миру и социальному окружению. Стиль поведения является наиболее общей характеристикой поведения индивида, в отличие от стереотипа поведения, который определяет

его реакцию на конкретные обстоятельства. Эта характеристика позволяет классифицировать индивидов вне зависимости от их этнической или социальной принадлежности.

В нашем подходе стиль представляет собой устойчивое, целостное образование, включающее сознательные и бессознательные механизмы активной и пассивной адаптации человека к среде. Стиль проявляется в зависимости от внутренней организации (индивидуальности) субъекта и среды и выступает одним из поведенческих механизмов. Такой подход предполагает определение внутренней организации через удовлетворенность реальностью и своим состоянием в ней, а внешней организации – через тип социальной адаптации (Толочек, 1992; 2000).

Мы предположили, что стилеобразующими факторами будут удовлетворенность жизнью и отношение к социальному окружению. Сумма этих векторов позволяет выявить готовность к определенному действию, что и определяет стиль поведения индивида (Савченко, Головина 2004; Савченко, 2002).

Причем удовлетворенность – это не субъективная оценка, а соотношение реальных и идеальных ценностных структур: если они значимо не отличаются друг от друга, то удовлетворенность максимальная – нет более целей, нет мотивации, и, наоборот, если идеальные и реальные структуры значимо отличны, то ставятся новые цели и возникает мотивация их достижения (Савченко, Головина, 2004).

Описанный подход к типологии стилей соотносится с теорией пассионарности и стилей поведения Гумилева-Плущевского. Как же этот стиль формируется?

Любое состояние является результатом процесса и адекватным методом является метод моделирования динамики на макроуровне (уровне стиля поведения) на основе результатов моделирования микродинамических процессов, т. е. статические состояния рассматриваются как результат моделирования микродинамики и построения предельных циклов (Савченко, 2005).

Многие исследователи приходят к тому, что уровень развития временной перспективы личности связан с уровнем ее психического и социального развития. Видение жизненной перспективы позволяет ориентироваться на нее при оценке качества жизни, удовлетворенности своей жизнью. С помощью стандартных диагностических методов сложно выявить это видение. Как же выявить эту латентную характеристику?

Данную задачу, как нам кажется, поможет решить исследование внутренней динамики психических состояний (в психологическом времени).

Такой поход предложил Д. В. Сочивко (Сочивко, 2002) и назвал его «психодинамикой». В психодинамической диагностике личность рассматривается как некое пространство состояний, которые постоянно сменяют друг друга. Исследователя интересует не выраженность состояния (например, гнева), а состояние, которое последует за ним (например, гнев сменится страхом), и т. д. В основе психодинамической диагностики лежит эмпирический факт, что человеку свойственно переживать циклы состояний, в обычной ситуации это простые циклы. Это означает, что если за гневом следует страх, с большой вероятностью за страхом последует гнев.

Такая циклическая смена двух состояний со временем становится типичной психодинамикой, типичным циклом личности. Психодинамическая диагностика направлена на выявление типичного цикла тех или иных состояний личности (Сочивко, 2002).

При разработке методик для исследования удовлетворенности жизнью нами делается попытка использовать методы динамической психодиагностики, предложенные Д. В. Сочивко. По существу они предполагают формализованное описание некоторого свойства, которое образуется постоянно повторяющейся, циклической динамикой элементарных состояний в сфере чувств, воли и познания. Использование динамического подхода в психодиагностике позволило реализовать принципиально иной способ построения экспресс-методик. Отличие такой диагностики от традиционной в том, что измеряемое качество не только берется в динамике, но и сам процесс представляется в динамике.

Мы предлагаем вашему вниманию метод построения динамической психодиагностики некоторых аспектов качества жизни личности, который предполагает:

- проведение групповой дискуссии на тему понятия, вынесенного в качестве основного. В данном случае это «субъективное качество жизни», оцениваемое как удовлетворенность человека своей жизнью;
- формулирование основных составляющих понятий «тела» методики;
- формулирование конкретных вопросов будущей диагностической методики и возможных вариантов ответов;

- описание ключа методики – поиск типичного цикла состояний.

Работа с методикой начинается с построения таблицы, каждая клетка которой представляет **состояние**, описываемое как сочетание положительных и отрицательных оценок двух параметров. Понятно, что таких состояний – четыре, они представлены в таблице 1.

В данном случае СКЖ оценивается как общая удовлетворенность жизнью, а в качестве второго параметра может рассматриваться один из параметров СКЖ (например, социальная устроенность).

Таблица 1
Сочетание оценок параметров

Сочетание оценок	Удовлетворен жизнью	Неудовлетворен жизнью
Положительная оценка параметра СКЖ	I	II
Отрицательная оценка параметра СКЖ	III	IV

Каждый вопрос методики представляет описание одной из четырех ситуаций и предложение выбрать один вариант выхода из данной ситуации. Таких вариантов – три.

Таким образом, существует шесть возможных сочетаний из четырех представленных состояний. Переходя мысленно из одного состояния в другое, человек, наконец, возвращается в исходное состояние; цикл завершается. Последний переход называется предельным циклом. Психологический анализ неустойчивого равновесия между первым и последним состояниями позволяет дать название данному динамическому типу личности.

При анализе этой схемы, которая представляет собой сопоставление всех четырех состояний, выделенных участниками тренинга, далее изучается взаимодействие каждого квадрата с каждым и называются собственно динамические типы. Предложенные типы и есть динамические циклы комплексных состояний (подробнее см. Сочивко, 2003).

Далее содержание групповой дискуссии переходит к формулировке вопросов и трех возможных вариантов ответов для определения переходов из одних состояний к другим. В результате работы по представленному алгоритму разрабатывается опросник. Например, если в качестве параметра СКЖ использовать «принятие себя»,

то в результате проделанной работы был предложен следующий опросник.

Опросник

- 1 Представьте себе, что Вы полностью удовлетворены жизнью и собой. Тогда:
 - а) Вы часто думаете, что сейчас кто-нибудь испортит Вам настроение;
 - б) начинает казаться, что Вы слишком уверены в себе;
 - в) у Вас периодически появляется ощущение бессмысленности жизни.
- 2 Если Вы оказались в ситуации, когда Вас никто не понимает, не признает, не ценит,
 - а) понимаете, что на самом деле все хорошо и мир прекрасен;
 - б) начинаете терзаться упреками и самокритикой;
 - в) Вы чувствуете себя бессильным изменить ситуацию.
- 3 Вспомните или представьте ситуацию из жизни, когда Вы думали «Пусть я плох, но у меня все хорошо»:
 - а) Это наводит Вас на мысль «на самом деле я не так и плох»;
 - б) Вы чувствуете, что это несправедливо;
 - в) возникает чувство, что Вы стоите на краю пропасти.
- 4 Представьте себя в ситуации, когда все совсем плохо.
 - а) Вы начинаете чувствовать, что все плохое позади, впереди «белая полоса»;
 - б) уверены, что по крайней мере Вы-то правы, Вы нормальный человек;
 - в) все равно найдется кто-то, кто Вам поможет.

В результате анализа полученных с помощью данного опросника данных, выделяются предельные циклы, которые и характеризуют типы «принятия себя», совместно с «удовлетворенностью жизнью» формируют стили поведения.

Важным представляется тот факт, что изучаемое свойство поведения или личности по началу неизвестен ни одному участнику этого психодинамического мозгового штурма. Это неисследованное свойство получает свое определение одновременно с построением метода его исследования и оценки. В теоретической психологии

много говорилось о взаимодействии прибора измерения с объектом измерения как о явлении типичном для нашей науки, в отличие от физики, где это открытие было революционным, но нам не приходилось встречать систематического учета этой феноменологии на практике. Динамический подход позволяет это сделать. И, второй, важный момент – «динамическая» диагностика позволяет сосредоточиться на тех свойствах личности, которые актуальны для участников группы. Такой подход не только не исследует статические свойства, но даже ставит под сомнение их наличие у любого, наперед заданного человеческого индивидуума. Действительно, откуда мне знать, что мне (или моему испытуемому) реально присуще, например, свойство «доминантности – подчиненности» по тесту Кеттела. Я уже давно особенно никому не подчиняюсь и не над кем не доминирую. По крайней мере, сейчас – здесь и теперь – это свойство может быть никак не включено в текущую психодинамику субстанционального деятеля. Однако статический тест все равно даст ответ не только о наличии у меня этого свойства, но и укажет степень его выраженности. В практике психологов встречаются случаи, когда, обследовав осужденного в зоне и получив его характеристику по тесту в виде компьютерной распечатки, психолог узнает, что он добрый, нежный, отзывчивый, очень тонкий и чувствительный человек, правда, по жизни он убийца четырех человек. Это реальный пример из личного дела с приложенной психологической характеристикой.

Вообще, динамический подход к психодиагностике предполагает разработку и использование методик, которые позволят по устойчивым циклам описать сетевую организацию структуры СКЖ. Согласно Д. В. Сочивко эта сеть имеет структуру силового поля со специфическими силовыми точками, в качестве которых выступают ведущие для данной выборки циклы.

Наиболее простая математическая модель описания динамических типов – это эргодическая цепь Маркова. Переходные вероятности получаются в результате эмпирических исследований. Применение данного подхода позволит составить систему уравнений для определения финальных вероятностей (вероятности нахождения системы в данном состоянии за бесконечное время). Решение полученных систем уравнений определяет экстремальные точки, которые позволят выделить наиболее устойчивые (адаптивные) стили поведения, соответствующие заданной среде.

ЛИТЕРАТУРА

- Головина Г. М., Савченко Т. Н. Влияние экономического фактора на субъективное качество жизни // Проблемы экономической психологии. Т. 1 / Под ред. А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. С. 527–545.
- Головина Г. М. Удовлетворенность жизнью и стили поведения // Материалы Всероссийского съезда Российского психологического общества. СПб.: Российское психологическое общество, 2003.
- Головина Г. М. Структура показателя общей удовлетворенности жизнью // Качество жизни: критерии, оценки. Отечественный и зарубежный опыт. М., 2002. С. 17–19.
- Головина Г. М., Савченко Т. Н. Система показателей и методы оценки качества жизни. М.: Изд-во ИП РАН, 2001.
- Ламов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Савченко Т. Н. Моделирование динамики системных образований психики // Идея системности в современной психологии / Под редакцией В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 99–119
- Савченко Т. Н. Динамика качества жизни и психологический статус // Методы исследования психологических структур и их динамики. М.: Изд-во ИП РАН, 1999. С. 38–53
- Савченко Т. Н. Развитие математической психологии: история и перспективы // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 5. С. 32–42.
- Савченко Т. Н. Моделирование динамики системных образований психики // Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 99–119
- Савченко Т. Н., Головина Г. М. Экология человека: теоретическое и экспериментальное исследование качества жизни. М.: Изд-во ИП РАН, 1996.
- Сочивко Д. В. Расколотый мир М.: Пер сэ, 2002.
- Толочек В. А. Стили деятельности. М.: Измайлово, 1992.
- Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ОБЩЕНИИ С КЛИЕНТАМИ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ф. Е. Иванов*, Е. И. Лопатина**

*Институт психоанализа (Москва)

**Московский гуманитарный университет (Москва)

Все учебные заведения по подготовке специалистов психологического профиля имеют своей целью вложение огромного багажа знаний. Перспективный в плане собственного развития и самосовершенствования новообразовавшийся психолог или психотерапевт многое запоминает, выстраивает собственную внутреннюю систему знания, которая помогает ему ориентироваться в столь большом объеме информации. Но мало что-либо знать, нужно еще уметь всем этим вовремя воспользоваться, переключиться с одного на другое, что-то с чем-то соотнести и т. д. Все сводится к тому, что успешность личностного и профессионального самосовершенствования целиком и полностью зависит от сознательности в управлении собственным развитием, от умения найти к самому себе подход, знать свои сильные и слабые стороны. Уметь замечать и анализировать свои эмоции, чувства и мысли, понимать себя, работать над собой, принять и, наконец, доверять самому себе – это те необходимые этапы развития, через которые должен проходить в течение жизни каждый человек.

«Осознавать» – значит развиваться, поддерживать в тоне свой внутренний мир, как духовный, так и интеллектуальный, значит иметь силы, на то, чтобы преодолевать жизненные трудности. Осознание выступает одновременно и целью, и условием, и результатом. Но каков его механизм действия? Какова глубина? Какие личностные особенности влияют на его протекание?

Рефлексивная культура является основополагающим фактором, регулирующим психическую активность личности, обеспечивающим возможность ее саморегуляции и перераспределения различных внутренних ресурсов. Процесс взаимодействия психотерапевта и клиента – это постоянная рефлексия самой ситуации «здесь

и теперь», складывающихся вокруг нее отношений, рефлексия своих и чужих мыслей, чувств и состояний и т. д. В зависимости от того, насколько широк у психолога или психотерапевта «диапазон действия» рефлексивной культуры, т. е. ее глубина, зависит весь сеанс терапии. Рассмотрим эту ситуацию более подробно.

Рефлексивная культура – это целостная динамическая система отражения человеком смысловых продуктов различных видов рефлексий.

Говоря о «целостности», мы подразумеваем человека как духовное, ментальное и физическое единство в целом. Психотерапевт (глазами пришедшего к нему на прием человека) должен не только казаться гармоничной личностью, готовой разрешить многие внутренние коллизии (как свои, так и чужие), но и *быть* ею.

«Система отражения» в данном контексте понимается нами как способность личности конструировать смыслы, переводить синтаксис в семантику и наоборот. Выдающийся французский математик Жак Адамар в своей работе «Исследования психологии процессов изобретательства в области математики» опровергал тезис, согласно которому вербализация необходима нам для формирования мысли. Соглашаясь с опровержением этого тезиса, Альберт Эйнштейн в своем письме к Адамару пишет:

«Слова или язык, как в устной, так и в письменной форме, по-видимому, не играют никакой роли в механизме моего мышления. Психические сущности, которые, по-видимому, и являются составляющими элементами мысли – это определенные знаки и, более или менее, отчетливые образы, которые могут «произвольно» воспроизводиться и комбинироваться по собственному желанию... Общепринятые слова или другие знаки мне приходится подбирать только на второй стадии, когда упомянутые ассоциативные связи приобретают отчетливые очертания и могут быть воспроизведены по моей воле» (Пенроуз, 2005).

Перевод своих мыслей на язык слов зачастую претерпевает некоторые трудности. Главной причиной становятся нечеткие понимание и дифференциация собственного чувства, размытость выделения в нем какой-то основной доминанты, определяющей направленность всего нашего сознания, направления наших мыслей. Подбор адекватного термина, способного «означить» нашу мысль или состояние, становится лишь второй задачей. Выстраивание общего смыслового пространства в психотерапевтическом процессе предполагает умение психотерапевта изъясняться на языке своего

клиента, т. е. максимально четко доносить до сознания клиента свои собственные мысли, чувства и т. д. удобными для него (клиента) фразами, используя его речевые обороты. Психотерапевт должен вовремя почувствовать, на что сделать упор в своей речи для ее более эффективной репрезентации в сознании клиента: на семантическую составляющую текста или на ее внешнюю структуру, эффектность. Конечно, лучше всего задействовать обе особенности, но это подразумевает наличие хорошо развитой рефлексивности самого клиента.

Результатами или «смысловыми продуктами» могут быть дифференцированные образы различных подструктур своего или чужого «Я», осознанные мотивы своего или чужого поведения, адекватно подобранный и своевременно использованный алгоритм действий для решения той или иной ситуации и т. д. Следовательно, в зависимости от того, на что обращено внимание человека, мы говорим о видах рефлексии:

- коммуникативная,
- кооперативная,
- синтетическая (экзистенциальная, культуральная),
- интеллектуальная (экстенсивная, интенсивная, конструктивная),
- личностная (ситуативная, ретроспективная, перспективная).

Если допустить, что целью рефлексии является понимание (представленное в виде осознания, осмысления или переживания), то процесс рефлексии сводится к тому, чтобы в случае какой-либо проблемно-конфликтной ситуации эффективно соотнести новые знания со своими представлениями о должном. Так или иначе, результатом понимания становится построение ментального или чувственного образа. «Гибкость» и динамичность развитой системы представления как раз и состоит в том, чтобы уметь синтезировать смысловые продукты различных видов рефлексий в единый целостный мысл-образ. Адекватность синтеза становится тем успешнее, чем быстрее протекает скорость мысли. Одна из главных задач психотерапевта состоит в том, чтобы актуализировать у клиента механизмы рефлексии: осмысление, переосмысление и преобразование, т. е. помочь ему выйти за рамки своего обычного повседневного понимания.

Рефлексия как процесс переосмысления включает в себя 5 этапов:

- 1 Актуализация смысловых структур «Я» при вхождении субъекта в проблемно конфликтную ситуацию и при ее понимании;

- 2 Исчерпание этих актуализировавшихся смыслов при апробировании различных стереотипов опыта и шаблонных действий;
- 3 Их дискредитация вплоть до полного обесмысливания в контексте обнаруженных субъектом противоречий;
- 4 Инновация принципов конструктивного преодоления этих противоречий через осмысление целостным «я» проблемно-конфликтной ситуации и самого себя в ней как бы заново – т. е. фаза «переосмысления»;
- 5 Реализация нового смысла (Степанов, Семенов, 1985).

Тем не менее, утверждать, что успешность психотерапевтического процесса зависит лишь от степени развитости рефлексивности специалиста, было бы не правильно. Для наглядности рассмотрим таблицу 1. В ней проанализированы наиболее важные, на наш взгляд, аспекты рефлексивной культуры, необходимые для обоих участников процесса.

Можно заключить, что процесс взаимодействия психотерапевта и клиента сводится к выстраиванию общего смыслового пространства, по которому психотерапевт осторожно водит своего клиента.

Вспомним знаменитую экранизацию повести «Пикник на обочине» Бориса и Аркадия Стругацких, поставленную Андреем Тарковским. В сущности, психотерапевт – это «Сталкер». Он осторожно продумывает каждый шаг в поисках «волшебной комнаты», показывающей сущность человека и, вместе с тем, исполняющей заветное страданное желание.

Чтобы добраться до этой комнаты и «Сталкеру» (психотерапевту), и идущему рядом с ним человеку нужно приложить много усилий, терпения и осторожности. Каждый раз Сталкер дает направление движения, отклоняться от которого опасно. Саму «комнату» (причину проблемы) видно уже практически в самом начале пути, но дойти до нее напрямик, не приложив усилий для ее достижения, не просчитав, а, скорее всего, не почувствовав нужного направления, нельзя. «Самый прямой путь не значит короткий: чем дальше, тем меньше риска».

«Зона – это сложная система ловушек: бывшие ловушки исчезают, появляются новые, безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и легким, то запутывается до невозможности». Психотерапевтический процесс состоит в том, чтобы пробраться сквозь тернии неосознаваемых защитных механизмов (сквозь «Зону») и осознать проблему, побудившую ее причину.

ТАБЛИЦА 1
РЕФЛЕКСИВНАЯ КУЛЬТУРА ПСИХОТЕРАПЕВТА И КЛИЕНТА

Почему так важна рефлексивная культура?	
Для психотерапевта	Для клиента
<p>возможность гибкого перехода (и последующей адекватной интерпретации) как минимум между шестью позициями, характеризующими взаимное отображение субъектов психотерапевтического процесса: (П – психотерапевт)</p> <ul style="list-style-type: none"> • сам П, каков он есть в действительности; • П, каким он сам себя видит; • П, каким он видится другому человеку; • позиция № 1, но со стороны другого субъекта; • позиция № 2, но со стороны другого субъекта; • позиция № 3, но со стороны другого субъекта; 	<p>возможность: более глубокого погружения в свой внутренний мир; найти, почувствовать и актуализировать в себе скрытые ресурсы; выстроить систему саморегуляции;</p>
<p>возможность точно дифференцировать и затем вновь синтезировать смысловые продукты различных видов рефлексий в единый целостный мыслеобраз;</p>	
<p>возможность оказания разного рода воздействия, с целью донесения до клиента какой-либо информации, путем выделения в ней акцентов семантической или синтаксической части;</p>	<ul style="list-style-type: none"> • извлечь больше смысла из сказанного терапевтом; • пользоваться новым знанием/умением/навыком за пределами сеанса терапии;
<p>возможность тонкого лавирования между защитами клиента (и при этом отслеживания проявления своих собственных защит);</p>	<ul style="list-style-type: none"> • понять действие своих неосознаваемых защитных механизмов, уловить момент (причину) их проявления;
<p>возможность представления потенциальных вариантов исхода событий, реакций клиента и т. д.</p>	<p>развитая рефлексивная культура определяет глубину и дифференцированность образной сферы, давая возможность пережить событие, извлечь опыт через представление его в образе.</p>

Чем выше у психотерапевта рефлексивная культура, тем «тоньше» он поймет или прочувствует чужую проблему, тем насыщеннее в плане переживаний он сможет организовать процесс взаимодействия, а главное, тем осознаннее его собственные защитные механизмы.

По рассуждениям Нэнси Мак-Вильямс, термин «защита», используемый в психоаналитической теории, во многих отношениях неудачен, поскольку то, что мы называем защитами у зрелых взрослых людей – это закономерные, адаптивные способы переживания мира (Мак-Вильямс, 2001). Основной целью психологической защиты является построение системы стабилизации личности. Благодаря своей динамичности она позволяет свести к минимуму (а зачастую и вовсе устранить) отрицательные эмоции, тревоги, угрызения совести, все то, что, так или иначе, может привести к возникновению переживаний, образующихся сразу же после критического рассогласования картины мира с новой информацией. Такая выстроенная система барьеров обдвигают работу фантазии, делая ее «однобокой» и заключая ее в рамки. Интуитивный канал получения знания так же попадает под ограничения, выражаясь в том, что, замечая какие-либо «знаки» свыше, человек начинает их наделять чем-либо, что лишний раз убеждает его в своей искаженной правоте. Он отказывается увидеть в них что-то хорошее, либо вообще пытается сразу забыть замеченное. Нельзя утверждать, что такие барьеры выполняют только отрицательную функцию. Они *«конденсируют, фокусируют, собирают мысль, не позволяя ей чрезмерно растекаться... поэтому вопрос должен стоять не о снятии барьеров, а об их оптимальном расположении и допустимой высоте, с тем чтобы ограничить движение мысли по одним направлениям и освободить другие»* (Грановская, Березная, 1991).

Приходя со своим вопросом или проблемой к психотерапевту, клиент «плавает» в своих защитных механизмах. Чем глубже он «погружается», тем искаженнее первоначальная информация. Но, с другой стороны, тем адаптивнее к собственному внутреннему миру становится субъект.

В настоящее время принято выделять более 50 видов психологических защит. Проведенные нами исследования показали, что рефлексивная культура определяет гибкость, адекватность и зрелость защитных механизмов: высокоразвитая рефлексивная культура обеспечивает своевременность защитных реакций, вариабельность их проявления. Большинство авторов к зрелым механизмам относят такие, которые, допуская до сознания информацию, искажают ее: интеллектуализацию, рационализацию, сублимацию, компенсацию. К незрелым – отрицание, регрессию, вытеснение, проекцию, т. е. те механизмы, основной задачей которых является защита сознания от попадания в него информации (расцениваемой личностью как травмирующая).

Но помимо положительного влияния высокоразвитой рефлексивности на проявление этих механизмов, существует не менее сильное отрицательное действие. Проявляется оно следующим образом: насколько разносторонне и глубоко личность может вникнуть в ту или иную проблему, уметь рассмотреть ее в разных планах бытия и сферах жизни, настолько же разносторонне и глубоко она воспринимает всю ее боль. Так же, как можно найти в себе массу источников, богатых ресурсами, так же можно и ощутить всю горечь и истощение.

В зависимости от «положительной» или «отрицательной» направленности рефлексии, ее диапазон действия позволяет: либо ощутить и возрадоваться всей прелести Жизни и всем ее граням, либо (с не меньшей интенсивностью) – погрузиться во мрак и отчаянную безнадежность. Рефлексивность «помогает» не находить множество причин, а эмоционально и чувственно переживать их, в них погружаться. Рефлексия из «инструмента» превращается в «среду», в которой этот инструмент обычно работает, в своеобразную «камеру душевных пыток» личности. Работа психотерапевта должна быть направлена на то, чтобы, во-первых, показать преимущества иной системы отношений, а, во-вторых, помочь такой личности возродить в самой себе инструментальный подход к своим возможностям.

Таким образом, мы приходим к следующему определению: **рефлексивная культура – это способность личности к произвольному представлению себя в различных психологических отношениях.**

По мнению В. Н. Мясищева, психологические отношения человека в развитом виде – это целостная система индивидуальных, избирательных (проявляющихся в эмоционально-оценочном смысле), основанных на опыте сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности, выражающаяся в ее действиях, реакциях и переживаниях, формирующихся в процессах деятельности. Процесс деятельности всегда развивается на определенном функционально-динамическом фоне состояния и по уровню своей активности определяется отношением к объекту как к задаче или цели деятельности (Мясищев, 1998).

Именно отношение является одной из основных движущих сил личности. Возможности человека значительно расширяются, когда он сам волен конструировать то, из чего может потом выбирать, сознательно регулировать разные стратегии своего поведения. Рефлексивность позволяет реализовать одну из характеризующих отношение особенностей, а именно – избирательность.

Выражать свое отношение к чему-либо, значит – наделять его сознательностью, чувством и волей. Волевым решением, управляя своей рефлексивностью, мы сознательно представляем себя с другими, характеризующими нашу личность, особенностями, реализуя в каждый конкретный момент времени то их сочетание, которое наиболее адекватно требованиям среды и наименее травмирующе для нас самих.

«„Зона“ такова, какой мы ее сами сделали своим состоянием. Были случаи, когда людям приходилось возвращаться с пол дороги не солоно хлебавши, были и такие, которые гибли у самого порога „комнаты“. Но все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас! ..она пропускает тех, у кого надежд больше никаких не осталось, не плохих или хороших, а несчастных, но даже самый несчастный погибает здесь в два счета, если не умеет себя вести!» (Стругацкий, Стругацкий, 1986).

В «Зоне» не возвращаются тем путем, каким приходят. Психотерапевт помогает клиенту преодолеть сложную ситуацию жизни, извлечь из нее опыт и пользу. Преодоление трудных жизненных ситуаций непременно ведет к развитию личности.

В работах как российских, так и зарубежных ученых принцип развития трактовался как взаимосвязь изменений психологических явлений и порождающих их причин. При этом принималась во внимание зависимость происходящих преобразований психических явлений от их включенности в целостную систему. Так или иначе, психотерапевтический процесс приводит к новообразованиям в структуре личности клиента, характеризующимся:

- необратимостью изменений,
- их направленностью,
- закономерностью преобразований,
- их трансформацией от этапа к этапу развития,
- «надстраиванием» новых преобразований над предшествующими, имеющими не только количественные,
- но и, прежде всего, качественные параметры (Петровский, Ярошевский, 1998).

Жизнь – постоянное движение, изменение психической деятельности, как естественная реакция на взаимодействие человека с действительностью. Именно развитие выражает способ существования психического как системы. Ее целостность и дифференцированность возникают, формируются и преобразуются в ходе развития

индивида, которое, в свою очередь, выступает как полисистемный процесс. Психическое развитие характеризуется движением оснований, сменностью детерминант, возникновением новых свойств или качеств, преобразованием структуры целостности и т.д. (Барабанщиков, 2003). Развивать рефлексию, значит все больше и больше погружаться и изучать свой внутренний мир. **Рефлексия – это уникальный индивидуальный способ примирения души и ума посредством внутренней душевной и ментальной активности, приводящий к новообразованиям в личности.**

ЛИТЕРАТУРА

- Барабанщиков В. А.* К 30-летию Института психологии РАН. Системная организация и развитие психики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 29–46.
- Грановская Р. М., Березная И. Я.* Интуиция и искусственный интеллект. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та. 1991.
- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2001.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений. Воронеж, 1998.
- Петроуз Р.* Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / Пер. с англ. Под общ. ред. В. О. Малышенко. Предисл. Г. Г. Малинецкого. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2005. (Синектика: от прошлого к будущему)
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии М.: ИНФА-М, 1998.
- Степанов С. Ю., Семенов И. Н.* Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.
- Стругацкий А., Стругацкий Б.* Пикник на обочине. М., 1986.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ОБРАЗОВАНИИ

Н. Л. Нагибина^{}, Н. Г. Артемцева^{**}*

^{} Институт психоанализа (Москва),*

^{**} Институт психологии РАН (Москва)

Мировой тенденцией развития образования в третьем тысячелетии является внедрение информационных технологий в учебный процесс. Особую роль играет в этом процессе Internet, как основная инфраструктура для интерактивного обмена информацией в современном обществе. Преподавателям известны проблемы, связанные с организацией учебного процесса, особенно с проведением психологических практикумов для студентов: не всегда есть компьютерные классы и программное обеспечение тех или иных дисциплин. Во всем мире уже не возникает вопрос о техническом обеспечении распространения дистанционных технологий обучения – обсуждается вопрос об изменении ментальности преподавательского, управленческого и административного персонала в использовании таких технологий в образовании. В последнее время в Интернете созданы сайты, посвященные дистанционному обучению студентов различным профессиям. Однако в предлагаемых там программах не учитывается дифференциальный подход к личности преподавателя и студента. Персонализация образования своей конечной целью полагает, что каждый студент должен состояться как личность в стенах вуза всеми возможными путями и способами. В этом смысле процесс обучения должен давать возможность будущему специалисту построить свою индивидуальную стратегию и траекторию образования с учетом способностей и мотивационно-ценностной и познавательной сферы личности. Особую роль в этом случае играют соответствующие технологии построения, организации и реализации образовательного процесса в вузе.

Именно интернет-технологии обладают наибольшими возможностями во внедрении программ дифференцированного обучения.

В программах интернет-обучения возможность учесть темп усвоения материала, работоспособность учащегося, его когнитивный стиль, предпочитаемые стратегии развития и даже мотивацию становятся реальными. Информационные технологии сегодня в основном реализуются в русле интеллектуальных систем обучения.

Интеллектуальные системы обучения отличаются такими особенностями, как адаптация к знаниям и особенностям учащегося, гибкость процесса обучения, выбор оптимального учебного воздействия, определение причин ошибок учащегося. Для реализации этих особенностей применяются методы и технологии искусственного интеллекта.

Структура интеллектуальных систем обучения содержит общие и специальные знания трех классов: о предметной области; о стратегии обучения; об учащемся (модель обучающегося).

В интеллектуальных системах обучения эти знания представлены в соответствующих базах знаний с помощью различных методов и средств. При этом выстраивается определенная модель обучающегося, в которой выделяются три компонента, каждый из которых включает процедурную и декларативную составляющую: 1) база знаний обучающегося; 2) диагностика его знаний и выполняемых заданий; 3) алгоритм формирования новых заданий. Модель обучающегося постоянно обновляется в ходе обучения в соответствии с изменениями отражаемых ею характеристик обучаемого.

Рассмотрение вопросов о том, как учатся учащиеся разных типов личности, как их учить и как учат преподаватели разных типов связана с проблемой обеспечения соответствия обучения индивидуальным стилям учения. Одним из важнейших факторов указанного соответствия является *тип личности учителя*, т. к. то как учит учитель определяется его типом. Рационалы, стремящиеся к упорядоченности и структуре, полнезависимые и аналитики строят обучение систематично, структурно, «по правилам и о правилах». Иррационалы, стремящиеся к нерегламентируемой деятельности, полнезависимые, индуктивные и синтетичные хорошо работают с несистематизированным материалом, не имеют трудностей с обучением исключениям, вероятностным характеристикам и нарушениям системности. Это было показано в ряде экспериментов, проводимых нами в нескольких вузах.

Например, для подтверждения **гипотезы**, что *отношение к организации учебного процесса при обучении английского языка рациональных типов личности отличается от отношения иррациональных*

тивов, было проведено эмпирическое исследование. Нами специально для этого исследования был создан опросник. **Опросник** содержит пять вопросов:

- 1 Какими качествами должен обладать преподаватель?
- 2 Какой должна быть подача материала?
- 3 Какие практические задания были бы оптимальными?
- 4 Какие дополнительные средства помогли бы лучшему восприятию материала?
- 5 Каким должно быть отношение «студент–преподаватель»?

Испытуемые. В исследовании принимали участие 76 человек, слушатели курсов английского языка, в возрасте от 20 до 45 лет, мужчины и женщины.

Условия проведения. На первом этапе испытуемым для диагностики рациональности – иррациональности давалась часть опросника Майерс-Бриггс (шкала рациональность–иррациональность) и экспресс-диагностика на определение рациональной и иррациональной направленности личности по Нагибиной. На втором этапе испытуемым предъявлялся опросник. Предлагалась инструкция: письменно ответьте на следующие вопросы: лаконично, две-три фразы.

Обработка и обсуждение результатов. В результате обработки ответов на опросник Майерс-Бриггс и на вопросы экспресс-диагностики психологического типа все испытуемые были поделены на три группы: рациональные, иррациональные и смешанные (у которых рациональная и иррациональная функции находятся в равновесии). Дальнейшей обработке были подвержены две группы: рационалы и иррационалы, т. к. у смешанных типов и отношение к обучению комплексное.

Все ответы на вопросы о методах преподавания английского языка были объединены в два семантико-лексических ряда. Один ряд – все высказывания иррационалов, другой – рационалов. Полученные таким образом лексические ряды были подвержены контент-анализу, в результате которого были получены наиболее употребляемые слова и понятия для рационалов и иррационалов.

Испытуемые с доминирующей **рациональной** установкой в познании отметили:

- структурность и четкость, примеры важны, но не должны надолго отвлекать от основной темы, без «растекания мыслями по древу»;

- тестирование;
- дискуссия студентов с преподавателем, чтоб было живое общение на изучаемом языке;
- различная литература, компьютер, консультации с преподавателем;
- преподаватель и студент должны в первую очередь выполнять свои обязанности: преподавать и воспринимать. Никаких других отношений быть не может, только уважение и понимание.

С доминирующей **иррациональной** установкой в познании:

- материал должен даваться по принципу «от простого к сложному»;
- образные презентации очень помогают усвоению новых слов и даже целых фраз;
- использование анекдотов и юмористических зарисовок на изучаемом языке;
- рисунок, дискуссии, обсуждения, доклады;
- видео, компьютер, наглядный материал,
- 50/50 – часть материала дает преподаватель, часть студент заучивает самостоятельно и затем разбирает на семинаре, вместе с преподавателем.

Как видно, рационалы предпочитают системный подход в изучении английского языка, для них материал проще воспринимать, если он подается структурировано, в схемах и с четко выраженной системой. Также для них важно сохранение дистанции с преподавателем и ее соблюдение.

У иррационалов же выявляется другая тенденция – для них предпочтительнее, когда материал преподносится в более легкой и «живой» форме, с примерами из жизни, с юмором. Для них также важен эмоциональный настрой преподавателя, для лучшего усвоения и восприятия иностранного языка им важны и неформальные встречи, где они не подвергаются жесткой системе и могут расслабиться, вступить с преподавателем в дружеские отношения, так как только при таком условии они чувствуют себя более свободно.

Этот же опросник использовался в другом эмпирическом исследовании, проведенном по такому же алгоритму. *Гипотеза* нового этапа – *предпочтения стилей обучения психологии у представителей рациональных и иррациональных типов личности отличаются.*

Испытуемые: 94 человека, студенты старших курсов психологических факультетов Института психоанализа, МосГУ, МГУДТ.

Условия проведения такие же, как описано выше. Результаты исследования в значительной мере совпадают с результатами исследования, проведенного в группах английского языка. Однако есть и специфические мнения, обусловленные предметом изучения (психологией). Так, **рационалы** отмечают такие предпочтения:

- структурированное представление учебного материала в виде схем, презентации, большого иллюстративного материала;
- самостоятельные опросы и проведения тестов, их последующая обработка и собственные выводы;
- обсуждения, задания, которые помогли бы понять, насколько хорошо и правильно понят материал.

Для **иррационалов** оказалось особенно важным:

- материал представляется «на память», «добрым» (не раздраженным) голосом;
- больше тестов на самом себе и окружающих.
- примеры из личной или неличной жизни на тему предмета.

Как видно, рационалы предпочитают системный подход в изучении и английского языка, и психологии. Для них материал проще воспринимать, если он подается структурировано, в схемах и с четко выраженной системой. Также для них важно сохранение и соблюдение дистанции с преподавателем.

У иррационалов же выявляется другая тенденция – для них предпочтительнее, когда материал преподносится в более легкой и «живой» форме, с примерами из жизни, с юмором. Для них также важен эмоциональный настрой преподавателя, для лучшего усвоения и восприятия изучаемого предмета им важны и неформальные встречи, где они не подвергаются жесткой системе и могут расслабиться, вступить с преподавателем в дружеские отношения, так как только при таком условии они чувствуют себя более свободно.

Однако надо отметить, что для всех обучающихся вообще крайне важным оказываются дискуссии с преподавателем, его открытое общение со студентами.

Естественно, при несовпадении типа учения учащегося с типом обучения преподавателя, учащийся будет испытывать большие трудности. Здесь принципиально остается неизменным положение

о невозможности эффективного обучения при наличии у преподавателя типа личности не совпадающего с индивидуальностью учащегося. Однако это положение нуждается в анализе и прояснении. Обучение – это многообразная и многоуровневая деятельность. Она осуществляется не только непосредственно через общение учителя с учениками, но и опосредованно – через учебники, пособия, средства обучения. Медийные обучающие материалы (учебники, учебные пособия и т. п.) создают преподаватели-авторы, которые делают это по своему усмотрению, обусловленному своим типом познавательной деятельности и ценностных ориентаций. Естественно, что одни учебники и учебные пособия, а также контрольные задания по предметам будут соответствовать определенным типам личности их авторов и типам личности части учителей и учеников, а другие – другим типам личности авторов, учителей и учеников.

Есть основание считать, что преподаватели смогут обучать учащихся с типами личности, отличными от их собственных. Если самостоятельное создание учебного курса, материалов, методик и приемов обучения это затруднительно, то, по крайней мере, можно использовать уже имеющиеся обучающие программы и системы, разработанные другими преподавателями соответствующих типов. В программах интернет-обучения становится реальной возможностью учитывать темп усвоения материала, работоспособность учащегося, его когнитивный стиль, предпочитаемые стратегии развития и даже мотивацию. Использование интернет-технологий в процессе подстройки стилей учения и обучения делает дифференцированный подход в обучении вполне удобным и приемлемым для всех участников процесса учения-обучения по многим причинам:

- Экономия ресурсов – времени, средств, помещения, оборудования и т. д.
- Возможность изучать материал наиболее приемлемым для учащихся способом и в самое удобное для них время.
- Возможность выбора языка, на котором будет проходить обучение.
- Доступ образования из любой точки страны и даже мира.
- Учащиеся являются не просто пассивными слушателями, как это бывает во время лекционных занятий в аудитории, а являются равноправными союзниками преподавателя, т. е. они могут по ходу восприятия информации вносить свои

предложения, выбирать более близкого по типу личности преподавателя, обсуждать происходящее с другими участниками учебного процесса.

- Свободное общение через средства Интернета дает быструю обратную связь и возможность задавать искренние вопросы, не опасаясь выглядеть глупым или невеждой.
- Возможность несколько раз возвращаться к уже пройденному материалу, не отвлекая на это других студентов и преподавателя.

До сих пор ведутся споры о том, насколько значимыми являются некоторые ограничения, накладываемые особенностями интернет-образования. Наряду с очевидными достоинствами Интернет-обучения существуют и некоторые недостатки:

- Отсутствие или ослабление воздействия преподавателя, т. е. общения лицом к лицу.
- Сложность создания программ: особые требования к разработчикам учебного материала и умение работать в соавторстве с программистами и веб-дизайнерами.
- Сложность корректировки уже созданных программ.
- Зависимость от надежности работы технических и программных средств.

Существуют и чисто технические проблемы, например, восприятие текста с экрана для многих студентов является очень сложной задачей, т. к. не дает возможности видеть весь текст целиком и отвлекает внимание на работу с «мышкой» или клавиатурой.

Однако многие трудности, возникающие при создании интернет-программ преодолимы. Все эти недостатки можно нивелировать, если при составлении программы учитывать разные типы личности студентов. Вместе с дальнейшим распространением Интернета будут совершенствоваться и обучающие Интернет-программы.

Безусловно, такой вид обучения имеет большие перспективы.

Учебный материал излагается при интернет-обучении в различном виде: текстово-информационном, в виде диалогов видных ученых по изучаемой проблеме, в виде ассоциативных визуальных образов и, наконец, в виде учебного фильма. Перекрестные ссылки дают возможность легко переходить от одного варианта подачи материала к другому. Проверка усвоения полученных знаний проходит в виде тестовых вопросов с обратной связью, а также

как практические упражнения, выполняемые в режиме «онлайн». Тренировки больше похожи на игры с соревновательным элементом.

Виртуальная учебная часть руководит процессом усвоения материала. В базе данных фиксируются все действия каждого учащегося: время работы с каждым заданием, количественные и качественные особенности усвоения теоретического материала и практических навыков.

На чатах, форумах и блогах виртуальной учебной части обсуждаются все проблемы, возникающие при усвоении материала.

Обязательным условием проведения занятий является выход и Интернет в определенный день и в определенное время (соответственно расписанию занятий). Для студентов, не имеющих доступа к скоростному Интернету, вузом предоставляется возможность доступа к интернету из учебных компьютерных аудиторий.

В настоящий момент прошли апробацию программы по курсам «Дифференциальная психология», «Визуальная диагностика» и «Психология искусства: типологический подход». Обратная связь от студентов показала высокую популярность и результативность данных программ.

При создании программы обучения визуальной диагностике с учетом темпа усвоения материала, работоспособности учащегося, его когнитивного стиля и предпочитаемых стратегий развития, мы специально предоставили возможность студентам вступить в открытую дискуссию с преподавателями после окончания курса. Целью дискуссии было получения обратной связи о качестве преподавания этого курса. Студентам 5-го курса вечернего отделения и 3-го курса дневного отделения факультета психологии МосГУ (всего прошли обучение курсу 85 человек) в начале курса была предложена экспресс-диагностика на определение рациональной и иррациональной направленности личности по Нагибиной, а в конце курса – ряд вопросов, касающихся достоинств и недостатков такой формы обучения. Таким образом, мы смогли узнать не только общее мнение об учебном курсе, но мнения рационалов и иррационалов. К основным недостаткам были отнесены вопросы технического характера (напр., не все студенты являются продвинутыми пользователями РС). Положительно отмечено студентами учет их индивидуальности и возможность самостоятельного выбора наиболее удобных форм учения. **Рационалы** отметили, что «материал излагается четко, структурировано, одно вытекает из другого; Структура ясна и понятна; Структурированный и представлен в виде схем». **Иррационалы**

говорили о том, что очень полезны «наглядные примеры, практические задания, дискуссии на определенную тему из лекции; подача материала в виде образной презентации». И те, и другие особенно отметили положительное влияние на усвоение материала возможность открытого общения преподавателя со студентами.

Как показывает практика, современный студент хочет не только получить диплом, но знать и уметь. Он легко осваивает компьютерные технологии в обучении, при этом качество усвоения материала возрастает в связи с усилением объективной оценки полученных знаний и умений и уходом от пристрастной позиции преподавателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемцева Н. Г.* Психологические типы личности в контексте обучения визуальной диагностике // Знание. Понимание. Умение. Изд-во МосГУ. 2008. № 2.
- Аугустинавичюте А.* Соционика. В 2 т. М., 1998.
- Нагибина Н. Л.* Психологические типы личности: влияние на музыкальную деятельность и обучение музыке: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2002.
- Общение и познание / Под. ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.

«ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ» В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Е. Петракова

Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)

В докладе представлено исследование восприятия тележурналистами и зрителями-подростками друг друга и самих себя как субъектов телевизионного взаимодействия. По его результатам конструируется категориальная структура образов восприятия и самовосприятия и выявляются особенности образа «значимого другого» в телевизионной коммуникации.

Телевидение создает особый вид реальности – символическую или квазиреальность общения, которая использует тот же язык символов, образов, что и обыденное сознание человека (Матвеева, Анисеева, Мочалова, 2002). Телевизионный автор инициирует телевизионное общение, создает коммуникативное сообщение на основе имеющегося у него представления об аудитории и заканчивает свое участие во взаимодействии со зрителем в момент завершения работы над телепередачей. Зритель же вступает в телевизионное взаимодействие, когда включает телевизор. При этом зритель выстраивает образ своего собеседника (автора) и самого себя, а также воспринимает смысл сообщения на основе предложенного телевизионного материала.

Основные потребности личности в период самоопределения (11–20 лет), это – выбор профессии и развитие межличностных отношений. В круг значимых для современного подростка людей, способных повлиять на личностное развитие, входит телевизионный герой. В проведенном нами совместно с факультетом журналистики и при содействии кафедры возрастной психологии факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова исследовании особенностей образной регуляции телевизионного взаимодействия авторов и зрителей-подростков был осуществлен сравнительный анализ

категориальных структур восприятия себя и другого у авторов и зрителей как субъектов телевизионного общения.

В исследовании принял участие 191 человек. Из них тележурналистов – 107 человек; подростков – 84 человека. Возраст респондентов-подростков – от 13 до 18 лет. Возраст тележурналистов – от 18 до 62 лет.

В исследовании восприятия образа «я» и образа «другого» в каждой группе было выделено по пять факторов (см. таблицы 1, 2).

ТАБЛИЦА 1

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗОВ АВТОРА И ЗРИТЕЛЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПЕРЕДАЧИ В ГРУППЕ ПОДРОСТКОВ (В ПРОЦЕНТАХ УКАЗАН ОБЪЕМ ОБЪЯСНЯЕМОЙ ФАКТОРОМ ДИСПЕРСИИ ВСЕХ ДАННЫХ, «ВЕС» ОБОЗНАЧАЕТ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД ШКАЛЫ В ФАКТОР)

Фактор 1 17,7%	вес	Фактор 2 15,8%	вес	Фактор 3 10,6%	вес
Сексуальный–несексуальный	81	Добрый–злой	85	Хулиган–зануда	75
Обаятельный–отталкивающий	75	Наивный – «себе на уме»	74	Тактичный–назойливый	67
Красивый–некрасивый	73	Добросердечный–жестокый	65	Сильный–слабый	62
Энергичный–вялый	67	Свой–чужой	60	Не раздражающий – раздражающий	60
Оптимист–пессимист	53	Оптимист–пессимист	57	Выразительный–невыразительный	60
С чувством юмора – без чувства юмора	52	Улыбчивый–серьезный	48		
Улыбчивый–серьезный	50				
Фактор 4 10,1%	вес	Фактор 5 9,1%	вес		
Воспитанный–равнодушный	80	Модный – не модный	81		
Умный–глупый	67	Выразительный–невыразительный	63		
Организованный–неорганизованный	64	Добросердечный–жестокый	44		

Анализируя расположение оцениваемых объектов относительно выявленных факторов, можно заключить следующее. Подросток воспринимается журналистами как «чужой», социально незрелый и как пассивный участник коммуникации. В определенной мере и подросток воспринимает тележурналиста как закрытого, «чужого». Доминирующими характеристиками образа телекоммуникатора как Значимого другого оказываются личное обаяние, выразительность внешнего облика и демонстративность поведения. Для теле-

ТАБЛИЦА 2

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗОВ АВТОРА И ЗРИТЕЛЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПЕРЕДАЧИ В ГРУППЕ ЖУРНАЛИСТОВ (В ПРОЦЕНТАХ УКАЗАН ОБЪЕМ ОБЪЯСНЯЕМОЙ ФАКТОРОМ ДИСПЕРСИИ ВСЕХ ДАННЫХ, «ВЕС» ОБОЗНАЧАЕТ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД ШКАЛЫ В ФАКТОР)

Фактор 1 19,7%	вес	Фактор 2 15,3%	вес	Фактор 3 11,0%	вес
Свой-чужой	81	Организованный-неорганизованный	71	Сексуальный-несексуальный	80
С чувством юмора – без чувства юмора	78	Воспитанный-развязный	70	Красивый-некрасивый	61
Умный-глупый	71	Добрый-злой	61	Модный – не модный	57
Обаятельный-отталкивающий	70	Тактичный-назойливый	61	Сильный-слабый	54
Энергичный-вялый	61	Добросердечный-жестокый	59		
Не раздражающий – раздражающий	55	Зануда-хулиган	58		
Фактор 4 8,8%	вес	Фактор 5 8,4%	вес		
Улыбчивый-серьезный	79	«Себе на уме» – наивный	77		
Оптимист-пессимист	67	Сильный-слабый	54		
Добрый-злой	41	Тактичный-назойливый	44		

журналистов же образ зрителя оказывается в некотором роде «анти-идеалом». Одновременно с этим можно наблюдать психологическую дистанцированность субъектов телевизионной коммуникации друг от друга.

ЛИТЕРАТУРА

Матвеева Л. В., Анисеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. Москва, РИП-холдинг, 2002.

РАБОТА ПСИХОЛОГА ПО КОМАНДООБРАЗОВАНИЮ

Л. Ф. Мальгина, А. В. Мальгина

Инновационный Евразийский университет (Казахстан, Павлодар)

В современной психологии управления происходит переход от технократической философии к гуманистической, в основе которой лежит приоритет самореализации человека. При этом возрастает роль личности и от ее квалификации, деловой активности, умения взаимодействовать с другими сотрудниками и достигать социально значимого результата зависят судьба и перспективы развития предприятия. Поэтому одним из наиболее востребованных личностных качеств, наряду с профессионализмом, стало умение работать в команде. Люди, качественно выполняющие работу в команде, помогающие делать это остальным, быстро создают атмосферу сотрудничества и воодушевляют других на более эффективную реализацию своих профессиональных функций, тем самым, повышают эффективность и производительность труда в целом.

Идея командных методов работы, заимствованная из спорта, стала активно внедряться в практику управления в 60–70 годы XX в. В настоящее время командообразование представляет собой одну из перспективных моделей менеджмента, обеспечивающих эффективное организационное развитие предприятия. Командообразование направлено на создание групп равноправных специалистов различной специализации, сообща несущих солидарную ответственность за результаты своей деятельности и на паритетной основе осуществляющих разделение труда (Тидор, 1997). Ключевым фактором эффективной работы является способность каждого ее члена «работать на результат». Однако на практике психологический акцент смещается с результатов деятельности на межличностную конкуренцию, что часто приводит к скрытой и явной конфронтации, а это в свою очередь ведет к деловому и экономическому

спаду, формирует напряжение внутри коллектива, разрушительно воздействует на личность. В организациях возникает две формы взаимоотношений между людьми в процессе совместного выполнения профессиональной деятельности, которые можно обозначить как: «традиционная организация» и «новейшая организация». Традиционная организация «нацелена на обеспечение выполнения рабочих заданий, ее «ахиллесова пята» – низкий уровень психологической поддержки» (Уикер, 2007). Новейшая организация обеспечивает и выполнения заданий, и психологическую поддержку. Она включает в себя командный менеджмент, предполагающий участие работников в самоорганизации и самоуправлении совместной деятельностью, взаимный контроль, взаимопомощь и взаимозаменимость, ясность общих целей и ценностей, коллективную ответственность за результаты труда, использование группового и индивидуального потенциалов. Следовательно, основной целью новейшей организации на предприятиях становится процесс формирования команды.

Команда – автономный самоуправляемый коллектив профессионалов, способный оперативно, эффективно и качественно решать поставленные перед ним задачи (Зинкевич-Евстигнеева и др., 2004). По мнению Э. Лолера, в идеале команда должна включать 5–9 и никогда не более 15 человек. Хотя некоторые задания, например в промышленном производстве, могут требовать создания команд из 25–30 человек. Г. Паркер утверждает, что производительность, ответственность, участие и доверие – все эти показатели ухудшаются по мере увеличения численности команды, он считает, что оптимальный размер команды – от 4–6 человек, а 10–12 членов – это предел, при котором когда еще сохраняется эффективность деятельности. Я. Р. Катценбах и Д. К. Смит говорят, что в команде должно быть от 2 до 25 человек, «потому что большие группы людей – просто в силу их размеров – испытывают трудности в плане конструктивного взаимодействия друг с другом» (Тидор, 1997). Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева рассматривает численность команды с позиции выполняемых ей работ, но наиболее эффективно по ее мнению «семь плюс минус два» (Зинкевич-Евстигнеева и др., 2004).

Феномен командной работы рассматривается в двух основных подходах. Первый описание команды – через набор признаков. Этот «перечислительный подход дает возможность увидеть командную работу более многогранно» (Уикер, 2007). К существенным признакам команды относится совместная работа для достижения общей цели, регулярное взаимодействие с отработанными процедурами

сплочения, координация действий, продуманное позиционирование и взаимозаменяемость. При этом цель работы находится за пределами группы, что является в психологии советского периода признаком коллектива. С точки зрения этого подхода описание команды и коллектива имеет много общего. «Команда – это социально единая группа индивидуальностей, взаимозависимо работающих ради достижения общей цели, значимой как для участников команды, так и для деятельности организации, в которую эта команда входит» (Иванова, 2008).

Второй подход рассматривает команду следующих признаков: взаимозависимость, сплоченность, синергия. К. Левин первый начал рассматривать команду с позиции взаимозависимости, который выступает как основной фактор, отличающий команду от группы. Объяснение команды через феномен сплоченности подразумевает, что команда есть высоко сплоченная группа, а одним из высших достижений руководителя считается создание сплоченной команды единомышленников. Сплоченность выступает как эмоциональный феномен, который Л. Джуэлл связывает с тем, насколько члены такой группы испытывают притяжение друг к другу и к группе в целом, но данный подход мало эффективен. Во-первых, команда на предприятии вынужденное образование, люди уже работают, а не объединяются по интересам. Во-вторых, единодушие и единомыслие может повредить эффективности работы, в частности при принятии решений. Следовательно, высоко сплоченная группа не всегда эффективная группа, по мнению Л. Джуэлла (Уикер, 2007). М. Вудкок определяет феномен команды, через синергию: «Командная работа – это люди, работающие вместе, чтобы сделать больше, чем они могли сделать по отдельности; кроме того, их совместная работа приносит им удовлетворение и радость» (Тидор, 1997). Команда, не является универсальным инструментом системы управления, этот способ организации имеет свои плюсы и минусы, которые были выделены Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой [3]. Отрицательные факторы касаются в основном процесса создания команда и затрат на него. Положительные факторы относятся к непосредственной работе в созданной команде, и поэтому они более значимыми. Таким образом, создавая команду, организатор должен учитывать все плюсы и минусы «эффекта команды». Команда – самостоятельный сплоченный коллектив, который можно и «перекупить», в условиях современной экономики, предложив большие деньги и возможности. В этом случае сохранить команду могут только высокие нравственные качества членов команды, а также их личная преданность ее организаторам.

В зависимости от сферы деятельности команда имеет две основные сферы деятельности: производственную и интеллектуальную. Организация производственных и интеллектуальных команд имеет свои особенности по следующим показателям: постановка целевой задачи; формы стимулирования; квалификация; уровень креативности; продолжительность продуктивного функционирования. Постановка целевой задачи для производственных команд отличается высоким уровнем конкретизации конечного результата, условий и сроков выполнения работ, характером обеспечения и формой оплаты конечного результата. Целевую задачу рекомендуется формулировать конкретно и жестко. Это повышает ее результативность, дисциплинируя членов команды. Я. Р. Катценбах и Д. К. Смит отмечают, что наличие четких, жестких, требований «намного важнее для успеха команды, чем все усилия по ее созданию, особые стимулы или наличие идеальных руководителей» (Галкина, 2001). Для интеллектуальных команд такие задачи, как разработка стратегии развития фирмы, поиск рациональных проектных решений, разработка обоснований нового законопроекта – могут быть обозначены лишь в общих чертах, с указанием необходимых параметров. Сроки исполнения назначаются приблизительно, с промежуточными контрольными проверками.

Для производственных команд основной формой стимулирования является материально-денежная форма с элементами общественного признания и морального стимулирования. Для интеллектуальных команд материально-денежная форма нередко является не основной, а большую мотивацию могут иметь престижно-карьерные стимулы и морально-сертификационные факторы общественного признания (Галкина, 2001).

По показателю квалификация и интеллектуальная и производственная команда должна быть командой профессионалов. В производственных командах при наличии ведущих специалистов ключевое требование – повышенная исполнительская дисциплина. В интеллектуальных командах при наличии настоящих профессионалов ключевое требование – единство ценностных ориентации и подбор единомышленников в стратегии развития. В производственных командах требование креативности и коммуникативной культуры может не быть ключевым, если уровень материальной заинтересованности всех членов команды достаточно высок. В интеллектуальных командах это требование является базовым условием успешного функционирования команды, т. к. материальные

стимулы и конкретные сроки могут быть весьма расплывчатыми. Чем дольше существует команда, тем выше ее уровень сработанности и профессионализма, тем успешнее и результативнее она действует.

Поэтому процесс командообразования должен проходить под руководством квалифицированного психолога. Целью нашей работы является разработка тренинговой программы, направленной на процесс командообразования в трудовом коллективе. Объект исследования – процесс организации деятельности психолога в трудовом коллективе. Предметом является процесс командообразования, как одно из направлений работы психолога. Практическое исследование было выполнено по заказу реально – действующего крупного промышленного комплекса ТОО «Богатырь Аксес Комир». Они сформулировали проблему следующим образом: два отдела предприятия вызывают излишнее напряжение в организации деятельности с внутренним клиентом. Внутренний клиент – мастера и начальники участков, которые часто вступают с сотрудниками этих отделов в профессиональное взаимодействие. Они стали обращаться с жалобами на действия сотрудников данных отделов. Работа по решению данной проблемы состояла из трех этапов: организация анкетирования и интервью; проведение тренинга командообразования; получение обратной связи с помощью организации «круглого стола». Объектам работы психолога являлись реальные рабочие группы, функционирующие в организации. Цель тренинга – создание позитивных изменений в социально – психологических параметрах команды после участия в тренинге. В разработке программы тренинга мы опирались на следующие задачи: 1. Выявление проблемных «узлов». Для этого был проведен первый диагностический этап, в форме анкетирования и интервью, полученные данные мы использовали в процессе тренинга. 2. Развитие системы коммуникаций среди участников команды. Использовали упражнения, где участники могли совершенствовать навыки компетентного общения. 3. Развитие навыков индивидуальной и групповой рефлексии. Рефлексия это метод осознания, того, что они пережили и узнали нового, она дает возможность учиться на прошлом опыте и переносить знания в другие области деятельности. Это задача достигалась, путем обсуждения каждого упражнения и всего дня в целом, а так же после окончания занятий был проведен круглый стол. 4. Создание позитивного социального окружения. Для этого мы использовали упражнения, в которых подчеркивалось ценность каждого участника

и одновременно дало бы возможность всем еще раз почувствовать взаимозависимость членов команды.

Тренинг длился в течение 8 часов – 4 дня. Тренинг состоял из теоретической, практической части и диагностики. Теоретически разбирались основные проблемы командообразования: совместимость, срабатываемость и конструктивное разрешение конфликтов, затем эти знания и навыки совершенствовались в практическом взаимодействии и обсуждались в процессе рефлексии. Совместимость отрабатывалась в упражнениях «болото», «путаница» «лес». Срабатываемость в упражнениях «исследование мотивации», «вклад» «ваш выбор», социометрия с использованием цветовых эталонов. Методы конструктивного разрешения конфликтов: «Главный арбитр», решение реальных конфликтных ситуаций. Диагностические процедуры были использованы, в качестве развивающего компонента: диагностика самооценки по Будасси, тест Люшера, результаты индивидуальной диагностики были закрытыми и оставлены участникам. Психолог дал, развернутое обобщенное представление об уровнях самооценке и ее влиянии на эффективность деятельности, здоровье и на межличностные отношения.

Эффективность проведенной работы заключается в предложениях участников тренинга по повышению собственного вклада в деятельность всей компании, осознании и увеличении психологических компонентов в деятельности работников, высказанных на «Круглом столе», желании создать кабинет психологической разгрузки и в повторном запросе предприятия на продолжение сотрудничества, в форме обучающих семинаров-тренингов.

ЛИТЕРАТУРА

- 18 программ тренингов: Руководство для профессионалов / Под ред. В. А. Уикер. СПб.: Речь, 2007.
- Галкина Т. П.* Социология управления: от группы к команде. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Зинкевич-Евстигнеева Т. Д., Фролов Д. Ф., Грабенко Т. М.* Теория и практика командообразования. Современная технология создания команд / Под ред. Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой. СПб.: Речь, 2004.
- Иванова А.* Тренинг по командообразованию: Всегда ли он нужен и как к нему подготовиться? // Сетевой источник: http://www.hr-training.net/statya/ivanova_1.shtml.
- Тидор С. Н.* Психология управления: от личности к команде. Петрозаводск: Периодика, 1997.

Научное издание

Серия

«Интеграция академической и университетской психологии»

ПОЗНАНИЕ И ОБЩЕНИЕ

ТЕОРИЯ, ЭКСПЕРИМЕНТ, ПРАКТИКА

Ответственные редакторы:

В. А. Барабанщиков, Е. С. Самойленко

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*

Корректор – *И. В. Клочкова*

Лицензия ЛР №03726 от 12.01.01.
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29
E-mail: publ@psychol.ras.ru
www.psychol.ras.ru

Сдано в набор 10.12.08. Подписано в печать 17.12.08
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура (тс) СНАУТЕР. Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 11,1
Тираж 300 экз. Заказ .

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Книги издательства Института психологии РАН

2008

- Барбанищikov В. А., Белопольский В. И.* Стабильность видимого мира. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 300 с.
- Сушков И. Р.* Психологические отношения человека в социальной системе. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 412 с.
- Попов Л. М., Годубева О. Ю., Устин П. Н.* Добро и зло в этической психологии личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 240 с.
- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 571 с.
- Речь ребенка: Проблемы и решения / Под ред. Т. Н. Ушаковой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 352 с. (Труды Института психологии РАН)
- Когнитивные исследования: Сборник научных трудов. Вып. 2 / Под ред. В. Д. Соловьева, Т. В. Черниговской. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 320 с. (Когнитивные исследования)
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 589 с. (Труды Института психологии РАН)
- Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 344 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Кольцова В. А.* История психологии: Проблемы методологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 512 с. (Методология, теория и история психологии)

Психологические исследования. Вып. 3 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 336 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)

2007

Психофизика сегодня / Под ред. В. Н. Носуленко, И. Г. Скотниковой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 340 с.

Тенденции развития современной психологической науки. Тезисы юбилейной научной конференции (Москва, 31 января–1 февраля 2007 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. Часть I. – 428 с.

Тенденции развития современной психологической науки. Тезисы юбилейной научной конференции (Москва, 31 января–1 февраля 2007 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. Часть II. – 388 с.

Методы исследования психологических структур и их динамики. Вып. 4 / Под ред. Т. Н. Савченко, Г. М. Головиной. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 192 с.

Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 223 с.

Моросанова В. И., Аронова Е. А. Самосознание и саморегуляция поведения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 213 с.

Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 479 с.

Общение и познание / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 495 с. (Труды Института психологии РАН)

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 480 с.

Психологические исследования: Вып. 2 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 303 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)

Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 624 с.

История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Ма-

- териалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 568 с.
- Белопольский В. И.* Взор человека: Механизмы, модели, функции. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 415 с.
- Белопольская Н. Л., Иванова С. Р., Свистунова Е. В., Шафирова Е. М.* Самосознание проблемных подростков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 332 с.
- Психология – наука будущего: Материалы международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего», 1–2 ноября 2007 г., Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 512 с.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе: Материалы Первой международной научно-практической конференции, 13–14 ноября 2007 г., Москва. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 284 с.
- Пономаренко В. А.* Профессия – психолог труда. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 400 с. (Достижения в психологии)
- Дружинин В. Н.* Психология способностей: Избранные труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 541 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)
- Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды: Проблема воспринимаемого качества. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 400 с.
- Залевский Г. В.* Личность и фиксированные формы поведения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 336 с. (Достижения в психологии)
- Гостев А. А.* Психология вторичного образа. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 512 с.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 528 с.
- Коваленко П. А., Пономаренко В. А., Чунтул А. В.* Учение об иллюзиях полета: Основы авиационной диалогии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 461 с.
- Резников Е. Н.* Психология этнического общения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 160 с.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1 / Отв.

- ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 191 с.
- Харламенкова Н. Е.* Самоутверждение подростка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 384 с.
- Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 384 с. (Труды Института психологии РАН)
- К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2007. – 270 с. (Труды Института психологии РАН)

2006

- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 464 с.
- Бодров В. А.* Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 623 с. (Достижения в психологии)
- Журавлев А. Л., Миллер Л. В.* Программа учебного курса «Методы социальной психологии» для психологических факультетов университетов. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 24 с.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 335 с.
- Психологические исследования. Вып. 1 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 224 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 400 с.
- Когнитивные исследования: Сборник научных трудов. Вып. 1 / Под ред. В. Д. Соловьева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 240 с.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 512 с. (Достижения в психологии)

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 623 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 592 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)
- Образ российской психологии в регионах страны и в мире: Материалы международного Форума и Школы молодых ученых ИП РАН, 24–28 сентября 2006 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 432 с.
- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 560 с.
- Алмаев Н. А.* Элементы психологической теории значения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 432 с.
- Савченко Т. Н., Головина Г. М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 170 с. (Методы психологии)
- Психология творчества: Школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 624 с. (Научные школы ИП РАН)
- Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (1–2 февраля 2006 г.) – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 216 с.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 624 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)

9 785927 001484 >

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 623 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 592 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)
- Образ российской психологии в регионах страны и в мире: Материалы международного Форума и Школы молодых ученых ИП РАН, 24–28 сентября 2006 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 432 с.
- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 560 с.
- Алмаев Н. А.* Элементы психологической теории значения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 432 с.
- Савченко Т. Н., Головина Г. М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 170 с. (Методы психологии)
- Психология творчества: Школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 624 с. (Научные школы ИП РАН)
- Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (1–2 февраля 2006 г.) – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 216 с.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 624 с. (Выдающиеся ученые Института психологии РАН)

9 785927 001484 >